

Н.И. Барышников

МАННЕРТЕЙМ БЕЗ РЕТУШИ

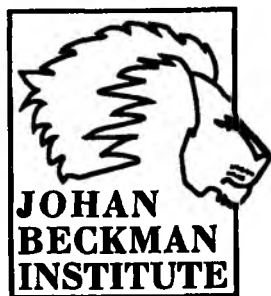
1940-1944

Н. И. БАРЫШНИКОВ

К. Г. МАННЕРГЕЙМ

БЕЗ РЕТУШИ

1940–1944 гг.

Санкт-Петербург–Хельсинки • 2004

Н. И. Барышников

К. Г. МАННЕРГЕЙМ

БЕЗ РЕТУШИ

1940–1944 гг.

Редактор З. В. Смирнова

Художник Д. Н. Шубин

НИИУ «ИНСТИТУТ ЙОХАНА БЕКМАНА»
(JOHAN BECKMAN INSTITUTE)

Типография АО «YLIOPISTORAINO»

г. ХЕЛЬСИНКИ.

Заказ по e-mail jbi@mail.ru

ISBN 952-5412-22-9

© Н. И. Барышников. 2004

© Johan Beckman Institute. 2004

СОДЕРЖАНИЕ

К ЧИТАТЕЛЮ И ОППОНЕНТАМ.....	5
I. В МИРОВУЮ ВОЙНУ.....	10
Штрихи предыстории.....	10
Эмиссар Геринга в Финляндии.....	16
Руководство исполнителями.....	21
II. ПО ПЛАНУ «БАРБАРОССА».....	32
Главкомандующий приказывает.....	32
Удар по Ленинграду не состоялся.....	43
Что произошло с маршалом?.....	48
В ответ на призыв Черчилля.....	54
III. В АТМОСФЕРЕ ВЫЖИДАНИЯ.....	59
«Я больше не наступаю».....	59
В дни 75-летия.....	64
Война или мир?.....	76
Парадоксы в истории.....	92
IV. О «ГУМАННОСТИ».....	99
Пожелание выжить.....	99
Эпизод с островом Сухо.....	101
Так происходило в Карелии.....	106
ПОСЛЕСЛОВИЕ.....	118
Суда удалось избежать.....	118
Внедрение апологии.....	125
ПРИМЕЧАНИЯ.....	131
ПРИЛОЖЕНИЯ.....	141
БИБЛИОГРАФИЯ.....	161
УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН.....	170

К ЧИТАТЕЛЮ И ОППОНЕНТАМ

Некоторые биографы, пишущие об известных людях, случается, отчасти замалчивают негативные стороны их прошлого. Еще хуже бывает, когда избираются средства лакировки определенных периодов пройденного описываемым ими пути. Если такая тенденция совпадает еще и с проявившейся политической тенденцией или конъюнктурой, возникшей в обществе, то тогда «труд» биографа нередко становится даже источником распространения мифологии в широком масштабе в периодической печати, да и в художественной литературе. В этой ситуации теряется уже значимость реально существующих исторических документов, как критерия истины.

Особенно сложно бывает с восстановлением истины в том случае, когда биографами или писателями выступают не профессионалы-исследователи. Аргументированные публикации историков, в которых они вскрывают фальшь биографов, вызывают крайнее раздражение последних.

Будем к тому же откровенны: часто приходится сталкиваться с замалчиванием исторической правды. В прошлом можно было встретиться, даже, с призывом поступать именно так. Видный российский военный деятель Б. М. Шапошников в своих воспоминаниях приводит выдвигавшееся немецким военным стратегом Х. И. Мольтке правило: в исторических трудах «писать правду, но не всю правду»¹.

Именно эти обстоятельства, связанные с выходом целого ряда издаваемых книг и статей о маршале Финляндии Карле Густаве Маннергейме, далеких от правдивого изложения его деятельности в годы Второй мировой войны, побудили меня взяться за перо. По моему мнению, полезно бы было в этой связи прибегнуть к конкретному историографическому анализу соответствующих работ.

Однако, по неподтвержденным источниками данным периодической печати, к началу наступившего века насчитывает-

ся 700 биографов маршала и в одной только Финляндии издано до 200 работ о нем.² Всплеск интереса к жизни и деятельности К. Г. Маннергейма проявился в России, прежде всего, потому, что многие годы в советских публикациях наблюдалась крайность – о нем писалось только отрицательное. Все это симулировало желание узнать какова же истина.

Кажется, довольно убедительный ответ на это дал весьма уважаемый эстонский исследователь – историк Херберт Вайну. Ему принадлежит такое определение личности Маннергейма – «многоликий Маннергейм».³ Многоликость маршала ярко проявилась в сложный период начала сороковых годов минувшего века, когда Финляндия, войска которой он возглавлял, вступила во Вторую мировую войну на стороне агрессора – Германии. Об этом периоде и пойдет речь в предлагаемой читателю работе.

Следует отметить, однако, что самым обстоятельным биографом Маннергейма был ученый из Финляндии – профессор Стиг Ягершельд. Его книга «Финский маршал Густав Маннергейм 1941–1944»⁴ представляет непосредственный интерес. Вместе с тем, в изложении материала сыграло свою роль то, что автор книги являлся родственником Маннергейма, он не ушел от апологетики по отношению к нему, что вообще то характерно и для многих финских биографов маршала. Упомянем также об академике Вейо Мери, работа которого о Маннергейме, появившаяся в 1988 г., отличается наименьшей предвзятостью. Она через десяток лет была издана на русском языке⁵, и, несомненно, отличается от других книг подобного рода яркостью отображения жизни маршала, его личности.

Конкретный историографический анализ научной литературы, а также мемуарных источников, о деятельности Маннергейма в годы Второй мировой войны, мог бы составить отдельную монографию. Однако в данной работе в ходе самого изложения мы коснемся только наиболее значимых ра-

бот и оставляем открытым простор для последующей творческой дискуссии с оппонентами.

Наконец, заслуживает внимания такой вопрос: все ли известно историкам о деятельности Маннергейма в 1940–1944 гг.? На это нельзя ответить положительно, поскольку:

– оказались уничтоженными многие документы Ставки верховного главнокомандующего финской армии;

– памятна так называемая операция «Стелла Поларис», когда в 1944 г., после выхода Финляндии из войны, весьма секретные военные документы были тайно вывезены в Швецию и, как затем сообщалось, ликвидированы;

– существовало указание Маннергейма в январе 1944 г., чтобы были уничтожены «материалы о проводимой в отношении Восточной Карелии политики»;⁶

– показательно также свидетельство профессора полковника Вилхо Тервасмяки о том, что в финских архивах, где он работал над биографией маршала, вообще нет документов с пометками главнокомандующего, которые относились бы к лету 1941 г., когда Финляндия присоединилась к агрессии Германии против СССР;⁷

– национальный архив Финляндии, где имеется личный фонд маршала, не содержит по периоду 1940–1944 гг. таких документов, которые бы давали возможность составить должное представление об его деятельности в то время.

Важным источником могли бы стать мемуары, написанные Маннергеймом к концу жизни. В подготовке их к изданию принимали участие бывшие ближайшие помощники его – начальник разведывательного отдела полковник А. Паасонен и начальник генштаба генерал А. Э. Хейнрикс. Эта книга была опубликована после смерти автора (в 1952 г.), и через 37 лет появилась в русском переводе.⁸ Для финских историков в период, когда еще архивные документы не предоставлялись для использования, она стала на многие годы одним из основополагающих источников. Однако за рубежом эта книга вызвала

*Главнокомандующий финской армии
маршал К. Г. Маннергейм*

весьма критическое отношение к воспоминаниям маршала. Особенно это относилось к описанию им событий 1940-х гг. Американский профессор Чарльз Лундин, опубликовавший в 1957 г. свое исследование «Финляндия во Второй мировой войне», поставил под сомнение сведения, приводившиеся Маннергеймом и некоторыми другими финскими политиками в своих воспоминаниях. Одна из фраз историка звучала категорично: «Несмотря на то, говорил ли Маннергейм в своих мемуарах правду или нет, оснований верить всему этому нет...».⁹ Книга Лундина вызвала столь сильное раздражение в Финляндии у ряда историков, что ее откровенно стали игнорировать, и перевод на финском языке появился лишь спустя четыре года, а в библиографиях многих изданий о войне труд американского ученого вовсе не упоминается.

Терпимость же к взглядам исследователей, конечно, должна быть. В свою очередь критический подход со стороны оппонентов в рамках творческой дискуссии коллег важен в поисках исторической правды. В надежде на это и предлагается читателю именно исследовательский подход к выяснению роли и позиции маршала Финляндии Маннергейма в весьма сложный период Второй мировой войны.

І. В МИРОВУЮ ВОЙНУ

Штрихи предыстории

Лишь спустя несколько десятилетий в Финляндии и в России вышли обобщающие исследования историков, в которых детально рассматривался процесс вступления финляндского государства во Вторую мировую войну на стороне Германии.¹⁰ Это освобождает от необходимости повторения многого из уже изложенного, а позволяет коснуться лишь того значительного и вместе с тем драматического события в финской истории в контексте той роли, которую сыграл главнокомандующий маршал Маннергейм. Потребуется вычлениить из всего, что происходило тогда, конкретные его действия, чтобы понять степень личной ответственности за случившееся. Заметим только, что лишь людские потери Финляндии в 1941–1944 гг. составили 66 тыс. человек.¹¹

Но важно начать с того, о чем замалчивается или скороговоркой упоминается в финской истории в потоке излагаемых событий. Речь пойдет о взаимоотношениях Маннергейма со вторым лицом в Германии после А. Гитлера рейхсмаршалом Г. Герингом. Это позволит увидеть прямую взаимосвязь с процессом включения Финляндии в германскую агрессию.

Установление Маннергеймом сотрудничества с Герингом берет свое начало с первых поездок маршала в 30-е годы в Германию после прихода Гитлера к власти. Академик Мери свидетельствует: «В 1934 г. в Берлине Маннергейм довольно близко сошелся с Герингом, ближайшим соратником Гитлера. Отношения эти он поддерживал долго. Ездил в Восточную Пруссию охотиться в угодьях Геринга. Геринг во время своего длительного пребывания в Швеции завязал знакомства в высших кругах страны, а в замке графа фон А. Русена нашел свою возлюбленную и будущую жену.

Этот самый Русен в 1918 г. подарил белой армии Маннергейма свой первый самолет со свастикой на борту, и эта эмблема по приказу Маннергейма вошла в символику и нагрудные знаки молодой республики. У Маннергейма и Геринга были общие шведские друзья и знакомые. Их отношения нельзя назвать поверхностными и формальными.¹²

Хотя процесс происходившего сближения и сотрудничества Маннергейма с Герингом охватывает несколько этапов важно обратить внимание на события, происходившие на рубеже начала 1940-х годов, т. е. времени выхода Финляндии из «Зимней войны» с Советским Союзом.

Первые контакты с Германией состоялись в ходе поездок маршала в эту страну с целью решения вопроса, касавшегося закупок вооружения для финской армии. Являясь председателем Совета обороны страны, Маннергейм придавал особое значение приобретению за рубежом современной авиационной техники. При нахождении в Германии в этой связи он, по словам Стига Ягершельда, «стремился сохранить и расширить отношения, которые у него там были».¹³ Первый контакт с Герингом состоялся в декабре 1934 г. Финский маршал намеревался развить отношения в следующем году, воспользовавшись приглашением того вновь встретиться и поохотиться в Восточной Пруссии. Когда же в сентябре 1935 г. состоялась, как выразился С. Ягершельд, «дипломатическая охота», Маннергейм явно беспокоился, чтобы об этом не узнали в Советском Союзе.¹⁴

Возвратившись в Хельсинки, Маннергейм докладывал о поездке руководству страны, что не могло не иметь влияния при определении правительством дальнейшей внешней политики. Характерно в этом отношении заключение, сделанное в 1935 г. секретарем английского посольства в Финляндии Н. Т. Гендерсоном, о том, что финские руководители «...с радостью наблюдают, как Германия расширяет экспансию в направлении России...».¹⁵

К. Г. Маннергейм и Г. Геринг

В следующем году Маннергейм вновь появился в Германии, чтобы «провести время» на курорте и заняться охотой. Под видом отдыха легко можно было продолжить такие «политические контакты». ¹⁶ Не известно, однако, состоялись ли тогда непосредственно встречи с Герингом. Умалчивает об этом в своих воспоминаниях и сам маршал. Зато о поездке Маннергейма в Германию в 1937 г. информации гораздо больше и свидетельствовала она не только о прогрессирувавшем развитии личных контактов с Герингом, но и о существовании весьма важных шагов с финской стороны в военно-политическом сближении с Германией.

Обращает на себя внимание тот факт, что Маннергейм, находясь осенью 1937 г. в Германии, содействовал организации встречи командующего финской армии Хуго Эстермана с Гитлером. Известный в Финляндии историк Кари Селён отметил по данному случаю: «Маннергейм писал из Германии в сентябре 1937 г. Эстерману, что ему следует приехать. Это имело бы значение для поддержания прогерманских отношений». ¹⁷

Характерно, что, приехав в Германию в марте 1938 г., Эстерман был принят Гитлером, который продолжительное время излагал ему, как надо вести себя по отношению восточного соседа. «Россия является колоссом, — сказал Гитлер, — который... всегда будет представлять опасность, угрозу для всех северных соседей... Россию нужно разгромить, прежде чем она приобретет такую силу, что ее уже нельзя будет разбить». ¹⁸ Показательно, что беседа с Эстерманом происходила вскоре после насильственного присоединения Австрии к Германии. Уже тогда финские дипломаты хорошо понимали направленность, определенную Гитлером командующему финской армии относительно Советского Союза. Посланник Финляндии в Берлине, возвращаясь к оценке высказывания Гитлера, докладывал своему руководству в Хельсинки 7 октября 1938 г.: «Вне всякого сомнения, сделанное

заявление указывает на то, что все силы необходимо напрячь для ослабления этого монстра (СССР – Н. Б.) и тогда, совершенно естественно, приблизилось бы время процесса его ликвидации». ¹⁹

В Советском Союзе с пристальным вниманием отнеслись к визиту Эстермана в Германию. Биограф Эстермана историк Пертти Хартикайнен писал: «Визит командующего вооруженными силами Эстермана в Германию в марте 1936 г. был трудной проблемой для внешнеполитического руководства Финляндии. В Советском Союзе придавали значение такому военному сотрудничеству Финляндии с Германией...». ²⁰

Действительно, советские дипломаты и разведка информировали высшее государственное и политическое руководство страны о происходившем сближении между Германией и Финляндией, акцентируя, в частности, внимание на встрече Гитлера с Эстерманом. Свидетельством тому является запись, сделанная И. В. Сталиным на одном из представленных ему документов: «А как с поездкой финского главкома к Гитлеру?». ²¹

Судя по всему, советское руководство не связывало тогда встречу Гитлера и Эстермана с предшествовавшим этому визитом Маннергейма в Германию. Лишь впоследствии финские исследователи тех событий стали указывать на то обстоятельство, что именно Маннергейм побуждал к поездке в Берлин командующего финской армии после состоявшейся у него до этого беседы с Герингом. В тот момент в отношениях между СССР и Финляндией в ходе визита в Москву в первой половине февраля 1937 г. финского министра иностранных дел Р. Холсти произошло заметное потепление. Такая перемена вызвала крайне негативную реакцию в Берлине. Как писал профессор Юхани Суоми в своей книге «Фон зимней войны», тогда «в Германии возникло подозрение о скрывающемся за визитом Холсти в Москву стремлении Финляндии поменять внешнюю политику, сде-

лав ее враждебной Германии». ²² Геринг при встрече с Маннергеймом «осудил совершенную Холсти поездку в Москву». ²³ Чтобы устранить подозрения Третьего рейха, маршал отреагировал сразу.

Беспокойство в Хельсинки реакцией высшего германского руководства на поездку Холсти в Советский Союз было настолько явным, что того было решено направить его без промедления в Берлин, чтобы «извиниться» за допущенное «прегрешение». Это и было сделано Холсти во время поездки в Германию (без приглашения) 22–24 октября 1937 г. Он заверил там министра иностранных дел Германии К. Нейрата, что «полностью сознает угрозу Финляндии, исходящую от России». ²⁴

Прибывший также в октябре в Берлин экс-президент Финляндии П. Э. Свинхувуд, известный своими прогерманскими настроениями, заявил, как отмечалось Ю. Суоми, что «противник Советского Союза всегда будет другом Финляндии» и, если возникнет война в Восточной Европе, Финляндия «не сможет оставаться нейтральной». ²⁵ Понятно, что это была позиция неофициального лица, но, имевшего большой вес в стране.

Складывавшаяся в целом ситуация в Германии в ее отношениях с Хельсинки выглядела так, что среди приближенных Гитлера явно стала проявляться «кураторская» роль Геринга в связях с Финляндией. При этом акцент делался на взаимодействии его с Маннергеймом, от которого многое зависело в решении ключевых вопросов военно-политического характера. Такой подход проявился довольно отчетливо в последующие годы, причем Герингу явно льстило выступать в роли «знатока» североευропейских стран и проводника политики протекций в отношении Финляндии. ²⁶

В условиях советско-финляндского кризиса 1939–1940 гг. и наличия августовских (1939 г.) договоров между СССР и Германией Геринг стал давать рекомендации, как следует поступать финскому руководству в начавшихся переговорах в Москве. Через не-

мецкого сотрудника посольства в Швеции графа К. Армфельта он советовал Маннергейму, а также и министру иностранных дел Э. Эркко не доводить дело до конфликта с СССР в решении проблемы о предоставлении ему базы в узкой части Финского залива. Мотивировалось это тем, что если СССР начнет войну, то Германия не сможет оказать помощи Финляндии.²⁷

Затем в ходе возникшей советско-финляндской войны Геринг стал пытаться внушить финскому руководству мысль о необходимости заключить мир даже при утрате Финляндией части территории. Давалось им прямо понять, что потери будут лишь кратковременными. Беседа 15 февраля 1940 г. с бывшим финским премьер-министром Т. Кивимяки, Геринг сказал ему, что мир надо заключать даже на тяжелых условиях, а потери можно будет вернуть в будущем. Кивимяки в своих мемуарах рассказывал об этом так: «...Геринг получил информацию о моем прибытии (в Берлин – Н. Б.) и направил машину, чтобы привезти меня на охотничью виллу. Это роскошно обставленное здание, где Геринг находился со своей женой, шведкой, располагалось в нескольких километрах к северу от Берлина. Геринг принял меня дружелюбно... Побуждал финнов побыстрее достигнуть мира. Геринг добавил лишь, что с победой Германии в войне мы получим с лихвой обратно то, что потеряли». Об этом же было передано им за шесть дней до подписания Московского мирного договора одному из представителей Швеции (Свену Хейдену).²⁸ Естественно, Маннергейм был тем, кого требовалось в первую очередь уведомить о позиции германского руководства.

Эмиссар Геринга в Финляндии

Спустя пять месяцев после окончания советско-финляндской войны, в сотрудничестве между Герингом и Маннергеймом наступил новый этап. Он был судьбоносным для Финляндии, поскольку положил начало вовлечению страны в осуществление Германией подготовки агрессии против Советского Союза.

Этому финские историки и мемуаристы уделили особое внимание, указав, прежде всего, на важный исходный момент — речь шла о конфиденциальном обращении Геринга к Маннергейму летом 1940 г. Сам Маннергейм рассказывал об этом в своих мемуарах так: «Контакты между Германией и Финляндией начались с того, что я 17 августа 1940 г. получил телеграмму от финского посланника в Берлине, в которой меня просили лично встретиться на следующее утро на аэродроме «Мальме» важного подателя письма... Когда я прибыл на аэродром вместе с министром обороны К. Р. Вальденом и генерал-лейтенантом А. Хейнриксом, оказалось, что также был приглашен для встречи и министр иностранных дел Виттинг. Прочитав письмо, я изложил его содержание обоим министрам: меня просили принять в тот же день немецкого подполковника Й. Вельтъенса, который получил задание передать послание рейхсмаршала Геринга...».

В тот же вечер подполковник Вельтъенс появился у меня дома и передал привет от Геринга. Тот хотел узнать, может ли Финляндия подобно Швеции разрешить транспортировку через свою территорию снабженцев, а также отпускников и больных, следующих в Киркенес (в Норвегию — Н. Б.) и оттуда. К тому же Вельтъенс информировал, что у нас имеется теперь возможность получить военное оборудование из Германии».²⁹

Далее Маннергейм утверждает, что он не давал положительного ответа на решение вопроса о впуске немецких войск на территорию Финляндии, сославшись на отсутствие у него необходимых полномочий. Но премьер-министр Р. Рюти на послевоенном судебном процессе в Хельсинки над виновниками войны (1945–1946 гг.) перекладывал всю ответственность на Маннергейма за передачу в Германию утвердительного ответа Герингу.

Здесь целесообразно обратиться именно к документам судебного процесса, зафиксировавшим опрос самого Ман-

нергейма, являвшегося в то время президентом страны. На вопрос, касавшийся встречи маршала с Вельтгенсом, последовал такой ответ: «Подполковник Вельтгенс, прибывший в Хельсинки в один из воскресных вечеров августа, представился мне и сказал, что он уполномочен рейхсмаршалом Германии сообщить разрешение на покупки Финляндией оружия из Германии и выяснить, даю ли я согласие на переброску немецких демобилизованных и больных солдат через Финляндию в Норвегию. Я ответил, что не в силах разрешить этот вопрос, так как он не входит в мою компетенцию. Вельтгенс пожелал вновь встретиться со мной, подчеркнув при этом, что указанный вопрос необходимо обсудить в строго секретном порядке и что на просьбу о переброске немецких войск нужно ответить лишь двумя словами – да или нет. После его ухода я позвонил премьер-министру Рюти и доложил ему о визите Вельтгенса. Я не помню подробного ответа Рюти на вопрос о переброске немецких войск, но он сам просил меня ответить «да». Об этом деле я так и доложил генералу Вальдену. Насколько помню, я не имел личной беседы по этому вопросу с президентом Каллио. Также не помню, чтобы Рюти и Вальден имели беседу с ним. Впрочем, чувствовалось, что Рюти услышал об этом деле впервые от меня».³⁰

Из сказанного представляется удивительной забывчивость маршала по такому серьезному вопросу, каким являлось решение о впуске немецких войск на территорию страны. Среди финских же историков, как свидетельствовал профессор Мауно Ёкипии, продолжалась вестись дискуссия о том, кто сказал окончательное «да».³¹

Тем не менее, Вельтгенс, посетивший вторично главнокомандующего финской армии маршала Маннергейма 19 августа, получил от него ответ о согласии на впуск войск Германии в Финляндию, причем уведомлялось об этом с благодарностью.³² Такого рода решение, конечно же, не должно было быть принято

*Эмиссар Г. Геринга
подполковник Й. Вельтъенс*

Эмиссар К. Г. Маннергейма генерал-майор П. Талвела

за спиной парламента, а также президента и государственного совета. Таким оно могло только стать по закону. Пошло же все иным путем. Дело это решалось тайно по просьбе, исходившей из Берлина. Явно также и Рюти лукавил перед судом. Мери пишет, что «после войны в Берлине нашли рапорт Вельтгенса, где он информировал, что обсуждал вопрос о переброске войск, в том числе и с Рюти».³³

При докладе Герингу после возвращения в Берлин Вельтгенс сообщил об очевидной заинтересованности финского руководства в том, что ему предлагалось, — имелось ввиду возможное в перспективе участие Финляндии в войне против Советского Союза на стороне Германии. Финский историк Хейкки Яланти пишет: «Согласно устному докладу Вельтгенса, Маннергейм и Рюти сказали ему, что с возникновением войны с Советским Союзом Финляндия будет сражаться до последнего человека».³⁴

Как видно из всего произошедшего, Геринг не ошибся в своих расчетах, адресовав Вельтгенса именно к Маннергейму, видя в нем ключевую фигуру в решении проблемы с Финляндией, которая рассматривалась как важный северо-восточный фланг в войне против СССР. В последующем Маннергейм совершенно определенно взял на себя руководящие функции по осуществлению обещанного Герингу.

Руководство исполнителями

Теперь перед Маннергеймом стала задача выделить круг лиц, которые должны были включиться в решение вопросов, ставших определяющими в новой ситуации. В качестве ответственного за подготовку конкретного соглашения с Германией и практической реализации его маршал привлек находившегося в отставке генерал-майора Пааво Талвела, который был известен весьма враждебным отношением к Советскому Союзу (это особенно проявилось в боях в Карелии в 1921–1922 гг. и затем во время «зимней войны» 1939–1940 гг.). Назначение П. Талвела состоялось 21 августа

в довольно необычной ситуации. Маннергейм пригласил его на обед, в ходе которого обсуждалась сложившаяся обстановка. Талвела записал в своем дневнике о произошедшем так: «Эта неделя была судьбоносной для Финляндии. Тогда мы сделали поворот, перейдя на сторону Германии».³⁵

Талвела получил распоряжение – приступить к скрытному взаимодействию с немецкими представителями. В его задачу входило обеспечение переброски из Германии в порты Вааса и Оулу более 5,5 тыс. солдат³⁶ вермахта, прибывающих тремя группами, и транспортировки их дальше в Лапландию соответствующими наземными средствами. Договоренность об этом была оформлена техническим протоколом, который подписали немецкий майор и финский подполковник. Так, по словам М. Ёкипии, германское руководство, действуя глубоко «через военных (Геринг–Вельтгенс–Маннергейм)», проводило столь важные решения.³⁷ Лишь 22 сентября 1940 г. было официально подписано германо-финляндское соглашение о мнимом транзите немецких войск. Роль Талвела как эmissара Маннергейма в связях с Герингом не завершилась на выполнении этого задания маршала. Наступал этап налаживания взаимодействия в военно-оперативной области. Для этого требовалось установить соответствующие контакты между генеральными штабами Германии и Финляндии. Расчет делался на то, что удастся в данном случае получить необходимую поддержку непосредственно от Геринга, направив в Берлин для встречи с ним и некоторыми представителями руководства вермахта опять таки генерала Талвела.

Во время первого визита в Германию Талвела не смог все же сразу встретиться по заданию Маннергейма с Герингом – он отсутствовал в столице. Не состоялся контакт с Герингом также и в ноябре, хотя предполагалось вручить ему памятную записку, одобренную Маннергеймом. Встречи происходили лишь с некоторыми ответственными военачальниками.

В дальнейшем события развивались так, что Маннергеймом было решено вновь направить 4 ноября Талвела в Германию.³⁸ Его эмиссар через три дня был уже там, но Геринга опять в Берлине не оказалось и пришлось ожидать его. Между тем тогда же в Берлин прибыл В. М. Молотов для переговоров с Гитлером, в ходе которых одной из обсуждаемых проблем, являлось произошедшее уже вступление немецких войск на финскую территорию.

Талвела тем временем пытался вести соответствующий зондаж, встречаясь с некоторыми из тех лиц, кто соприкасался с приближенными к Гитлеру. Так, 20 ноября, беседа с советником Гитлера по морским делам адмиралом О. Шниевиндом, Талвела поведал ему, что по поручению Маннергейма должен проинформировать руководящих деятелей Германии о военном положении Финляндии. «После того, — сказал он, — как стали получать уже от Германии оружие и немецкие войска продвигаются через Северную Финляндию, мы обретаем смелость, поскольку судьба Финляндии неотделима от Германии. В силу этого надо, чтобы военные проблемы Финляндии интересовали и Германию, особенно в том, где интересы требуют взаимности». При этом Талвела, сославшись на обдумывание Маннергеймом вопроса о способе защиты Аландских островов, высказал идею, чтобы «немцы оккупировали один из островов Аландского архипелага».³⁹

22 ноября Талвела возвратился в Финляндию, чтобы доложить о содержании состоявшейся беседы с германским адмиралом. Это он сделал, встретившись с Маннергеймом, а также с Рюти, Вальденом, Виттингом и Хейнриksom. После второй беседы с маршалом, тот распорядился вновь направить Талвела в Берлин. 7 декабря генерал прибыл в Германию с заданием поехать на прием к Герингу. Через два дня он встречался в финляндском посольстве, прежде всего, с представителями вермахта, задавшими разведкой и непосредственно интересовавшихся в своей деятельности Финляндией. Среди них были: генерал-

лейтенант К. Типпельскирх, полковник Э. Кинцель и генерал от инфантерии В. Эрфурт.

В это самое время заканчивалась работа по составлению плана «Барбаросса». За день до подписания Гитлером этого договора (18 декабря) Талвела встретился с начальником генерального штаба сухопутных войск Германии генерал-полковником Ф. Гальдером. В итоге беседы с Талвела Гальдер записал в своем служебном дневнике: «Я просил дать сведения о сроках приведения финской армии в состояние скрытой боевой готовности для наступления в юго-восточном направлении».⁴⁰ Уже по одной этой записи не трудно понять, что предусмотренное планом «Барбаросса» участие Финляндии в агрессии против СССР имелось в виде предварительного согласия с финской стороны.

Наконец, 18 декабря Талвела был принят Герингом в своем рабочем кабинете министерства авиации. Встреча происходила с участием офицера связи между ним и Гитлером генерала К. Боденшантца, а также Й. Вельтенса в течение более часа. Излагая Герингу то, что было согласовано с Маннергеймом до отъезда в Германию, Талвела, в частности, сказал, что «у Германии в конфликте с Россией едва ли есть более естественный союзник, чем Финляндия. Финляндия всегда была противником России, является она им также в настоящее время, и будет всегда оставаться таковым».

В свою очередь Геринг, говоря об акции Вельтенса, связанной с его поездкой в Хельсинки и начавшимся «транзитом» немецких войск, с удовлетворением констатировал, что финское руководство ответило положительно и «с этого момента решилась судьба Финляндии». Затем он особо подчеркнул: «После этого Финляндия оказалась в сфере интересов Германии. И Вы, генерал, можете сказать маршалу, что Финляндии больше нечего бояться».⁴¹

Возвратившись 20 декабря в Финляндию, Талвела сперва доложил Маннергейму о результатах поездки, и только че-

рез два часа после этого информировал президента. Вечером он же в ресторане «Сеурахуоне», находясь в обществе Маннергейма, Вальдена и Хейнрикса, поведал еще раз о своем пребывании в Германии.⁴²

На следующий день в оперативном отделе генштаба Финляндии сочли возможным сделать первые наброски плана участия финских войск в агрессии против Советского Союза,⁴³ имея ввиду последующие предстоящие контакты с германским военным командованием. Талвела тогда был упоен достигнутым успехом при выполнении тех заданий, которые ему поручил маршал в качестве связного с Герингом. В своем дневнике 1 января 1941 г. он записал: «Надеюсь, что наступивший год принесет возможности вместе с Германией разбить рюсся (презрительная кличка русских – Н. Б.). Тогда может быть осуществится моя давняя мечта о Карелии».⁴⁴

Маннергейм решил уведомить Геринга о своих чувствах признательности ему. Направив 7 января письмо рейхсмаршалу, он выражал благодарность за то, что тот идет навстречу надеждам Финляндии.⁴⁵

В последующие полгода (1941 г.) развертывалась подготовка Финляндии к войне в соответствии с планом «Барбаросса». Существуют различные толкования относительно того, когда финское руководство официально узнало о существовании этого плана. Более определенно известно, что после работы, проделанной Талвела, маршал Маннергейм поручил начальнику генштаба Хейнриксу заниматься непосредственно согласованием оперативных военных планов Финляндии с командованием вермахта. В конце января 1941 г. он начал обсуждать с Гальдером конкретные вопросы подготовки финской армии к согласованным с Германией боевым действиям против Советского Союза. 30 января Гальдер записал в своем военном дневнике, что достигнута договоренность о скрытном проведении мобилизации в Финляндии и нанесении финской армией удара на ленин-

градском направлении. Произошедшее 30 января было названо финским военным атташе в Берлине полковником В. Хорном «знаменательным днем в истории Финляндии».⁴⁶

Контакты между Герингом и Маннергеймом продолжались через доверенных лиц. Так, зафиксировано, в частности, что в феврале 1941 г., когда главный квартирмейстер германских ВВС генерал-лейтенант Х. Г. Зейдель по указанию Геринга находился в Финляндии, он дважды встречался с Маннергеймом, и тогда обсуждался вопрос об использовании немецкой авиацией финских аэродромов. По словам профессора Ёкипии, «внимание Маннергейма к генералу Зейделю было очевидным». Ему церемониально вручил маршал правительственную награду – Большой крест Белой Розы.⁴⁷

Для ведения завершающих переговоров по оперативным вопросам с представителями германского командования Маннергейм сформировал делегацию, которую возглавил начальник генштаба генерал-лейтенант Хейнрикс. Переговоры состоялись 15–28 мая в Зальцбурге и Цоссене с В. Кейтелем, А. Йодлем и Ф. Гальдером. В ходе обсуждения планов совместных операций было достигнуто соглашение о том, что финские войска вступят в боевые действия против Советского Союза через две недели после нападения на него Германии.

Уже через день после начала германской агрессии против СССР были отмечены заслуги куратора Финляндии Геринга. 24 июня 1941 г. финский посланник в Берлине вручил ему изящный памятный знак, которым награждались заслуженные авиаторы военно-воздушных сил. Принимая эту награду, Геринг заверил финское руководство, что Финляндия теперь получит с лихвой все то, «что захочет». Было при этом добавлено, что она «может взять и Петербург», хотя его следует полностью уничтожить так же, как и Москву, что и было сообщено телеграммой, направленной посланником в Хельсинки президенту

*Маршал К. Г. Маннергейм
и генерал-лейтенант А. Э. Хейнрикс*

Рюти. Копия ее была адресована и маршалу Маннергейму,⁴⁸ а это означало, что ему с самого начала стало известно о чудовищном замысле германского руководства относительно Ленинграда.

Здесь уместно затронуть вопрос о том, повлияло ли в этот момент на Маннергейма известие о намерении германского руководства уничтожить Ленинград, когда уже должны были осуществляться финским командованием оперативные планы, выработанные совместно с германским генштабом сухопутных сил. Известно, что имеет хождение в исторической литературе и в публицистике мнение, что Маннергейм «любил город на Неве» и не был сторонником не только его уничтожения, но и овладения им.

Перемен в подходе маршала относительно намеченных планов не произошло. В канун вступления Финляндии в войну, с мая 1941 г. полным ходом шел процесс создания новой группировки войск – Карельской армии. Командующим ее назначается вернувшийся из Германии с переговоров генерал Хейнрикс, а главным ударным ядром в ней определяется VI армейский корпус, во главе которого маршал ставит генерала Талвела.

Весьма впечатляюще описал Талвела саму картину своего нового назначения. Происходило это в отдельном «кабинете № 1» хельсинкского ресторана «Савой» в присутствии генералов Вальдена и Хейнрикса. «Когда я пришел маршал объявил мне, – рассказывает Талвела, – что Германия на днях начнет наступление против Советского Союза... и об этом теперь официально сообщили Финляндии. Маршал добавил, что немцы не просят нас ни о чем другом, как нанести сильнейший удар в направлении Ленинграда. Он объявил о создании специальной группировки для осуществления этого удара и предложил мне ею командовать, спросив, желаю ли я этого. Я поднялся молниеносно со своего стула и заявил: "Да ведь это является величайшим моментом в моей жизни"». ⁴⁹ Уже после

Salasähköjärjestys

Berlin 24/6 1941 klo 19.50
Samp. 25/6 " " 0.33
" " " " 0.35
Avattu " " " 2.55

ad 25/6 59/41 (ae)

Ulkoviestit

Helsinki

222 Presidentti Ryti. Jättäessäni tänään suurin osin ketju-
neen Karinhallissa Göringille, joka pyysi kiittää ja te-
vehtää sinua ja Mannerheimia, sanoi här. sotatoimien kehii-
tyvän odottamattoman hyvin. 2632 lentokonetta hävitetty ta-
sakuun, joista 700 ammuttu alas ja loput lentokentillä, j-
sa niitä maannut riveissä syyttään toinen toisiaan. Pa-
sarijoukot Minskissä, Vilna, Kovno vallattu. 2400 miehinan
hallintokomissio vallattuja alueita varten seuraa. Kysyi
tevehtämme jolloin esitin vaihtoehdon 5 ja Kuolan sanoi
voimaa ottaa mitä haluanne myös Pietarin, joka kuitenkin
samoin kuin Moskova parasta hävittää. Kuolesta tehtävä
taloudellisia sopimuksia Saksan kanssa. Venäjä pirstotaan
pikkuvaltioihin. Sota tullut yllätyksenä Venäjälle, joka
odotti uuttamatun ja toivoi näennäisillä myönnetyksillä
voittavansa aikaa. Yllätys todella tšekäläiselle Sovjetin
lähetyksillekin, jonka neuvos vielä lauantaina Lundströmin
luona suunnittelemassa yhteisiä sitkejä. Mieliä ei lailla
erikoisen innostanut pelätään sodan pitkistyvän. Kun voiton-
sanomia muutamien päivän parasta muuttunee.

A. Toesvallan Presidentti.
Päämin.
in.
-p. 2.
Ark.

B. Sotamarsalkka

WS

*Документ Архива Министерства иностранных дел Финляндии,
свидетельствующий о знании маршалом К. Г. Маннергеймом
замысла германского руководства по поводу уничтожения Ленинграда
и передачи его территории Финляндии*

войны, в 80-е годы, бывший в 1939–1944 гг. пресс-атташе Германии в Хельсинки Ханс Метцгер писал: «Обрисованная Талвелой беседа с маршалом согласуется почти дословно с теми сведениями, которые я получил в начале июня 1941 г. от Х. Рессинга (немецкого военного атташе в Финляндии – Н. Б.)». Рессинг также уточнил, что у Маннергейма имелось полученное от Гальдера конкретное «соображение относительно участия в овладении Ленинградом» финской армией. В связи с чем Х. Метцгер добавляет: «Когда я попытался усомниться, Рессинг сказал: «Я знаю это из таких весьма достоверных источников, как если бы мне сказал об этом лично маршал».⁵⁰

Не удивительно поэтому, что ряд исследователей в Финляндии без сомнений пишет о том, что перед финской армией совершенно определено выдвигалась главная задача участвовать во взятии Ленинграда. По словам историка А. Руси, «в определении командующим общих оперативных планов в начальной стадии войны вопрос о взятии Ленинграда составлял сущность финско-немецкого сотрудничества».⁵¹ Подобным же образом писал и более известный финляндский историк, автор целого ряда работ, посвященных участию страны во Второй мировой войне, В. Халсти. Он констатирует, что «падение Ленинграда рассматривалось в качестве задачи первостепенной важности как в ходе войны, так и ее конечного результата».⁵²

В более поздних работах военного историка Хельге Сеппяля, уделившего большое внимание событиям войны 1941–1944 гг. с Советским Союзом, дается объективная характеристика оперативных планов финской армии и позиции ее главнокомандующего. «Согласно взглядам финской ставки, – писал он в книге «Битва за Ленинград и Финляндия», – в широких немецких планах овладения Ленинградом являлось фактом наше участие в этой операции».⁵³ Делая дальнейшие выводы в этом отношении в исследовании «Блокада Ленинграда 1941–1944», опубликованном в 2003 г.,

Х. Сеппяля заключает: «Военное руководство Финляндии незаметно оказалось в сфере «Барбаросса» сразу после его утверждения... Деятельность Финляндии хорошо служила оперативным целям Германии... Вопрос о Ленинграде вновь встал в готовившейся войне-продолжении».⁵⁴

Можно предположить, что отдельные биографы Маннергейма, ретуширующие его портрет периода Второй мировой войны под изображение «спасителя Ленинграда», вынуждены будут, в конечном счете, вернуться к исторической реальности, вытекающей из документальных и иных свидетельств объективных источников.

II. ПО ПЛАНУ «БАРБАРОССА»

Главнокомандующий приказывает

Нет, очевидно, особой необходимости останавливаться на мифологии, существующей все еще в официальной финской историографии о том, что якобы Советский Союз начал 25 июня 1941 г. войну против Финляндии. Это утверждение уже обстоятельно рассматривалось неоднократно ранее.⁵⁵ Внимательно проанализируем отданные маршалом Маннергеймом приказы: о начале военных действий совместно с германскими войсками против СССР (25 июня) и о переходе в наступление специально образованной Карельской армии (10 июля).

Эти приказы были характерны, прежде всего, своей направленностью, захватнической ориентацией в отношении Советского Союза и подтверждением факта участия Финляндии в «крестовом походе» совместно с германскими «братьями по оружию».

В приказе № 1 говорилось об отношении Финляндии к мирному договору с Советским Союзом, который был заключен 12 марта 1940 г. «Заключенный мир, — указывалось там, — был лишь перемирием, которое теперь закончилось». Такая формулировка главнокомандующего стала основанием для того, чтобы определить в финской историографии период с 13 марта 1940 г. по 25 июня 1941 г., когда Финляндия находилась в состоянии мира в соответствии с подписанным ею договором, всего на всего лишь «перемирием». Тем самым фактически раскрывалось, какой курс во внешней политике и дальнейшем развитии страны был взят ее государственно-политическим руководством сразу после подписания мирного договора. Вводилось также в финляндскую пропаганду понятие отношений с Германией, как с «братом по оружию». В приказе довольно четко это было сформулировано: «Мы вме-

сте с мощными военными силами Германии как братья по оружию с решительностью отправляемся в крестовый поход против врага...».⁵⁶

Затем был подготовлен 2-й важный для понятия сути происходившего приказ Маннергейма, оглашавшийся в день перехода Карельской армии в наступление, которое началось 10 июля. В нем предусматривалось, что наступление будет идти вдоль восточного побережья Ладожского озера навстречу немецкой группе армий «Север» под командованием фельдмаршала В. Лееба, продвигавшейся из Восточной Пруссии. Текст приказа был отправлен в типографию заранее. Естественно, в него могли быть внесены поправки, если бы у руководства государством имелись возражения против его содержания. В этом приказе звучал весьма откровенный призыв к захвату территории Советского Союза и к созданию великой Финляндии. Обращение к финским солдатам было выдержано нарочито в духе призывно-пафосной фразеологии: «Свободная Карелия и Великая Финляндия озаряются перед нами в огромном водовороте всемирно-исторических событий». При этом маршал в самом начале приказа напомнил о том, как он обещал еще в 1918 г., что не вложит «меч в ножны до тех пор, пока Финляндия и Восточная Карелия не будут свободными».⁵⁷

По всему было видно, что главнокомандующий не сомневался в скором успехе германской армии, за короткое время наступления далеко продвинувшейся в глубь советской территории. Что касается группы армий «Север», то она, прорываясь к Ленинграду через Прибалтику, выходила к городам Остров и Псков. Уверенность политического и военного руководства Финляндии в достижении победы над Советским Союзом молниеносно проявилась в том, что сами боевые действия финской армии стали именоваться «Летней войной», т. е. короткой по времени кампанией.

Как сам Маннергейм объяснил свою уверенность в скорой победе? Военный историк В. Тервасмяки приводит в качестве

*Маршал К. Г. Маннергейм
в ставке в г. Миккели*

*В самом начале войны, 26 июня 1941 г.:
маршал К. Г. Маннергейм с генералами А. Хейнриксом,
П. Талвелою и В. Неноненом*

PÄÄMÄJÄ.

25
/ 64

YLIPÄÄLLIKÖN PÄIVÄKÄSKY

N:o 1.

SUOMEN SOTILAATI!

~~Kansainvälinen~~ talvisotamme päättyi harkkaan rauhaan. — Rauhantiestä huolimatta vihollisemme on pitänyt maitamme häikäilemättömien uhkailujensa ja jatkuvien kiristystensä kohteena, mikä yhdessä rikollisen kiihoitustyön kanssa yksimielisyytemme murskaamiseksi on osoittanut, että vihollinen ei ollut alunperin tarkoittanutkaan rauhaa pysyväiseksi. — Tehty rauha oli vain väli rauha, joka nyt on päättynyt.

Te tunnette vihollisen. Te tiedätte sen jatkuvat tarkoitusperät kotlomme, uskontomme ja Isänmaamme hävittämiseksi ja kansamme orjuuttamiseksi. Tämä sama vihollinen ja sama uhka on nyt rajoillamme. Ilman aihetta se on röyhkeästi hyökännyt rauhassa elävän kansamme kimppuun ja pudottanut pommeja eri puolille maata. Isänmaan tulevaisuus vaatii Teiltä uusia tekoja.

Kutsun Teitä kanssani pyyhään sotaan kansakuntamme vihollista vastaan. Sankarivainajat nousevat kesäisten kumpujen alta jälleen rinnallemme tänään, jolloin lähdenime Suomelle turvatun tulevaisuuden luodaksemme Saksan mahtavien sotavoimien rinnalla ja asetovereina vakain mielin ristiretkelle vihollistamme vastaan.

Aseveljelli — Souralkaa minua vielä viimeisen kerran — nyt, kun Karjalan kansa jälleen nousee ja ~~sarasta~~ Suomen uusi huomen.

Mannerheim

Приказ главнокомандующего № 1

подтверждения этому запись беседы финского политического деятеля Ирве Рууту с маршалом 3 ноября 1944 г. «Маннергейм разъяснил, – сообщил И. Рууту, – почему верил в победу Германии. Германия победила в молниеносной войне Францию, овладела Критом, высадив десант, и т. д. У Германии были лучшие в мире армия и военное руководство». ⁵⁸

По мере продвижения группы армий «Север» к Ленинграду иллюзии в Финляндии относительно скорой победы все более усиливались. Это отражалось в высказываниях многих политических и военных деятелей, в самой атмосфере, которую создавали в стране печать и радио. На финской территории разместились прибывшая из Германии команда под названием «Хела» во главе с капитаном 2-го ранга Бартхольдом, в функции которой входило решение военно-хозяйственных задач ⁵⁹ (точнее – разграбления) в Ленинграде после предполагавшегося его захвата.

Август 1941 г. явился пиком нарастания уверенности Маннергейма в достижении успеха в наступлении на Ленинград и в осуществлении соединения продвигавшихся навстречу друг другу немецких и финских войск. В то время дивизии группы армий «Север» вышли на рубеж реки Луги, а финские части продвигались в обход Ладожского озера к Олонцу и развернули наступление на Карельском перешейке. Известный финский военный историк полковник К. Микола, рецензировавший воспоминания П. Талвела, особо отмечал, что у этого мемуариста сложилось убеждение, согласно которому осуществление наступления на Ленинград «могло привести к повороту во всей мировой истории». ⁶⁰ Будучи «любимчиком Маннергейма», как назвал его академик Мери, Талвела, возможно, выразил и мнение маршала.

Главнокомандующий финской армии размышлял тогда именно над тем, как действовать конкретно по отношению к Ленинграду уже по взятию его. Генерал В. Э. Туомпо, стараясь зафиксировать в своем дневнике максимально все то, что

говорил ему в ставке Маннергейм, записал 27 августа сказанное ему маршалом: «Ленинград мы, все-таки, не сможем в мирное время удерживать. Если опять-таки граница пройдет по Неве, Ленинград окажется совсем прямо перед нами» и продолжил: «Я сказал, что нам следовало бы прояснить намерения немцев. Если они овладеют Ленинградом, двигаясь с юга, то нам бесполезно прорываться к Ленинграду сквозь укрепленный район у старой границы, когда Ленинград будет находиться, во всяком случае, в "котле"». ⁶¹

В это время советским политическим и военным руководством оценивались согласованные действия немецких и финских войск как серьезнейшая опасность для Ленинграда, а также страны в целом. Генеральный штаб и ставка Верховного главнокомандования, анализируя складывавшуюся на этом участке обстановку, видели в результате «смертельную опасность» — совершенно четко вырисовывалось устремление армий двух государств. В этом отношении показательна неиспользованная фактически историками направленная 17 августа Военному совету Северо-Западного направления директива ставки ВГК, в которой было предписано, принять решительные меры по предотвращению окружения Ленинграда. Подписана она была И. В. Сталиным и Б. М. Шапошниковым. «Ставка считает, — говорилось в ней, — что наиболее опасным направлением продвижения противника является восточное направление в сторону Новгорода, Чудова, Малой Вишеры и дальше через реку Волхов. Если немцы будут иметь успех в этом направлении, это будет означать перерыв связи между Ленинградом и Москвой и критическое положение Северного и Северо-Западного фронтов. При этом, вероятно, что немцы сомкнут здесь свой фронт с фронтом финнов в районе Олонца. Нам кажется, что главком Сев.-Зап. не видит этой смертельной опасности и потому не предпринимает никаких особых мер для ликвидации этой опасности. . .». ⁶²

В указанной директиве предлагались конкретные меры, направленные на предотвращение соединения немецких и фин-

ских войск поблизости от Ленинграда, в дополнение к тому, что уже был создан новый участок фронта большой протяженностью к югу от города и использован имевшийся резерв войск и ополчения. При этом пришлось отвлечь часть сил, противостоявших финским войскам. К тому же Сталин пытался использовать дипломатические каналы, чтобы при посредничестве США «замирить» Финляндию, пойдя ей на территориальные уступки, путем пересмотра мирного договора 1940 г. и заключения нового. Об этом речь шла в его письме Ф. Рузвельту 4 августа 1941 г.⁶³

В это время позиция Маннергейма продолжала оставаться неизменной. Ожидалось взятие Ленинграда, и средства информации в стране создавали атмосферу неотвратимости такого исхода боевых действий. Ответ президента Рюти на переданное ему советское предложение был отрицательным. Посланнику США в Хельсинки Г. Ф. Шоенфельду было заявлено: «Ожидаемое взятие Ленинграда прояснит положение Финляндии на фронте».⁶⁴

31 августа 1941 г., в канун выхода финских войск к старой государственной границе на Карельском перешейке, в ставку Маннергейма в г. Миккели прибыли Рюти и министр обороны Вальден для переговоров с главнокомандующим. Генерал В. Туомпо записал в своем дневнике так: «Стоял вопрос о том, останавливать ли продвижение на Перешейке у старой границы или переходить ее».⁶⁵

В итоге состоявшегося обсуждения Маннергейм отдал в тот день войскам приказ продолжать наступление. «Старая государственная граница на Перешейке достигнута... нам надо вести борьбу до конца, установив границы, обеспечивающие мир...».⁶⁶ На этой основе финские войска стали форсировать реку Сестру, пытаясь продвигаться дальше на ленинградском направлении, пока не были остановлены в тяжелых боях 9 сентября 1941 г. Приказ из ставки последовал им именно тогда. Требовалось закрепиться на достигнутом рубеже и перейти к обороне.

*Маршал К. Г. Маннергейм
и главный квартирмейстер ставки генерал-майор А. Айро
наблюдает у старой государственной границы 17 сентября 1941 г.
за бомбардировкой Ленинграда немецкой авиацией*

*Пожары в Ленинграде после бомбардировки города
немецкими самолетами в начале сентября 1941 г.*

В такой обстановке в Миккели требовалось решить вопрос и относительно дальнейших действий малочисленной финской авиации. Возможно, уже было столкновение ее с немецкими самолетами, предпринимавшими налеты на Ленинград, корабли Балтийского флота и войска, оборонявшие город. В силу этого 5 сентября ставкой Маннергейма по согласованию с германским командованием устанавливалась разграничительная линия действий ВВС Финляндии на Карельском перешейке не далее 10 км от линии фронта. Так с этого времени финская авиация стала летать в этой ограничительной зоне.⁶⁷

Как нетрудно понять, произошедшее было отнюдь не связано с «туманными» чувствами финского главнокомандующего, о чем можно подумать, встречая объяснения некоторых биографов маршала, пишущих, что по его велению бомбардировщики ВВС Финляндии не пытались совершать полеты в сторону Ленинграда. Заметим при этом, что их имелось вообще небольшое количество. Попытка же группового проникновения самолетов с финской территории в воздушное пространство города все же была. Но это произошло уже в 1944 г., после того как немецкие войска оказались отброшенными от города на весьма значительное расстояние, чего коснемся ниже.

Удар по Ленинграду не состоялся

Когда в исторической литературе, прежде всего в Финляндии, описывается приостановление продвижения финских войск к Ленинграду осенью 1941 г., часто подчеркивается, что сделал это финский главнокомандующий вопреки настоящему желанию германского командования, чтобы наступление на город с севера продолжалось. При этом даются ссылки на письмо фельдмаршала Кейтеля от 23 августа, адресованное Маннергейму, и на переговоры ближайшего помощника Кейтеля генерал-полковника Йодля, состоявшиеся 4 сентября в

Миккели, когда с немецкой стороны приостановилось нанесение лобового удара по Ленинграду, проводимого с целью взять город сходу. Оба они, льстя финскому маршалу за его заслуги в осуществлении совместных с Германией оперативных военных планов, настаивали на наступлении финских войск на Карельском перешейке и восточнее Ладожского озера.

В данном случае следует конкретизировать то, как повел себя Маннергейм. В своем ответе Кейтелю он не стал обнадеживать германское командование, что финские войска будут наступать. При этом такая позиция мотивировалась следующим образом: во-первых, армия понесла неисчислимые потери в условиях, когда 16% населения страны под ружьем; во-вторых, русские имеют у старой границы сильные укрепления, для прорыва которых финская армия не располагает необходимым количеством танков, а также пикирующими бомбардировщиками и тяжелыми орудиями.⁶⁸

Маннергейм в беседе с Йодлем, пытаясь успокоить германское командование, был менее категоричен и обнадежил его. По словам генерала Туомпо, Йодлю было сказано так: «Мы уже пересекли старую границу на Перешейке. Продолжаем продвижение к укрепленному району». Этим Йодль был «исключительно доволен». Заканчивая сделанную запись, Туомпо отметил: «Сегодня объявлен приказ главнокомандующего № 13 ... о сражении до победного конца».⁶⁹

Карельская армия, куда этот приказ главнокомандующего сразу же поступил, захватила 6 сентября Олонец, а через два дня вышла к Свири. 8 сентября Талвела, не оставлявший мысли о приближающемся захвате Ленинграда после «рукопожатия с немецкими братьями по оружию», продиктовал «исторические», как ему очевидно казалось, строки: «Я прибыл на Свирь и почувствовал могучее ее течение. По ней спокойно пройдет теперь новая граница Финляндии, о которой я грезил во сне».⁷⁰

Главнокомандующий К. Г. Маннергейм во время беседы с прибывшим в ставку немецким генерал-полковником А. Йодлем

*К. Г. Маннергейм в войсках Карельской армии.
Слева ее командующий генерал А. Э. Хейнрикс*

Финская печать писала в эти дни, что еще один согласованный удар с двух сторон – и судьба Ленинграда будет окончательно решена. «Когда немецкие войска захватили восточнее Петрограда Мгу, а финские войска достигли Свири, – оповещала читателей газета «Ууси Суоми», – судьба Петрограда была решена».⁷¹

Но для финского командования возникла довольно существенная проблема: многие солдаты отказывались дальше наступать в глубь территории Советского Союза, за пределы старой границы. На Карельском перешейке маршал Маннергейм, прибывший в район боевых действий у реки Сестры, был в 18-й пехотной дивизии, где 200 солдат отказались наступать. Аналогичная картина наблюдалась и в войсках, стоящих на реке Свирь, особенно в 51-м полку 17-й пехотной дивизии, где сотни человек отказались выполнять приказ о форсировании реки Свирь.⁷² Обо всем этом срочно докладывалось главнокомандующему. Офицер ставки К. Лехмус – автор книги «Неизвестный Маннергейм» – свидетельствовал: «Некоторые лица обращали внимание Маннергейма на это дело, надеясь на его вмешательство в данном случае. Он все же назначил небольшую комиссию с задачей изучить положение в некоторых соединениях, прибегнув, в крайнем случае, к использованию в срочном порядке и полевых судов, а также предложил изыскать на будущее другие меры воздействия».⁷³ Лично Лехмус вошел в эту комиссию. Известно, что достаточно много солдат было предано полевому суду, а в командном составе последовали кадровые изменения. Характерно, что генерал Туомпо, который возглавил эту комиссию, ничего не пишет в своем дневнике относительно применявшихся ставкой мер в связи с многочисленными фактами отказа финских солдат наступать и царившими настроениями в войсках в это время.⁷⁴

Между тем генерал А. Айро, ведавший в ставке оперативным планированием, работал над проектом будущей границы

Финляндии. В результате наступления финских войск она должна была быть продвинута на рубеж Невы, южного берега Ладожского озера, реки Свирь, восточного побережья Онежского озера и далее пошла бы к Белому морю с включением Кольского полуострова.⁷⁵ Как пишет профессор Охто Маннинен, «маршал Маннергейм поддерживал с военной точки зрения соображения о границах».⁷⁶ Вообще же в ставке выражали восторг выработанными планами наступления к Неве, на Ленинград.⁷⁷ Главнокомандующий в действительности не мог тогда не иметь к этому отношения.

Что произошло с маршалом?

Осенью 1941 г. финские войска прекратили, однако, попытки продвигаться дальше на ленинградском направлении. Сначала это произошло, когда они, форсировав реку Сестру, подошли к оборонительному рубежу Карельского укрепленного района Ленинградского фронта. На пути к Ленинграду здесь был один лишь крупный населенный пункт – город Сестрорецк. После ожесточенных боев, когда финские войска на некоторое время овладели Старым Белоостровом, продвинуться им вперед не удавалось.

В финской исторической литературе появилось такое объяснение этому факту: маршал Маннергейм, проявив нежелание дальше наступать на Ленинград, спас его. Даже весьма объективный историк Сеппяля совершенно определенно высказался в этом отношении. «Можно утверждать все же, – писал он в 1984 г., – что Маннергейм, в самом деле, заслужил, возможно, орден за спасение Ленинграда. В своем роде он и получил за это признательность Сталина».⁷⁸ Правда, в более поздних работах автор не повторяет сказанного и не объясняет смысла фразы о «признательности» Сталина. Сама же мысль о «спасительной» для Ленинграда роли маршала с начала 1900-х гг. получила распространение и в российской публицистике.

Так ли все просто можно объяснить тем, что главнокомандующий Маннергейм приостановил осуществление заблаговременно подготовленного совместно с германским командованием оперативного плана о наступлении с двух сторон на Ленинград из-за давних «добрых чувств» к городу, как об этом нередко уверяют некоторые его биографы и публицисты? Также вызывает удивление то, что пишет в мемуарах сам маршал – он говорит, будто бы, изначально заверял президента и правительство страны в том, что отказывается «руководить наступлением против города на Неве». ⁷⁹ Характерно, что это же уверение доводят до сведения читателей России известные финские историки О. Юссила, С. Хентия, и Ю. Невакиви в книге «Политическая история Финляндии», в которой они говорят, что Маннергейм «возложил на себя обязанности главнокомандующего на том условии, что ему не придется "иметь дело с Петербургом"». ⁸⁰

Это не соответствует действительности, поскольку маршал Маннергейм осуществлял руководство наступлением финских войск на Ленинград летом и осенью 1941 г. Он вынужден был, в конечном счете, отдать приказ перейти к позиционным боям с войсками Ленинградского фронта, после чего стала осуществляться длительная блокада Ленинграда с севера финской армией.

Правомерно в этой связи поставить вопрос, какие обстоятельства вынудили маршала Маннергейма приостановить дальнейшие попытки осуществить вождеденный прорыв к рубежу реки Невы, где должна была пройти обещанная германским руководством граница Финляндии?

Анализ событий показывает, что причиной срыва задуманного являются серьезные обстоятельства военно-политического характера:

– Во-первых, в результате ожесточенных боев войск Ленинградского фронта с немецкой группой армий «Север», последней не удалось осуществить взятие Ленинграда с юга. В ставке Маннергейма, в Миккели, чутко реагировали на весь процесс замедлившегося наступления немецких войск в августе и делали

для себя соответствующие выводы. О позиции маршала ясно сказал начальник генерального штаба генерал Э. Ханель германскому представителю в финской ставке генералу В. Эрфурту. Он сообщил, что Маннергейм нанесет удар с Карельского перешейка в том случае, если немецкая армия, возможно, «громко и ясно постучит в двери Ленинграда».⁸¹

Такого рода позиция была согласована с президентом Рюти во время его специального приезда в ставку 27 августа для обсуждения вопроса, касавшегося настойчивого призыва германского командования к Финляндии активно участвовать в овладении Ленинградом. В данном случае не вызывало у Маннергейма сильного наступательного порыва и награждение его немецким железным крестом 3-й степени, который был вручен 4 сентября маршалу генералом Йодлем. За награду, а также за сообщение, что после окружения Ленинграда он будет взят еще до наступления зимы, последовала благодарность главнокомандующего. Финские войска на Карельском перешейке наступали еще несколько дней и продвигались к Свири.

— Во-вторых, важным фактором являлось возросшее противостояние финским войскам со стороны защитников Ленинграда, после того, как наступавшие перешли старую государственную границу и стали приближаться к Сестрорецку. Командованием Ленинградского фронта и Балтийского флота использовались максимально возможные резервы, которые вводились в действие на наиболее опасных участках. Свидетельством тому были ожесточенные бои за Старый Белоостров, переходивший из рук в руки. Главнокомандующий финской армией был хорошо осведомлен об увеличивающемся количестве своих потерь, и он высказал германской стороне свою озабоченность таким положением. По некоторым расчетам количество убитых и пропавших без вести в финской армии составляло в среднем до 7 тыс. человек в июле—сентябре 1941 г. ежемесячно.⁸²

*Немецкие генералы В. Эрфурт (справа) и Н. Фалькенхорст
беседуют с маршалом К. Г. Маннергеймом*

– В-третьих, в финских войсках стремительно падал моральный дух. Особенно это наблюдалось после перехода ими старой государственной границы. Как уже отмечалось, маршалу Маннергейму докладывали о массовых фактах отказа финских солдат выполнять приказы о форсировании реки Сестры, а также продвижении вперед с целью захвата плацдармов на Свирском участке. В конце лета–начале осени 1941 г. нарастало количество дезертировавших из Карельской армии.⁸³ Маннергейм явно не хотел, чтобы это получило большую огласку, но о том свидетельствуют суровые приговоры военно-полевых судов.

– В четвертых, опасение больших потерь при прорыве Карельского укрепленного района, простиравшегося от Финского залива до Ладожского озера. В письме к Кейтелю 27 августа Маннергейм сообщил, что русские имеют у старой границы такие сильные укрепления, что для прорыва их у финнов нет необходимых в данном случае боевых средств, используемых обычно при штурме.⁸⁴ К тому же, 4 сентября согласно позиции Маннергейма последовало разъяснение финского военного руководства Министерству иностранных дел: «Наступление на петербургские укрепления, имеющиеся между границей и Петербургом, потребуют, вероятно, много жертв, поскольку сильно защищены, и не лучше ли брать его с юга или же не заставить ли вообще капитулировать жителей города с помощью голода».⁸⁵ В этом разъяснении уже было налицо проявление большого «гуманизма» к городу на Неве.

– В-пятых, в высших государственно-политических и военных кругах Финляндии наблюдалась серьезная озабоченность тем обстоятельством, что правительства США и Англии настоятельно требовали от финского руководства прекращения Маннергеймом наступления в глубь территории Советского Союза и возвращения войск за пределы старой государственной границы. В октябре из Вашингтона было направлено три ноты в Хельсинки именно такого содержания. «В противном случае, – говорилось правительством Рузвельта, –

Финляндия лишится в будущем, оказавшись в трудном положении, дружественной поддержки Соединенных Штатов». ⁸⁶ В свою очередь крайне натянутыми становились англо-финляндские дипломатические отношения. 8 сентября 1941 г. посольство Англии покинуло Хельсинки. Госсекретарь США К. Хэлл также сделал предупреждение, что, по его мнению, до разрыва дипломатических отношений с Финляндией остается лишь «небольшой шаг». ⁸⁷ Все это находилось, естественно, в центре внимания Маннергейма, входившего в узкий круг финского руководства, которому требовалось принимать безотлагательные и гибкие решения.

Рассмотренное исследование причин, повлиявших на поведение главнокомандующего финской армии при определении дальнейшей направленности ее действий, нашло поддержку в ходе современных дискуссий по этому вопросу с участием историков Финляндии. Это видно, в частности, из констатации, делавшейся профессором О. Манниненом. «Я согласен... — заявил он, — ...относительно формулировки причин остановки наступления». ⁸⁸

В плоскости изложенного заслуживает внимания суждение Сеппяля. В книге «Финляндия как агрессор 1941 г.» он высказался так, что нельзя с полной определенностью сказать, как бы развивались события, а также какова бы была судьба Ленинграда, если бы финские войска начали наступление к югу от реки Свири. При этом заслугу, что так не произошло, автор целиком склонен приписать Маннергейму. ⁸⁹

Можно, действительно, согласиться с тем, что опасность в случае перехода в наступление финских войск с рубежа реки Свирь была бы для Ленинграда исключительно большой, поскольку складывалась бы угроза соединения их с немецкой группой армий «Север». Однако в силу рассмотренных выше причин финский главнокомандующий не мог этого сделать. Он пошел лишь на то, чтобы начать дальнейшее наступление в сторону Тихвина, используя подчиненную ему немецкую

163-ю дивизию. Из финских частей предусматривалось привлечь лишь роты саперов и понтонеров. Но что могла сделать в наступлении одна лишь дивизия, готовность которой к вступлению в бой была назначена на 20 октября?

Маннергейм, конечно, понимал все это и откладывал установленный срок, внимательно следя за тем, какая обстановка складывалась на фронте действий соединений и частей немецких войск в районе Тихвина. Как отмечал профессор Туомо Полвинен, «осторожное отношение Маннергейма к тихвинской операции немцев показала скоро его обоснованность».⁹⁰ Начавшееся в декабре контрнаступление советских войск под командованием генерала армии К. А. Мерецкова привело к поражению немецких войск под Тихвином и последующему их отступлению. «Вопрос об осуществлении продвижения на этом направлении, — писал Маннергейм, — выпал прочь из повестки дня».⁹¹

В ответ на призыв Черчилля

Вместе с тем весь осенний период 1941 г. маршал не отказывался от данного им в июле обещания «не вложить меч в ножны» во имя достижения поставленной цели в войне, имея в виду, прежде всего, установление новой границы Финляндии «в интересах безопасности стран». Об этой своей позиции он четко заявил в своем ответе на письмо к нему У. Черчилля.

Премьер-министр Англии направил личное письмо финскому главнокомандующему 29 ноября 1941 г., в котором содержался призыв к прекращению дальнейшего наступления войск в глубь территории СССР. При этом было сказано, что, если Финляндия не остановит их продвижение, то уже через несколько дней Англия объявит ей войну. «Для многих английских друзей вашей страны, — писал Черчилль, — было бы досадно, если Финляндия окажется на одной скамейке с обвиняемыми и побежденными нацистами».⁹²

В ответе Маннергейма, направленном 2 декабря в Лондон через посланника США в Хельсинки Г. Шоенфельда, говорилось: «Я не могу приостановить проведение нынешних военных операций, прежде чем, наши войска не достигнут тех рубежей, которые, по моему мнению, обеспечат нам необходимую безопасность».⁹³

Уже в 1945 г., когда Маннергейм опрашивался в связи с судебным процессом над виновниками войны, то по поводу ответа на письмо Черчилля им было уточнено, почему последовал отказ с его стороны приостановить наступление финских войск в глубь советской территории. «Я хотел выразить в своем письме, – сказал он, – что нахожусь на грани достижения своих военных целей и поэтому не могу раньше времени прекратить военные действия».⁹⁴

Где же была та «грань», о которой сказал финский главнокомандующий? Прежде всего, на самом юге она проходила по Неве! Ее не достигли войска, наступавшие с Карельского перешейка. К реке «Свирь» они уже подошли и даже форсировали ее, но до Белого моря было еще далеко. 6 ноября Маннергейм поставил задачу войскам овладеть Маасельским перешейком и Медвежьегорском. На этом участке шли ожесточенные бои. «28.11 был особенно исторический день, – писал Х. Сеппяля, – финские войска достигли реально перешейка между Онежским озером и Сегозером».⁹⁵ 5 декабря, после овладения Медвежьегорском, дальнейшее наступление там приостановилось. На Маасельском перешейке не было к тому времени у финских войск резервов, чтобы продолжать активные боевые действия.

А какова же была перспектива овладения рубежом по реке Неве? Надежды на это серьезно существовали у высшего руководства Финляндии. В течение всего осеннего периода 1941 г. они широко распространялись в стране средствами официальной пропаганды. Однако совершенно очевидно, что расчет делался главным образом на то, что германская армия осуществит

захват Ленинграда, а с финской стороны могут решать вопросы, касающиеся оккупационных функций на первых порах. В руководящих же кругах правительства велись разговоры о возможном использовании 30 тыс. финских полицейских для несения соответствующей «службы в Питере».⁹⁶ При этом сомнительно, что Маннергейм не знал о расположившемся уже на территории Финляндии германском военном формировании, имевшем кодовое название «Хэла», которое должно было заниматься хозяйственными проблемами в захваченном Ленинграде, т. е. иными словами разграблением города, всех его ценностей.

Гитлер заявил о необходимости полностью уничтожить Ленинград. В свою очередь, президент Финляндии в сентябре сообщал В. Блюхеру, посланнику Германии в Хельсинки, о том, каким образом, по его мнению, в этом случае должен быть решен вопрос с границей – наилучшим бы было «присоединение к Финляндии территории до Невы».⁹⁷ Заметим здесь, что подобного рода серьезные вопросы Рюти тщательно согласовывал с Маннергеймом, приезжая неоднократно к нему в ставку, в Миккели.

Несомненно, такое «согласование» касалось и важнейших дипломатических документов, к которым относился, в частности, ответ Рузвельту 11 ноября 1941 г. на ноты американского правительства, настаивавшего на прекращении продвижения финских войск дальше в глубь территории СССР. В указанной ответной ноте финляндского правительства речь шла о давних своих намерениях занять позиции, лежащие «далее границ 1939 г.».⁹⁸

Затем, 4 декабря, из Хельсинки последовало разъяснение уже английскому правительству, что «вооруженные силы Финляндии почти добились своих стратегических целей».⁹⁹ В Лондоне это квалифицировали как продолжение Финляндией наступательных действий и 6 декабря объявили ей войну.

Главнокомандующий финской армии неохотно шел на то, чтобы сократить ее численность, хотя в экономике страны испытывались острые кризисные явления, огромные трудности в связи с нехваткой мужчин в промышленности и сельском хозяйстве. Предельно высокая мобилизация их в армию (под ружьем находилось 16% жителей страны¹⁰⁰), проведенная с учетом планов, что война будет всего лишь только «Летней», т. е. продлится не дольше лета, поставила под угрозу сбор и обработку сельскохозяйственной продукции, а также работу важнейших отраслей производства на предприятиях, в том числе и военных.

28 ноября в Хельсинки состоялось совещание на высоком уровне с участием президента, премьер-министра и членов правительства, главнокомандующего, а также представителей руководящего состава армии. Обсуждались важнейшие вопросы: общая военная обстановка и масштабы боевых операций, положение с рабочей силой в стране и снабжением населения, управление захваченными территориями и другие проблемы. Наиболее остро ощущалась нехватка мужчин во всех видах хозяйственного производства. По заявлению членов правительства требовалось вернуть из армии для работы в промышленности и сельском хозяйстве 150–200 тыс. человек. Но Маннергейм и его ближайшие помощники считали, что нельзя этого сделать даже в значительно меньшем количестве, так как «проведение операций невозможно прервать». В итоге в декабре 1941 г. было демобилизовано из армии всего лишь 7 тыс. солдат, находившихся в полевых частях.¹⁰¹

Наступательные действия финской армии заключались, по соображению Маннергейма и оперативных работников ставки, в том, чтобы достигнуть Мааселькинского перешейка. Как считает Х. Сеппяля, «выдвижение туда являлось как политической, так и военной ошибкой...».¹⁰² Оно дорого стоило – потери наступавших на Медвежьегорск достигли полутора тысяч человек.

5 декабря Маннергейм заявил представителю германского командования в финской ставке генералу Эрфурту, что у него нет уже возможности вести наступление в направлении Мурманской железной дороги, поскольку войска скованы под Ленинградом – на Карельском перешейке и у Свирь. По мысли маршала, предпосылкой для участия финской армии в овладении Сорокой (Беломорском) являлось бы «прежде всего овладение Ленинградом». ¹⁰³ В таком случае, считал он, можно бы было перебросить на то направление войска с Карельского перешейка. Таким путем главнокомандующий видел, очевидно, возможность «ликвидации блокады» города.

Вообще же к концу 1941 г. финская армия исчерпала возможности продолжать дальнейшее ведение наступательных боев. Моральный дух солдат упал, а сам главнокомандующий войсками начал уже серьезно сомневаться в реальных возможностях Германии. Профессор Олли Вехвиляйнен, основываясь на ряде источников, писал, что по наблюдениям генералов Хейнрикса и Эрфурта, маршал Маннергейм «в декабре 1941 г. окончательно утратил веру в победу Германии на Востоке». ¹⁰⁴ Естественно, настроения главнокомандующего ощущали также в финских правительственных кругах. Это заметно проявилось и в поведении президента Рюти, в высказываниях которого относительно Ленинграда, не стало того, что он говорил прежде по поводу исходившего от Гитлера замысла уничтожить город.

III. В АТМОСФЕРЕ ВЫЖИДАНИЯ

«Я больше не наступаю»

По воспоминаниям генерала Туомпо, маршал Маннергейм с первых дней 1942 г. находился в крайне нервном состоянии, которое усиливалось плохим самочувствием. Его беспокоило весьма успешное наступление в то время советских войск против германской армии, а также опасность прорыва блокады Ленинграда и изменения тем самым ситуации на финском фронте. Он считал неотложным делом детально выяснить у немецкого командования, как оно видит дальнейшие перспективы боевых действий против Советского Союза. «Прежде чем вернуть генерала Хейнрикса на пост начальника генерального штаба, – писал Маннергейм в своих мемуарах, – я направил его в германскую ставку, в Восточную Пруссию для выяснения взглядов по поводу крупных неудач, а также их ближайших планов».¹⁰⁵

Генерал Хейнрикс, как уже отмечалось, был тем лицом, которому особо доверял маршал и, по данным хорошо осведомленного офицера ставки Лехмуса, рассматривался им наиболее вероятным своим приемником.¹⁰⁶ 8 января Хейнрикс вел в Германии переговоры с Кейтелем и Гитлером, а также с Гальдером и Йодлем, четко выполняя полученное им задание. Сведения, которые он почерпнул, давали возможность Маннергейму определить свою позицию на дальнейший период. Однако, как и прежде, маршал пребывал в состоянии пессимизма. «После возвращения генерал Хейнрикс рассказал, – отмечалось маршалом, – что катастрофа, произошедшая в центральной части восточного фронта, произвела огромное воздействие на германскую ставку. Когда он посетил Гитлера, тот объяснил, что неудачи – здесь ответственность за них возлагалась на ненадежную информацию метеорологической службы – явились грубым преувеличени-

ем вражеской пропаганды». По словам Гитлера, «трудности преодолеваются, и путь к победе будет расчищен. Фронты к югу и юго-востоку от Петербурга приведут в дальнейшем в прежнее состояние». Гальдер, производивший впечатление весьма уставшего и подавленного человека, считал «одним из решающих факторов... боевой дух русских, который наряду с превосходством в живой силе принес им успех».¹⁰⁷

Маннергейм в своих мемуарах не раскрыл все же много весьма важного, что содержалось в докладе, представленном ему Хейнриком в письменном виде, и о чем теперь известно из этого документа, хранящегося в Военном архиве Финляндии.¹⁰⁸ К нему, конечно, важно обратиться, чтобы понять степень влияния на главнокомандующего финскими войсками полученной информации.

Первоначально у Хейнрикса состоялась встреча с Кейтелем, в ходе которой речь шла об оценке обстановки, сложившейся на ленинградском направлении, в Карелии и на Крайнем Севере. Кейтель при этом пытался обнадежить финского коллегу, намечавшимися якобы активными действиями с немецкой стороны. По словам Кейтеля, командующий группы армий «Север» фельдмаршал В. Лееб намечал предпринять наступление через Неву с учетом блокирования Ленинграда с севера финскими войсками или расширить участок территории, занимавшейся немецкими войсками у Шлиссельбурга а, возможно, и провести сразу обе операции. Для этого имелось в виду сосредоточить к югу от Ленинграда дополнительно значительные танковые, артиллерийские и в целом сухопутные силы. Как видно из сказанного, прежде всего, стремились вселить уверенность на будущее у финского командования относительно дальнейших действий под Ленинградом.

Когда же Хейнрикс выразил сомнение в том, сможет ли и дальше осуществляться план блокирования Ленинграда, Кейтель заверил его, что это будет «при всех обстоятельствах». В ходе последовавшей вскоре за этим беседы во время представ-

ления Кейтелем финского генерала Гитлеру продолжилось рассмотрение вопроса, касающегося Ленинграда. Об этом Хейнрикс записал в своем донесении следующее: «Рейхсканцлер сказал, что блокада Петербурга и его уничтожение имеет огромное политическое значение. Это такое дело, которое он считает своим собственным, и его не начать без помощи Финляндии...».

Стало быть, маршал Маннергейм получил четкое определение позиции Гитлера относительно использования в перспективе финской армии для выполнения задачи не только блокирования, но и уничтожения Ленинграда. В этой связи понятно, почему маршал уклонился от изложения в своих мемуарах того, что было сообщено ему Хейнриksom. Продолжая вести войну совместно с Германией, финский главнокомандующий отлично знал и на этом этапе, какая судьба уготовлена Гитлером Ленинграду.

В то время Гитлер не собирался откладывать задуманное в долгий ящик. В заключительной беседе с Хейнриksom Кейтель сказал, что «по мнению руководства и его личному соображению, в районе Петербурга уже в ближайшие месяцы ожидаются повторные события». К тому же в немецкой ставке считали, что финская армия должна быть готова вести также наступление к Белому морю (на Сороку).

Вскоре после отъезда Хейнрикса в Финляндию Кейтель узнал как реагировал Маннергейм на доложенную ему информацию об обстановке в целом. Эрфурт сообщил ему 20 января 1942 г., что маршал впал в «характерный для него глубокий пессимизм». Констатировал это и президент Рюти, приезжавший в Миккели 21 января. «Маршал пессимистичен относительно положения немцев в России, — отмечал он, — ...Считает, что оно довольно тревожное и ведет даже к катастрофе».¹⁰⁹

На попытки Кейтеля побудить Маннергейма в начале февраля включиться в осуществление наступательной опе-

рации в направлении Сорока (Беломорска), чтобы перерезать Мурманскую железную дорогу, тот ответил отказом. 15 февраля немецкому дипломату К. Шнурре им же было заявлено довольно категорично: «Я больше не наступаю!». ¹¹⁰ Причем это относилось не только к беломорскому направлению, но и к ленинградскому. Тогда же, в феврале, в письме к своему дальнему родственнику, известному финскому дипломату Г. А. Грипенбергу маршал писал, что он «отказался участвовать в наступлении против России, поскольку ни один русский никогда не забудет, что мы сделали это». ¹¹¹

В своих же воспоминаниях Маннергейм избегает подобных заявлений, и не касается вовсе собственных настроений. В целом же оценка им сложившейся ситуации на восточном фронте сводилась к следующему: «Моя вера в способность Германии успешно завершить войну была поколеблена, поскольку выяснилось, как слабо немцы подготовились к зимней кампании, в силу чего я не считал невозможным, что произойдет на восточном фронте очевидное их поражение». ¹¹² Такая мысль была высказана и Рюти во время посещения им ставки в январе 1942 г. для обсуждения сложившейся ситуации.

Маннергейм признал невозможность принять также командование немецкими войсками в Заполярье, сведенными в 20-ю горную армию. Во главе ее стоял тогда генерал Э. М. Дитль, сориентированный на проведение наступательной операции в направлении Мурманской железной дороги. Генералу Эрфурту было заявлено финским главнокомандующим для передачи германскому военному руководству, что идея относительно подчинения ему немецких войск в Лапландии не вызывает интереса. ¹¹³

Впоследствии резко отрицательно оценивал действия финской ставки бывший начальник штаба 20-й горной армии генерал Х. Хельтер. В книге «Армия в Арктике» он осуждал Маннергейма за то, что им были прекращены «всякие разго-

воры о совместном финско-немецком наступлении на Мурманскую железную дорогу».¹¹⁴

Оценивая взгляды и характер действий Маннергейма в период конца 1941—начала 1942 гг., можно придти к выводу, что у него произошел существенный отход от той позиции, которую он занимал в самом начале войны, рассчитывая на скорое и успешное ее завершение. Теперь, когда утратилась вера в победу германских вооруженных сил, у него возникло желание отмежеваться от всего того, что могло бы неблагоприятно сказаться впоследствии на отношениях Финляндии со своим восточным соседом. Судя по всему, аналогичную позицию стал поддерживать и президент Рюти.

Но такой поворот оказался в явном противоречии с сохранившимся желанием не отказываться от удержания в своих руках оккупированной части территории СССР. Кроме того, в экономическом положении Финляндия серьезно зависела от снабжения ее Германией горючим и продовольствием (прежде всего зерном). Страна реально находилась перед угрозой провала в обеспечении населения продуктами питания. «Если Германия рассердится, то Финляндии конец, — писал 9 января 1942 г. профессор В. Войонмаа, — ... Судьба наша целиком зависит от результатов большой войны...».¹¹⁵ Наконец, на финской территории находились значительные силы немецких войск — целая армия. Маннергейм все это отлично понимал и пытался лавировать, когда из ставки Гитлера убеждали его, что все будет хорошо, если финские войска активно помогут в наступлении.

Для поведения Маннергейма были характерны в этот период пассивность и выжидание, возможно, каких-то перемен. Упомянувшийся уже эстонский историк Х. М. Вайну писал, что финский главнокомандующий отклонял настойчивые требования Германии «под предлогом, что финнам не хватит сил, поскольку немцы не сумели захватить Ленин-

град, и тем самым у Финляндии нет резервов, так как она должна также держать свои войска под Ленинградом».¹¹⁶

В дни 75-летия

С началом 1942 г. в германской ставке продолжали искать пути воздействия на государственно-политическое и военное руководство Финляндии, чтобы вывести ее из состояния позиционной войны и вовлечь, в соответствии с немецкими оперативными планами, в активные наступательные действия. Ранее предпринимавшиеся способы в этом отношении не дали результатов. Не достигали успеха и неоднократные обращения Кейтеля и Йодля к финскому главнокомандующему, а также преподношения ему германских орденов. Остались без желаемых последствий для немецкого командования и встречи, состоявшиеся в разное время у Маннергейма с генералом Н. Фалькенхорстом и его преемником генералом Э. Дитлем, возглавлявшими группировку германских войск в Лапландии.

Тогда, судя по всему, в германской ставке и зародилась идея, встречи с финским маршалом самого Гитлера, в расчете на то, что их личный контакт будет в последующем важным фактором влияния при совместном осуществлении оперативных планов ведения дальнейших военных операций против Советского Союза. К тому же, конкретный план нового летнего наступления в 1942 г. немецкой армии на восточном фронте был подготовлен и обсужден в ставке Гитлера, после чего (5 апреля) последний подписал специальную директиву, в которой излагалась суть намечавшихся стратегических операций. В замысле этого наступления важное место занимало следующее: «На севере взять Ленинград и установить связь по суше с финнами».¹¹⁷ Конечно, при решении такой задачи требовалось обеспечить необходимое взаимодействие с финской армией. Об этом Гитлер говорил при встрече с Хейнриком еще в начале января 1942 г.

*Маршал К. Г. Маннергейм во время встречи
с командующим группировкой немецких войск в Финляндии
(20-й горной армии) генерал-полковником Э. Дитлем*

----- разграничительная линия между армиями Финляндии и Германии

▲ - важнейшие авиационные базы Германии

■ - важнейшие базы немецкого флота

◎ - важнейшие базы обеспечения немецких войск

ддд - линия фронта

Схема размещения немецких войск и баз на территории Финляндии

О намерении полностью уничтожить Ленинград Гитлер вновь подчеркнул в тот день, когда им подписывалась упоминавшаяся директива. При этом, считал, что процесс разрушения города должен был начаться с артиллерийского обстрела и авиационных бомбардировок его еще до перехода в наступление немецких войск.¹¹⁸

При организации личной встречи Гитлера с Маннергеймом был избран своеобразный способ: осуществить это в день 75-летия маршала – 4 июня 1942 г. Вечером накануне этого дня Рюти был уведомлен, что рейхсканцлер намерен прибыть самолетом в Финляндию, чтобы поздравить маршала с днем рождения. «Сообщение о таком визите, – вспоминал Маннергейм, – удивило меня, обеспокоило и заставило задуматься над тем, к чему все это может привести».¹¹⁹

Финский главнокомандующий предполагал, что визит Гитлера мог иметь отнюдь не только желание поздравить его с днем рождения. «Можно было подумать, – писал он, – что действительной целью визита Гитлера было его стремление заставить нас участвовать в военных усилиях Германии».¹²⁰ Такого рода толкования делались и за рубежом, в частности, в выступлении секретаря Госдепартамента США Хэлла. В своих воспоминаниях Маннергейм делает ссылку на это.

Но Гитлер прибег к весьма продуманной тактике, открыто не проявлять своего намерения склонить Маннергейма к согласию на участие финской армии в намечавшемся новом наступлении на восточном фронте. Расчет сводился к тому, чтобы прямолинейно не ставить вопроса об этом при встрече, а постараться, прежде всего, максимально расположить финского маршала к себе, а затем, пригласив его в Германию, в ставку, там уже выдать подробную информацию об оперативных замыслах и подвести к пониманию важности участия Финляндии при реализации их. Такого сценария немецкая сторона и придерживалась во время чествования юбиляра.

*В день 75-летия Маннергейма, 4 июня 1942 г.,
Гитлер прибыл в Финляндию*

*Гитлер сделал подарок Маннергейму –
бронированный вседорожный автомобиль «Фольксваген»*

Во время визита Гитлера в Финляндию.
На снимке (слева направо): К. Маннергейм, А. Гитлер,
В. Кейтель, Р. Рюти, Э. Дитль и А. Хейнрикс

4 июня, на юбилее, во время беседы Гитлера с Маннергеймом, по утверждению самого маршала, не затрагивались вопросы военно-оперативного характера. «Во время этого короткого визита, продолжавшегося всего три часа, – отмечалось в его мемуарах, – велись в большинстве своем не столь военные, сколько политические переговоры, рейхсканцлер ни в коей мере не пытался также и перевести беседу на иные вопросы».¹²¹

Можно, конечно, было допустить, что Маннергейм не искренне воспроизводил произошедшее, но оказалась в наличии пленка звукозаписи их беседы, о чем не знал ранее даже сам маршал. Сведения о существовании ее стали известны ему гораздо позднее, в период написания воспоминаний.¹²² Гитлер одарил маршала множеством подарков: вручил ему орден «Немецкого орла» с Большим золотым крестом, преподнес свой художественно выполненный портрет и передал изящный легковой автомобиль, а также три военных вездехода.

27 июня, по приглашению Гитлера состоялась поездка Маннергейма в Германию. Его сопровождали генералы Туомпо и Талвела, а также еще пять офицеров. Из воспоминаний Маннергейма, Туомпо и Лехмуса об этом визите, становится ясно, что во время пребывания в ставке Гитлера рассматривались вопросы, касавшиеся намеченных военных действий летом 1942 г. На довольно известной фотографии запечатлены у оперативной карты Гитлер, Маннергейм и многие другие из числа приглашенных в ставку для заслушивания доклада генерала Йодля. В то время финский главнокомандующий ожидал, что со стороны Гитлера может последовать конкретное обращение к нему относительно участия финской армии в наступлении. Но этого не произошло. «Я, отчасти ожидал, – писал Маннергейм, – что он может повести речь по прежнему вопросу об осуществлении совместных операций против Ленинграда и Мурманской железной дороги, но, к моему удивлению, хозяин пожелал переговорить, прежде всего, относительно военного потенциала Финляндии». Хотя после доклада Йодля, по словам маршала,

*27 июня 1942 г. Маннергейм
по приглашению Гитлера прибыл в Германию*

«интересным, несомненно, было сообщение, что предусмотрено скоро вести наступление на Петербург».¹²³

Отчасти до сих пор неизвестным является содержание бесед Маннергейма с Герингом, у которого он ночевал перед отъездом в Финляндию. Остались только лишь фотографии, запечатлевшие их у оперативной карты. Возможно, именно тогда Геринг, будучи «куратором» Финляндии, вел по поручению Гитлера доверительные переговоры с маршалом по вопросу, касавшемуся привлечения финских войск к осуществлению планируемого германской ставкой летнего наступления 1942 г. Это, конечно, требует дополнительного исследования.

Вместе с тем, если исходить из абсолютной достоверности мемуаров Лехмуса, то можно считать, что Маннергейм оставался на этом этапе твердо на своей позиции – бесперспективности дальнейшего ведения Германией войны против Советского Союза. Интересную запись оставил в этом отношении Лехмус в своих воспоминаниях. Он писал, что 28 июня 1942 г. около 13 часов самолет с Маннергеймом и сопровождавшими его лицами приземлился в Финляндии на аэродроме Малми. В 16 часов маршал пригласил его к себе домой в Кайвопуисто. К тому времени туда прибыл и Вальден. Маннергейм интересовался у Лехмуса оценкой поездки в Германию и его впечатлениями, сложившимися относительно перспектив развития военно-политической обстановки. Лехмус выразил мнение, что «восточный военный поход закончится, по всей видимости, фиаско для Гитлера».

Маннергейм отреагировал, по словам мемуариста, на это так: «Я особенно удовлетворен, услышав, что и **Вы** придерживаетесь того же самого мнения относительно окончательного результата». Лехмус в итоге пришел к заключению, что «Маннергейм уже тогда осуществил радикальную переоценку своих взглядов на военное положение... Было ясно, что такая позиция во взглядах стала проявляться в плане отмежевания Финляндии от участия в войне. Но выйти из нее было не так легко, как присоединиться к войне. Свои взгляды Маннергейм также

*Маннергейм в ставке Гитлера.
Генерал Йодль докладывает
о военно-политической обстановке*

*Маннергейм во время встречи с Герингом 27 июня 1942 г.
Обсуждение у оперативной карты*

довел до сведения политического руководства, т. е. до президента и внутриправительственного круга». ¹²⁴

В финской и зарубежной историографии не случайно обратили внимание на произошедший поворот в поведении Маннергейма в то время и на существенный пересмотр его взглядов на немецкую стратегию. «Оценивая результаты визита, Маннергейм и его приближенные пришли к заключению, – писал Вайну, – что такая глобальная стратегия обречена на провал». ¹²⁵

Между тем уже 28 июня, когда Маннергейм покинул Германию, немецкая армия начала наступление на восточном фронте в юго-восточном направлении, имея цель прорваться к Дону и Волге, а также на Кавказ. Маннергейм в этой ситуации продолжал пребывать в выжидательной позиции, пристально наблюдая за ходом событий. Его биограф граф Ягершельд писал: «В Миккели следили далее за развивавшимся наступлением довольно напряженно». ¹²⁶

Мог ли произойти поворот у маршала в его позиции в новых условиях?

Война или мир?

Быстрое продвижение немецких войск летом 1942 г. в глубь территории Советского Союза в направлении Сталинграда и Кавказа заметно повлияло на состояние и настроение Маннергейма. 15 июля генерал Туомпо, постоянно фиксировавший в своем дневнике малейшие перемены в поведении главнокомандующего, записал: «Крупное наступление Германии... Маршал в хорошей форме и хорошо себя чувствует». ¹²⁷

Зная о планировавшемся в ставке Гитлера наступлении на Ленинград, Маннергейм, естественно, не мог не думать о том, как это коснется финской армии. Тем более, что внимание к Финляндии с немецкой стороны не ослабло. Через месяц, после его возвращения из Германии, к нему в ставку прибыл Г. Гиммлер в сопровождении высокопоставленных

офицеров СС. Хотя о содержании переговоров маршала с ним мало что известно, тем не менее, один из наиболее приближенных к Гиммлеру генералов обергруппенфюрер войск СС К. Вольф сказал генералу Туомпо, что теперь «будет очередь Ленинграда».¹²⁸

О подготовке к наступлению на Ленинград письменно информировал Маннергейма также офицер связи при ставке Гитлера генерал Талвела (в архиве маршала не удалось обнаружить такого документа). Упоминает об этом и генерал Туомпо, указывая, что это наступление было назначено на начало сентября,¹²⁹ для чего германское командование предусматривало направить под Ленинград тяжелую осадную артиллерию, использовавшуюся в боях при захвате Севастополя.

По оценке Ягершельда, в тот момент «Маннергейм все еще относился крайне подозрительно к немецким планам».¹³⁰ Для дальнейшего определения своих действий ему хотелось иметь более точные и конкретные сведения из ставки Гитлера. Туда он решил направить генерала Хейнрикса. «В конце августа, — отмечалось маршалом в мемуарах, — я послал начальника генерального штаба в германскую ставку, которая находилась в это время в Виннице, на Украине. В его задачу входило, прежде всего, выяснить, что немцы намерены предпринять на северном участке восточного фронта».¹³¹

С прибытием в Винницу Хейнрикс был удостоен приглашения к Гитлеру на завтрак, после чего Йодль и Кейтель ознакомили его с оперативной обстановкой. Они подтвердили намерение перебросить осадную артиллерию из Крыма к линии фронта у Ленинграда. Начало наступления намечалось на 14 сентября. Другие подробности о поездке Хейнрикса не известны. Отсутствует и его отчет об этом в Военном архиве Финляндии. В дневнике Туомпо оказался пропуск в записях с 12 августа до 20 сентября 1942 г. Да и мемуары Маннергейма не подтверждают тех сведений, о которых докладывал ему Хейнрикс.

Беседа Маннергейма с Гиммлером в ходе неофициального визита последнего в Финляндию в июле—августе 1942 г.

Показательно, однако, что, получив информацию Хейнрикса, главнокомандующий сразу же выехал в Хельсинки для переговоров с президентом Рюти. Видимо, речь шла все же об участии Финляндии в активных боевых действиях. Рюти, по словам Хейнрикса, переданным Эрфурту, одобрил включение финских войск в операцию «Лаксфанг» («Ловля лосей») в направлении Сороки (Беломорска). Обоснование такому решению было дано следующее: «Мы присоединили свою судьбу к судьбе Германии и принимаем на себя по этой причине нашу часть тех задач, которые просят нас выполнить».¹³² Приведенное объяснение означало, что Маннергейм под влиянием успехов германского наступления на юге восточного фронта изменил занимавшую им ранее позицию воздержания от участия в реализации оперативных планов немецкого командования.

С решением маршала согласилось и высшее государственное руководство. Однако в этой ситуации оно находилось в щекотливом положении, размышляя над тем, как ему дать ответ правительству Рузвельта на ноту, поступившую в Хельсинки 27 сентября 1942 г. В этом документе выражалась обеспокоенность, что Финляндия может поддаться нажиму с немецкой стороны и включиться в осуществление наступательных операций. Маршал Маннергейм принял участие в разработке ответа на американскую ноту. Содержание ее красноречиво говорило о том, что период выжидания в дальнейших действиях Финляндии закончился, хотя осторожность с ее стороны сохранилась. «По причинам осторожности, – писал он в этой связи, – мы сейчас, как и раньше в ответе на ноту Англии осенью 1941 г., не смогли дать публично обязательства оставаться пассивными. Поэтому наш ответ был составлен с теми же мотивировками в дружественно сформулированной ноте».¹³³ Ответ Англии по существу совпадал с ранее упоминавшимися объяснениями, данными в свое время Маннергеймом Черчиллю. Финляндия не намеривалась отказываться от намеченных

«стратегических целей» захвата части территории СССР и установления новой государственной границы.

Заметим, что в финских войсках подобная ориентация в 1942 г. не менялась. Это видно из директивы, выданной командующим группой войск «Карельский перешеек» генерал-лейтенантом Х. Эквистом 24 мая 1942 г. В ней говорилось: «Остановка наших войск прошлой осенью на Карельском перешейке не является показателем того, что в нынешнем положении, вполне естественно, не может быть начато наступление с целью уничтожения окруженного Петербурга, поскольку это необходимо для своей безопасности. Это вполне гармонирует с общими целями нашей войны».¹³⁴

Какова же была позиция главнокомандующего финской армии, когда Гитлер 23 июля 1942 г. подписал директиву, в которой ставилась задача группе армий «Север» подготовить к началу сентября наступление с целью захвата Ленинграда, получившее кодовое название операции «Нордлихт» («Северное сияние»)?

Ответ на этот вопрос дать сложно, поскольку все еще не обнаружены оперативные документы финской ставки, в которых бы четко прослеживалась позиция главнокомандующего и отношение его к участию вооруженных сил Финляндии в операции «Нордлихт». В ответах на это финские историки оперируют главным образом мемуарными источниками и, прежде всего, высказываниями немецкого генерала В. Эрфурта. Обращаясь к ним, можно придти к заключению о том, что Маннергейм не хотел, чтобы финские войска участвовали в захвате Ленинграда, но, однако, четко прослеживается желание, чтобы захват города был осуществлен силами группы армий «Север». Это видно из воспоминаний Эрфурта о поведении Маннергейма в период, когда с немецкой стороны ставился вопрос об участии финских войск в операции «Лаксфанг», т. е. в наступлении на Сороку (Беломорск).

Эрфурт пишет, что финского маршала можно было склонить к тому, чтобы его армия включилась в осуществление этой операции, но в том случае, «если предварительно будет взят Ленинград или если стоящие на Карельском перешейке финские войска будут заменены немецкими».¹³⁵ Именно в таком духе, подтверждает далее Эрфурт, маршал дал письменный ответ германскому командованию 2 августа 1942 г. В нем выражалось принципиальное согласие принять участие в наступлении финских войск на беломорском направлении. «Однако, — отмечал Эрфурт, — это согласие оговаривалось им рядом предварительных условий. Важнейшим из них было взятие немецкими войсками Ленинграда в сентябре, с тем, чтобы получить возможность использовать в наступлении на Сороку свои дивизии с Карельского перешейка». Вместе с тем, имелось в виду привлечение к наступлению финских дивизий, находившихся в обороне на Свирьском участке, в случае выдвижения вперед войск группы армий «Север» на рубеж южнее Онежского озера. Ставился также вопрос о поддержке финского наступления действиями немецкой авиации и получении Финляндией должного количества горючего.¹³⁶

Прибывший из ставки Гитлера генерал Талвела доложил Маннергейму 13 августа во время проводившегося в Миккели совещания, что Йодль выразил согласие со всеми положениями, высказанными финским главнокомандующим, за исключением того, что относилось к Свирьскому участку.

Тем временем Гитлер уже конкретно пришел к решению вопроса относительно проведения операции «Нордлихт». 23 августа он поручил командовать войсками в ходе ее фельдмаршалу Э. Манштейну, действовавшему ранее в Крыму и руководившему штурмом Севастополя. Теперь ему предстояло брать Ленинград. 10 сентября немецкие войска должны были быть готовыми к переходу в наступление. Начать его намечалось из района Мги, далее форсировать Неву и выйти на соединение с финскими войсками группы «Карельский перешеек». Манштейн

хотел, чтобы и со стороны финской армии были предприняты встречные наступательные действия. Это нашло поддержку также в ставке Гитлера. 30 августа Йодль направил в Миккели Эрфурту указание довести до финского командования информацию об изменившемся подходе немецкого военного руководства относительно проведения операции «Нордлихт». В данном случае имелось в виду уже одновременное наступление на Ленинград германских и финских войск.

Для Маннергейма такой поворот, естественно, был неожиданным. Не известно, однако, что происходило в Миккели при рассмотрении маршалом сообщения, полученного от Йодля. 2 сентября Хейнрикс разъяснил Эрфурту о необходимости согласования поставленного вопроса с политическим руководством и лишь через день уведомил его, что «в принципе не отвергается» полученное предложение. Затем Маннергейм пояснил немецкому генералу, что участие финнов в операции «Нордлихт» будет «лишь очень скромным».¹³⁷

Оценивая сложившуюся ситуацию, председатель внешнеполитической комиссии парламента Войонмаа писал в конце сентября 1942 г.: «Финляндию, как овцу, ведут на убой. Она упирается, но все же идет».¹³⁸ Эта фраза относилась в полной мере не только к государственно-политическому руководству страны, но очевидно и к военному. Маннергейм, отошедший от выжидательной позиции, которую занимал с конца 1941 г. и до середины лета 1942 г., все еще проявлял определенную настороженность, когда германским командованием ставился вопрос о том, чтобы финская армия решительно включилась в наступление, предусматривавшееся в оперативных планах, выработанных в ставке Гитлера.

Фактически Маннергейму удалось уйти даже от «очень скромного» участия финской армии в операции «Нордлихт». Это произошло после того, как готовившаяся для наступления на Ленинград немецкая группировка была измотана и обескровлена контрдействиями войск, оборонявшими город в лет-

ний период 1942 г. Как писал Манштейн, события развивались так, что «вместо запланированного наступления на Ленинград развернулось сражение южнее Ладожского озера... Дивизии нашей армии понесли значительные потери. Вместе с тем была израсходована значительная часть боеприпасов, предназначенных для наступления на Ленинград».¹³⁹ Срок начала задуманного немецким командованием наступления пришлось перенести, а затем отложить в октябре на неопределенное время, о чем Талвела проинформировал Маннергейма. А после и Эрфурт передал 30 октября 1942 г. маршалу сообщение о решении германского верховного командования, что до весны 1943 г. не будет никакой возможности осуществить финско-немецкую операцию «Лаксфанг».¹⁴⁰

Касаясь произошедшего, профессор Т. Полвинен написал, что как «"Лаксфанг"», так и «"Нордлихт"», показали свою участь до конца в отношениях между Германией и Финляндией».¹⁴¹ В позиции же Маннергейма стал наблюдаться постепенно процесс переосмысления перспектив дальнейших действий, освобождения от последствий той эйфории, которая повлияла довольно заметно в силу успехов, временно достигнутых немецкой армией. Теперь внимание было приковано к тому, что происходило в сражениях у Сталинграда и на Кавказе, где в октябре–первой половине ноября 1942 г. обстановка была довольно сложной.

Заметим, вернувшись чуть-чуть назад, что несомненный интерес представляет запись в дневнике генерала Туомпо, сделанная в ставке 12 октября, когда туда прибыл из Германии генерал Талвела. «Вчера был здесь Талвела, – отметил Туомпо, – он привез сведения, что овладение Ленинградом откладывается (сталинградские бои все продолжаются). Талвела посчитал, что маршал был очень разочарован. Был он, однако, в хорошем расположении духа. Я слышал, как он сказал президенту по телефону, что им это и ожидалось. Немцы, по его мнению, слишком оптимистично говорили

нам, что ленинградская операция определенно начнется 10 сентября».¹⁴² Из этой записи можно заключить следующее. Маннергейм не очень-то верил в возможности германских вооруженных сил. С другой стороны, теперь он был избавлен от немецкого давления относительно необходимости участия финских войск в операции «Нордлихт».

Вместе с тем приближенные маршала видели противоречивость в его состоянии и настроениях, когда последовал провал наступления немецких войск на сталинградском направлении. 16 декабря Туомпо записывает в дневнике, что Маннергейм «все-таки желал успеха немцам, поскольку от этого зависело спасение Финляндии».¹⁴³

Поражение немецких войск под Сталинградом Маннергейм рассматривал как поворотный пункт в ходе Второй мировой войны. Об этом он указывает в своих мемуарах и добавляет что произошедшие вскоре события 12–18 января 1943 г., когда была прорвана блокада Ленинграда у южного побережья Ладожского озера, также «внушили тревогу» и не предвещали «ничего хорошего».¹⁴⁴

В это время главнокомандующий финской армии приходит к заключению, что стало настоящей необходимостью сделать аналитический разбор сложившейся военно-политической обстановки в узком кругу государственных деятелей и представителей руководства вооруженных сил, чтобы определить курс страны на дальнейший период. Требовалось также посвятить во все тонкости текущего момента депутатов парламента. По рекомендации министра обороны Вальдена подготовка такого анализа была поручена начальнику разведки ставки полковнику Паасонену, который, как считал Маннергейм, «хорошо вник в военную обстановку и мог без иллюзий раскрыть ее изменения».¹⁴⁵

3 февраля 1943 г. Паасонен изложил подготовленный им доклад прибывшим в ставку президенту Рюти, премьер-министру Рангелю, министрам Вальдену и Таннеру, а также руководящему составу вооруженных сил во главе с Маннергей-

мом. В результате последовавшего затем обсуждения военно-политической обстановки, писал Маннергейм, «мы пришли к единому мнению, что мировую войну надо рассматривать подошедшей к решающему поворотному состоянию и что Финляндии при первой подходящей возможности необходимо попытаться найти способ выхода из войны».¹⁴⁶

Через несколько дней (9 февраля) Паасонен выступил по поручению Маннергейма на закрытом заседании парламента с изложением серьезной для Финляндии создавшейся обстановки, исходя из общего обзора военно-политического положения на тот момент. Он сделал вывод, что если до этого для Финляндии все было связано с победой Германии, то теперь, когда ее силы фактически иссякают, придется подписывать «Московский мир». По словам Маннергейма, «этот реалистичский доклад был как холодный душ» для парламентариев.¹⁴⁷ Такое сообщение имело большой резонанс, распространившийся вскоре за пределы парламента.

В обстановке внутриполитического кризиса в стране 15 февраля 1943 г. состоялись президентские выборы и в конечном счете главой государства был избран вновь Рюти. Маннергейм отстранился в ходе этого процесса от участия в борьбе за власть, хотя и предлагался Аграрным союзом кандидатом на столь высокий пост. В это время новое правительство Э. Линкомиеса сконцентрировало свое внимание на поисках возможностей выхода страны из войны. В свою очередь маршал пристально следил за тем, как это делалось. «У меня, — отмечал он впоследствии, — возникло беспокойство, когда я узнал, что министр иностранных дел (Х. Рамсай — Н. Б.) получил задание отправиться в Берлин. Там он должен был, ссылаясь на обращение США о необходимости выйти из войны, попытаться склонить немцев к обещанию, что «они добровольно уйдут из Финляндии», и тем самым облегчат возможность достижения ею мира. «Вмешиваться в это было не моим делом, но я все же довел до сведения Рамсая, что... по моему мнению, мы ничего этим не добьемся».¹⁴⁸

*Выступление полковника А. Паасонена
с докладом 3 февраля 1943 г. перед руководящим составом
правительства и вооруженных сил.*

На снимке в первом ряду (справа налево):

В. Таннер, К. Маннергейм, Р. Рюти, Ю. Рангель и Р. Вальден

Маннергейм был прав в этом отношении. «Поездка Рам-сая, — отмечал премьер-министр Линкомиес, — являлась уни-зительной и по своим внешнеполитическим последствиям в целом отрицательной». ¹⁴⁹ Из Берлина усилился нажим на Фин-ляндию. Оттуда стали настаивать, чтобы финляндское прави-тельство подписало с Германией политический договор, кото-рый обязывал бы ее не заключать сепаратного мира. Наряду с этим начали сокращаться поставки в Финляндию продовольст-вия и оружия. Из Хельсинки вынуждены были направить в Берлин такое заверение, что «финское правительство твердо намерено продолжать ведущуюся Финляндией войну». ¹⁵⁰

Реально же такое обещание, данное Германии, вовсе не означало, что руководство Финляндии изменило свое преж-нее решение искать пути выхода из войны. Делалось же это в дальнейшем сугубо скрытно от Берлина. По времени весь этот процесс, описанный уже ранее в ряде работ, ¹⁵¹ занял до двадцати месяцев.

В деятельности Маннергейма такой столь продолжитель-ный период характеризовался стремлением использовать все возможности, чтобы при достижении мира сохранить в пре-делах Финляндии оккупированную финскими войсками тер-риторию Советского Союза. Иными словами не снимался во-прос о новых «стратегических границах» страны, хотя счита-лось, что говорить об этом в пропагандистском плане не следовало. Официально правительство Финляндии, как об этом писал в своих мемуарах Линкомиес, сообщало в Сток-гольм для передачи в Москву, что не намерено возвращаться к границам 1940 г. ¹⁵²

Исходя из такой ориентации, маршал Маннергейм придавал большое значение осуществлению работ по созданию мощных укреплений как на Карельском перешейке, так и восточнее Ла-дожского озера. Вспоминая об этом он писал, что 18 ноября 1943 г. «принял решение о строительстве на Карельском пере-шейке оборонительной линии ВКТ (Выборг–Купарсаари–Гай-

пале), а также линии У (Уксу), проходящей восточнее Сортавала».¹⁵³ Весьма значительные укрепления были возведены в оккупированной Карелии. Там, благодаря использованию множества озер и других водных преград, а также гранитных скал и возвышенностей, была сооружена эффективная в инженерном отношении оборона. На Онежско-Ладожском перешейке она имела шесть укрепленных полос, а на медвежьегорском направлении — четыре.¹⁵⁴ По мнению Маннергейма, следовало создать укрепления и на севере, в Лапландии, на случай, если немецкие войска покинут ее.¹⁵⁵

В конце февраля 1944 г. Ю. К. Паасикиви провел в Стокгольме мирный зондаж через полпреда СССР А. М. Коллонтай. Узнав о предложениях Москвы, маршал Маннергейм совершенно определенно высказался относительно неприемлемости их. Впоследствии он отмечал: «Тяжело было поддерживать в качестве исходных для переговоров границы Московского мира» (подписанного в 1940 г. — *Н. Б.*). Однако еще более трудным представлялось ему требование советской стороны, касавшееся «интернирования германских войск» с финской территории.¹⁵⁶

Историк Вайну высказался в этой связи так, что «то чисто военным соображениям именно Маннергейм сорвал заключение мира уже в первые месяцы 1944 г.». Аргументируя свое мнение, он сослался, прежде всего, на то, что финский главнокомандующий не видел возможности интернировать из страны германские войска. «Маннергейм полагал, — писал он, — что без вооруженных столкновений это вряд ли удастся осуществить, а тем временем Красная Армия попытается оккупировать Финляндию. Одновременно воевать против немецких и советских вооруженных сил финляндская армия была не в состоянии». Ссылаясь на генерала Хейнрикса и Таннера, считавших необходимым воздержаться от заключения мира с СССР, Вайну отмечал тот факт, что «финляндские власти выдвинули другой довод, тоже рекомендованный Маннергеймом: требуемые Советским Союзом военные репарации непосильны для Фин-

ляндии».¹⁵⁷ Сумма репарационных платежей Финляндии намечалась тогда в размере 600 млн. долларов (товарами в течение 5 лет).

После кратковременной поездки в Москву представителей Финляндии Ю. Паасикиви и К. Энкеля (возвратились они в Хельсинки 1 апреля 1944 г.) финскому правительству стало окончательно ясно, что условия СССР для заключения мира не изменились. Маннергейм после этого сохранил свое негативное отношение к возможности выхода страны из войны. 18 апреля, писал он, «на требования русских дали отрицательный ответ».¹⁵⁸

Это было роковое решение. В Москве поняли, что дипломатическим путем не будет разрешен вопрос о достижении мира с Финляндией. В Ставке советского Верховного Главнокомандования приступили тогда к разработке крупной наступательной операции против финской армии.

Оценивая произошедшее после отказа руководства Финляндии от предложенных ей условий выхода из войны, историк Сеппяля писал, что «у членов правительства и парламента не было правильного представления о стратегическом положении» страны.¹⁵⁹ Крупный политический и государственный деятель Паасикиви, непосредственно занимавшийся решением проблемы достижения мира, пришел именно к такому выводу, судя по его дневнику. «Мира можно было достигнуть, — писал он. — Если бы Маннергейм, Рюти и правительство поддержали эту позицию, то финский народ одобрил бы ее».¹⁶⁰ Как можно заметить, главным противником предложенных условий заключения мира он считал Маннергейма, а затем уже называл других.

О чем же думал в те дни финский главнокомандующий, каково было его состояние?

Генерал Туомпо сделал в своем дневнике 17 мая такую запись: «Вместе с Айро вновь говорили о пессимизме и повышенной осторожности маршала. Он уверен в том, что русские будут наступать...».¹⁶¹ Следовательно, Маннергейм не сомневался в вероятно-

сти скорого развертывания с советской стороны активных боевых действий против финской армии. Они, естественно, могли привести к большим людским потерям. Забегая вперед, заметим, что так оно и произошло в июне–июле, когда в ходе наступления войск Ленинградского и Карельского фронтов потери финской армии составили до 64 тыс. человек, среди которых число погибших и пропавших без вести достигло почти 15 тыс. человек.¹⁶² При этом экономика страны оказалась в состоянии еще более серьезного кризиса.

Позицию Маннергейма, выразившуюся в отказе от принятия условий заключения мира, предложенных советским правительством, обычно объясняют в финской историографии неприемлемостью их в таком виде. Но ведь сущность тех условий сводилась к возобновлению заключавшегося ранее Финляндией, в марте 1940 г., мирного договора и восстановлению суверенитета страны путем освобождения ее территории от немецких войск. Что касалось репарационного вопроса, то он мог быть скорректирован, как это на практике и произошло впоследствии. К тому же в условиях краха германской армии, терпевшей одно за другим крупные поражения на восточном фронте, финскому руководству нереально было надеяться на то, что оттяжки с заключением мира могут как-то изменить ситуацию с выдвинутыми советской стороной условиями мира.

Результатом наступления советских войск в июне–июле 1944 г. явилось, в конечном счете, то, что на Карельском перешейке они уже близко подошли к государственной границе 1940 г. (прежде всего на Выборгском направлении), а Карелия почти полностью освободилась от оккупации ее финской армией. Учитывая возросшее сопротивление финской стороны, Сталин не считал необходимым дальше тратить силы на северном фланге огромного фронта, а развернуть широкое наступление в Прибалтике и Белоруссии, считая важнейшей задачей доведение до конца разгрома германской армии. Финская разведка получила

сведения о приостановлении дальнейшего наступления советских войск на финляндском направлении,¹⁶³ о чем, естественно, была поставлена в известность ставка Маннергейма.

В этой ситуации в Москве готовы были решить вопрос о перемирии с Финляндией и восстановить положения, содержащиеся в мирном договоре 1940 г. Это представлялось возможным, поскольку с финской стороны предпринималось зондирование в том направлении уже после взятия советскими войсками Выборга, 22 июня. Тогда в обстановке быстрого продвижения частей Ленинградского фронта и начавшегося наступления со стороны Карельского фронта, ответ из Москвы на запрос Финляндии относительно возможности выхода из войны был жестким. Он выражался в том, что Финляндия должна капитулировать и запросить мира у СССР.

На это с финской стороны не последовало ответа. Маннергейм писал, что прибывший в Хельсинки 22 июня И. Риббентроп, «возобновил требование подписания Финляндией соглашения с Германией, в котором она обязывалась бы не заключать сепаратного мира».¹⁶⁴

Маршал в это время сразу выразил позитивное отношение к требованию германского руководства. Это делалось в интересах получения от него военной помощи, чтобы сдерживать дальнейшее продвижение советских войск. «В связи с опасностью в обстановке, — отмечал он, — посчитал, что буду вынужден отказаться от той, исповедовавшейся мною позиции, связанной с прежним отношением. Соглашения, конечно, можно достигнуть, но только, особенно, при том условии, что президент самостоятельно один подпишет его, связав этим себе руки, но не правительству и парламенту».¹⁶⁵ В результате Рюти единолично подписал заверение, данное Гитлеру, что президент страны со своим правительством не будет действовать в целях заключения такого мира, который не одобрила бы Германия. В свою очередь Германия предоставила тогда финскому командованию существенную помощь авиацией, противотанковыми средствами, артиллерией и частично войсками.

Это сыграло заметную роль в поднятии боевого духа в соединениях и частях, оборонявшихся северо-восточнее Выборга.

Можно считать предпринятый финским руководством маневр удавшимся, но он опять отодвинул выход Финляндии из войны до осени 1944 г., и стоил Рюти президентского поста. С тем, чтобы развязать руки для заключения мира, ему пришлось заявить 1 августа об уходе в отставку. На смену его без процедуры обычных президентских выборов пришел Маннергейм. «В парламент срочно был передан проект закона, – писал он, – согласно которому меня должны были избрать президентом республики».¹⁶⁶ Таким образом, это было сделано самими парламентариями. Уже 4 августа главнокомандующий финской армии стал одновременно и президентом Финляндии.

Достижение же мира оставалось нерешенной задачей для страны и дальше.

Парадоксы в истории

В политических и общественных кругах Финляндии усматривали в смене главы государства предпосылку к ускорению процесса обретения страной мира. Активно действовавшая еще до этого события «мирная оппозиция», куда входили парламентарии и многие другие влиятельные финские деятели, стремилась склонить Маннергейма к созданию нового правительства и тем самым сделать решительный поворот к выходу Финляндии из войны. Направивший ему послание от имени «мирной оппозиции» У. К. Кекконен, призывал его принять все возможные меры, чтобы добиться установления доверительных отношений с восточным соседом.¹⁶⁷

В различных слоях финского общества возлагались большие надежды на то, что Маннергейм, в отличие от других деятелей из числа руководства страной, будет более реалистичным в политике достижения мира. С последовавшим вскоре выходом Финляндии из войны стала явно преувеличиваться в финской историографии роль в этом процессе именно самого

Маннергейма. Весьма уважаемый историк профессор Тервасмяки назвал его прямо-таки «архитектором мира», который и «думал лишь о мире», и только о «возможности достижения мира», причем «с самого начала войны». ¹⁶⁸ В некоторых средствах информации стали представлять его как родоначальника нового внешнеполитического курса Финляндии в отношении восточного соседа – «линии Паасикиви». Характерно высказывание в этом отношении газеты «Мааканса»: «Когда в 1944 г. президентом стал Маннергейм, то тогда окончательно и определилась линия Паасикиви». ¹⁶⁹

Полезно привести в этой связи высказывание человека, который близко знал маршала и общался с ним тесно именно в 1944 г. – премьер-министра Линкомиеса. В 1970 г. он писал в своих мемуарах: «Маннергейм рисовался в представлении многих своего рода мирным президентом, тогда как Рюти изображался продолжателем прежнего курса. Такое представление является беспочвенным, даже ложным. Собственно, во взглядах между Рюти и Маннергеймом не было никакой разницы... Маннергеймом не больше, чем Рюти, употреблялись магические слова о необходимости окончания войны... Его имя представляло собою, прежде всего, символ, вокруг которого должны были объединиться...». ¹⁷⁰

Приступив в начале августа к формированию нового правительства, Маннергейм не привлек для участия в нем даже тех, кто выражал взгляды «мирной оппозиции». Возглавил его А. Хакцель, известный своей прогерманской ориентацией, а половина министров оказалась из прежнего кабинета, поддерживавшего военный курс и причастного к соглашению с Риббентропом. Оценивая такой подход, Паасикиви записал в своем дневнике: «У Маннергейма не обнаружилось способности дать правильную критическую оценку. По всему видно, что Маннергейм не имеет действительно ясного представления о людях и обстановке». ¹⁷¹ Совершенно очевидной стала затяжка с решением вопроса о выходе страны из войны.

*К. Г. Маннергейм 4 августа 1944 г.
после избрания его президентом Финляндии покидает парламент.
В числе сопровождающих его
премьер-министр Э. Линкониес и генерал-лейтенант А. Хейнрикс*

Гитлер в этой ситуации предпринял меры, чтобы оказать давление на нового финского президента, направляя в Хельсинки своих военных представителей. Он хотел не допустить образования вакуума на северном фланге восточного фронта и создания угрозы для немецких группировок войск как в Прибалтике, так и в Заполярье. Первоначально поездку в Финляндию предпринял командующий группой армий «Север» генерал Х. Шернер, а затем, 17 августа, для встречи с финским президентом прибыл давний знакомый маршала Кейтель. Именно тогда Маннергейм уведомил представителя высшего немецкого командования, что в качестве президента, не считает себя связанным обязательствами, взятыми его предшественником Рюти, поскольку большинство финского народа отвергает их.¹⁷²

Конечно, сделав такое заявление, Маннергейм не мог исключить, что со стороны Германии могли быть предприняты самые крайние меры воздействия на Финляндию вплоть до применения силы немецкими войсками, находившимися в Лапландии. Однако Кейтель во время беседы не прибег к каким-либо угрозам по поводу высказывания Маннергейма. «Мои разъяснения, – писал финский маршал, – явно произвели сильное впечатление на гостя, хотя он вел себя все время так, как будто ничего не произошло».¹⁷³

Но опасения относительно возможных силовых акций Германии против Финляндии не исчезли. Со стороны Маннергейма явно прослеживалось желание не форсировать отмежевания от Третьего рейха. Это видно из его личного послания советскому правительству 1 сентября. В нем высказывалось соображение, что надо несколько повременить с разрывом отношений Финляндии с Берлином. Однако в этом обращении вносилось предложение о прекращении сразу же вести военные действия с советскими войсками и начать мирные переговоры между обоими государствами.

Финляндия вступила в заключительный этап процесса выхода из войны. 2 сентября парламент на своем закрытом заседании принял решение продолжить переговоры с СССР на предложенных им двух предварительных условиях. Во-первых, Финляндия должна была немедленно разорвать отношения с Германией, во-вторых, требовалось, чтобы до 15 сентября немецкие войска покинули финскую территорию.

Все еще продолжая маневрировать в отношениях с Германией, Маннергейм обратился в тот же день через генерала Эрфурта с письмом к Гитлеру. Оно было весьма пространным, а, по сути, явилось своего рода извинением за желание вывести страну из войны. «По-видимому, довольно скоро, – писал он, – дороги наши разойдутся. Но память о немецких братьях по оружию здесь будет. Ведь в Финляндии немцы были не представителями иностранных угнетателей, а помощниками и братьями по оружию».¹⁷⁴ Маннергейм, конечно же, не предполагал, что уже в следующем месяце немецкие «братья по оружию» сожгут и почти полностью уничтожат Северную Финляндию вместе с ее губернским центром Рованиеми. Командующий 20-й горной армии генерал Л. Рендулич позднее писал,¹⁷⁵ что это было сделано с ведома, а точнее, по указанию самого Гитлера.

О желании прекратить военные действия до начала переговоров Маннергейм сообщил Сталину по дипломатическому каналу через Стокгольм. «В ночь на 4 сентября, которую я проводил на квартире главнокомандующего вне Миккели, – вспоминал Маннергейм, – министр иностранных дел К. Энкель позвонил по телефону начальнику генерального штаба, сказав, что Сталин согласен с моим предложением».¹⁷⁶

В тот же день, утром, финским главнокомандующим был отдан приказ армии, прекратить ведение огня по всему фронту. На следующий день советские войска приостановили военные действия против финской армии, и 7 сентября правительственная делегация Финляндии прибыла в Москву на мирные переговоры.

Довольно парадоксально выглядело то, что человек, который готовил войну, отдал приказ о ее начале и поставил задачу захватить определенную часть территории СССР за пределами границы 1939 г. – Маннергейм, теперь выступил в роли миротворца. Ушли в область забвения и иллюзии относительно намеченных новых «стратегических границах» Финляндии. В пропаганде же акцент стал делаться на том, что все беды в стране сопряжены с одним: приходится возвращаться к Московскому миру 1940 г.

Был и другой парадокс в развитии событий, происшедших на четвертый день после подписания соглашения о перемирии. Именно Маннергейму пришлось отдать приказ о применении силы для изгнания из Финляндии в то время немецких войск. Вступили же они на ее территорию благодаря тому, что как раз он сыграл в этом ключевую роль, если вспомнить ход событий, связанных со встречей его с эмиссаром Геринга Вельтгенсом и с соглашением о так называемом «транзите». Теперь надо было, при всей парадоксальности произошедшего, воевать с теми, кого только что называли «братьями по оружию». Как констатировал, спустя сорок лет, президент Финляндии Мауно Койвисто, уже осенью 1944 г. «Финляндия принимала участие на стороне союзных держав для уничтожения военной машины нацистской Германии». ¹⁷⁷ В боях с немецкой 20-й горной армией финские войска потеряли более 4 тыс. человек. ¹⁷⁸

Видимо, самому Маннергейму хотелось уйти от объяснений парадоксальности своего поведения в ходе войны, сведя происшедшее с ним к тому, что «бывает неприятно признаваться в собственных ошибках». Хотя он считал, что должна иметься возможность «взглянуть на прошлое, чтобы увидеть и уяснить для себя ошибки и упущения, которые оказались пагубными». Это необходимо, отмечал он, для грядущих поколений, поскольку в перспективе «следует из-

влекать лучшее и не повторять ошибок своих предшественников».¹⁷⁹

Маршал говорил в данном случае об ошибках и упущениях. Но ведь речь идет о значительно более существенном — о пагубных последствиях содеянного. Кроме того, необходимо коснуться и гуманитарной области, ряд существенных аспектов которой избегают затрагивать биографы главнокомандующего.

IV. О «ГУМАННОСТИ»

Пожелание выжить

«В людях Маннергейм, прежде всего, ценил теплоту гибкость и чувство реальности...» — писал академик Мери.¹⁸⁰ По первым из вышеназванных человеческих качеств биографы маршала старались подчеркнуть то, что он был гуманным. Среди черт, которые присущи ему, особо выделяли его доброе отношение к женщинам и любовь к детям, а также внимание к родным погибших солдат. В некоторых публикациях отмечается, что он спас представителей еврейской диаспоры в Финляндии от отправки в концентрационные лагеря в Германию.¹⁸¹

Видимо, и советские военнопленные, находившиеся в крайне жестоких лагерных условиях, предполагали, что финский главнокомандующий облегчит их тяжелое положение. Может быть, именно с расчетом на это, они обращались 28 декабря 1942 г. к нему из концентрационного лагеря № 1 (в Кёулиё). В последовавшем ответе, хранящемся в Национальном архиве в Хельсинки, Маннергейм писал на имя пленного генерал-майора В. Н. Кирпичникова (бывшего командира 43-й стрелковой дивизии), выражая всем заключенным лишь пожелание, «чтобы участь помогла в недалеком будущем вернуться домой».¹⁸² Но «участь помогла» лишь 44,5 тыс. военнопленных из 64 тыс. находившихся в лагерях. Финский исследователь этой трагедии Эйно Пиэтола писал в своей книге «Военнопленные в Финляндии 1941–1944» так: «По статистическим данным получается, что из всей массы пленных в наших лагерях погибло 29,1%. Это одна из самых высоких цифр в мире».¹⁸³ Задумывался ли маршал о судьбе военнопленных, владея сведениями о гибели их в лагерях?

Однако, затронув вопрос о «гуманности» Маннергейма, коснемся еще одних довольно трагических событий, связанных с блокадой Ленинграда и оккупацией Карельской республики.

*На Невском проспекте Ленинграда
в тяжелые дни блокады и гибели жителей от голода*

Эпизод с островом Сухо

Трагедия гибели сотен тысяч жителей Ленинграда в период голода в результате его блокады немецкими и финскими войсками продолжает неизменно волновать многих людей в мире. В Финляндии после Второй мировой войны многие значительно больше узнали об этом из весьма объективного повествования писателя Пааво Ринтала «Ленинградская симфония судьбы» и ценной исследовательской работы военного историка Х. Сеппяля «Блокада Ленинграда 1941–1944», изданной к 300-летию города.¹⁸⁴ «Примерно 750 тыс. было умерших от голода: груды малышей, ребятишек, мужчин и женщин в расцвете сил, людей среднего возраста, стариков», – писал П. Ринтала. При этом он отмечал, что «немецко-финская блокада душила город целых 900 дней». Автор книги надеялся на то, что все, о чем он повествовал, рассказывая о трагедии ленинградцев, услышат и в таких странах, как Швеция, Германия, Франция, Англия и во многих других.¹⁸⁵

Ринтала писал, что его соотечественники – солдаты, занимая позиции на Карельском перешейке и у берегов реки Свирь, даже не знали, что в Ленинграде, блокированном ими с севера, люди умирали от голода. «На своем участке фронта они лишь замыкали блокаду, да один раз осенью 1942-го пытались со стороны Ладоги овладеть островом Сухо, чтобы перерезать ледовую дорогу жизни, но это им не удалось».¹⁸⁶

А что же неосведомленным о положении в Ленинграде был и маршал Маннергейм? Допустимо ли было, чтобы он не знал относительно проведения операции с захватом острова Сухо, с целью прервать снабжение ленинградцев через Ладожское озеро?

Обратимся в этой связи к источникам, позволяющим дать ответы на этот вопрос. В дневнике генерала Туомпо содержится запись, датированная 21 марта 1942 г., когда смертность в Ленинграде от голода была особенно большая. В этот момент из Германии прибыл в ставку Маннергейма генерал Талвела с докладом необходимой информации для маршала по оперативным и другим вопросам. «Здесь находится Талвела, – отметил в дневнике

*В Кабонский порт пребывает продовольствие,
направляемое через Ладожское озеро для Ленинграда.
25 августа 1942 г.*

*Безопасность перевозок морским путем
обеспечивали суда Ладужской военной флотилии.
Район острова Сухо, сентябрь 1942 г.*

Туомпо, — ...Он сообщил исключительно интересные вещи о военных действиях немцев, которые он узнал на Ленинградском фронте... В Ленинграде царит большое бедствие. Согласно данным пленных, там ежедневно умирает от голода 6–7 тыс. человек. Довольно много каннибальства. Трупы не в состоянии хоронить, в силу чего в садах их огромные груды и т. д. Весной будет, видимо, ужасная картина и эпидемии».¹⁸⁷

Кажется, не может быть сомнения, что у Маннергейма имелось после информации, полученной от П. Талвела, довольно ясное представление о массовой гибели жителей Ленинграда. С прекращением же летом и осенью 1942 г. функционирования ледовой дороги по Ладожскому озеру и переходу с доставкой продовольствия в город имевшимися судами, обстановка со снабжением ленинградцев осложнилась.

Что же предлагает финскому командованию Талвела? Перекрыть полностью путь для прохода судов по озеру. Его замысел в этом отношении заключался в том, чтобы захватить небольшой остров Сухо, занимавший ключевую позицию в зоне движения морских транспортов между западным и восточным побережьем Ладожского озера.

Реализацией замысла относительно перекрытия пути доставки продовольствия и других грузов в Ленинград через Ладогу Талвела стал заниматься с конца марта 1942 г., когда побывал в Лахденпохья (у северного побережья озера) и обсудил этот вопрос с командиром Ладожской береговой бригады полковником Э. Ярвиненом. Возникла мысль о необходимости привлечь для этого кроме финских судов также флотские силы из Германии и Италии, сформировав таким образом специальную группу торпедных и иных небольших судов для последующих действий с поставленной целью.¹⁸⁸ Обо всем этом было доложено германскому военному командованию, которое, в свою очередь, предложило финскому военному руководству начать подготовку к действиям по захвату острова Сухо. 17 мая 1942 г. последовал приказ маршала Маннергейма о создании на

Ладожском озере специальной морской воинской части «К» под командованием капитана 3 ранга К. Киянена. В нее должны были войти прибывшие из Германии и Италии суда типа минных и торпедных катеров, а также финские торпедные катера «Сису». Эта часть, подчиненная полковнику Э. Ярвинену, получила конкретные указания относительно целенаправленной подготовки к ведению боевых действий на трассе, по которой осуществлялось снабжение блокированного Ленинграда советской ладожской флотилией.¹⁸⁹ Но, в конечном счете, из прибывших на Ладогу немецких и итальянских судов их объединили в одну часть «Фэрэ ост» («ФО») под командованием немецкого подполковника Зибеля, подчинив финской ладожской береговой бригаде.

Перед обеими сформированными морскими частями («К» и «ФО») ставилась главная задача захватить остров Сухо и тем самым прервать снабжение Ленинграда через Ладожское озеро. Естественно, ставка Маннергейма в Миккели ведала о подготовке этой операции.

Для осуществления захвата острова привлекались силы, в составе которых должны были действовать 23 судна с десантным отрядом, насчитывавшем свыше ста человек. Немецкие, итальянские и финские катера составляли ядро десанта наряду с привлекавшейся флотилией паромов. Использовалась также и авиация, часть самолетов которой была задействована в нанесении бомбового удара по острову.¹⁹⁰

Намеченная операция началась в ночь на 22 октября. В результате скрытной высадки до 70 десантников на остров, наступавшим удалось вывести из строя ряд важных объектов на нем. Гарнизон острова, поддержанный своевременно прибывшей авиацией, выбил десантников к 10 часам утра с захваченных ими позиций и итало-немецкие, а также финские суда вынуждены были быстро покинуть район боевых действий под ударами советской авиации. Потери организаторов де-

сантной операции были значительными: 17 судов, 61 человек из числа участников боев и 14 самолетов.¹⁹¹

Несмотря на то, что задуманным способом не удалось прервать снабжение Ленинграда, маршал Маннергейм решил все же отблагодарить тех, кто участвовал в операции с целью захвата острова Сухо. Он наградил орденами, прежде всего, «братьев по оружию», убывавших из Приладожья после расформирования специально созданного там немецко-итальянского военно-морского сводного отряда.

Так закончилась «гуманная акция», предпринятая по отношению к жителям, охваченного голодом Ленинграда. Характерно, что эта военная операция по захвату острова Сухо в финской историографии умалчивается. В этой связи Сеппяля пишет: «Финские историки... обращают очень мало внимания на произошедшие в 1942 г. военные действия на Ладоге, поскольку они указывают на направленность их против Ленинграда, и этим финны хотят только умыть руки. "Официальная" история Войны-продолжения в разделе "Немецкие и итальянские корабли на Ладожском озере в 1942 г." совсем не упоминает бои за Сухо».¹⁹²

Так происходило в Карелии

Нельзя умолчать о «гуманности» маршала Маннергейма и при рассмотрении всего того, что случилось во время оккупации территории Карелии, которая длилась более трех лет. В эти годы главнокомандующий финской армии руководил военными властями, возглавлявшими установленный там оккупационный режим. Пережившие в Карелии период оккупации называют его самыми мрачными годами.¹⁹³

Всего на захваченной финскими войсками территории Карелии осталось около 85 тыс. человек. Согласно обращению, адресованному 8 июля 1941 г. к населению Карелии, маршалом Маннергеймом вводились жесткие меры для всех жителей. Затем последовал приказ, по которому русское население Карелии, подлежало заключению под стражу и направлению в concentra-

ционные лагеря.¹⁹⁴ Тем самым решалась задача по отделению русских и вообще представителей славянских народов (т. н. «вненациональное» население) от финно-угорской части жителей («национального» населения) для последующего выселения заключенных в лагеря за пределы Карелии, на восток.

В такие концентрационные лагеря попала третья часть всего населения Карелии. В одном только Петрозаводске, где было шесть лагерей, оказалось более 20 тыс. человек. Установленный же там режим вел фактически к массовой гибели людей. По финским и российским источникам смертность находившихся в концентрационных лагерях составила от 4 до 7 тыс. человек.¹⁹⁵

Из работ финских историков А. Лайне и Х. Сеппяля,¹⁹⁶ посвященных оккупации Карелии, следует, что политика, проводившаяся там, была явно расистской, человеконенавистнической. Жестокие методы обращения с людьми предусматривались соответствующими инструкциями, одобрявшимися и ставкой главнокомандующего. Обобщая картину тяжелой участи людей, известный исследователь, историк Карелии К. А. Морозов писал: «На оккупированной территории было создано 14 концлагерей, в которых томились беззащитные старики и дети... С раннего утра заключенных, не считаясь ни с возрастом, ни с состоянием здоровья, оккупанты под конвоем выгоняли на тяжелые изнурительные работы. Детей наряду со взрослыми заставляли заниматься непосильным трудом. Зимой в рваной одежде и обуви людей гоняли на заготовку леса, строительство дорог и т. п. Рабочий день длился с 6 утра и до 8 вечера».¹⁹⁷ Для наказания заключенных широко применялось избивание розгами, резиновыми дубинками и т. п.

После выхода Финляндии из войны в сентябре 1944 г. в печати была опубликована фотография детей за колючей проволокой в одном из таких лагерей. Х. Сеппяля, беседуя с одной из запечатленных на ней бывших узниц, спустя уже много лет, узнал от нее подробности происходившего в лагерях, о чем свидетельствовал затем в своей книге.

Suomen Puolustusvoimain Ylipäällikön julistus Karjalan väestölle.

1. Sillä alueella, jonka Suomen puolustusvoimat ovat ottaneet haltuunsa, on väestön ehdottomasti noudatettava sotilasviranomaisen sille antamia määräyksiä. Kaikki tottelemattomuus annettujen määräyksiä vastaan, taikka toiminta, jolla pyritään vahingoittamaan Suomen puolustusvoimia tai auttamaan sen vihollisia, rangaistaan Suomen sotalakien mukaan.

2. Vallatun alueen asukkailla on varhistaessa annettava sotilasviranomaisille tarvittavat tiedot itsestään, perheensä jäsenistä ja asuinpaikastaan.

3. Aseet, ampumatarvikkeet, räjähdysaineet sekä vihollisen jättämät taisteluvälineet, joita asukkailla on hallussaan, on heidän viivyttämättä luovutettava tai ilmoitettava viranomaisille.

4. Vakoojana rangaistaan jokaista, joka antaa viholliselle tietoja Suomen puolustusvoimista, sen joukoista, liikkeistä tai muusta, mikä saattaa vihollista auttaa, taikka hankkii, taikka yrittää hankkia sellaisia tietoja. Vihollisotilaisten kätkemisestä taikka heidän avustamisestaan seuraa ankara rangaistus.

5. Vallatun alueen asukasta, joka koulumatta sotaväkeä ja olematta sotilaspuvussa ryhtyy asevoimin vastustamaan tai vahingoittamaan Suomen armeijaa, ei kiinni saatessa pidetä sotavankina, vaan rikollisena, joka on ansainnut kuolemanrangaistuksen.

6. Kaikki omaisuuden, kuten elintarvikkeiden, karjan, rehun, rakennusten tai metsien tuhoaminen, polttaminen tai vahingoittaminen on -- olipa kysymys valtion taikka väestön omasta omisuudesta -- jyrkästi kielletty.

7. Vallatun alueen asukkaitten on pysyttävä kotipaikkakunnallaan sekä ahkerasti ja huolella hoidettava edelleen peltoonsa ja karjaansa. Ilman sotilasviranomaisen lupaa on siirtyminen toiselle paikkakunnalle kielletty. Jos sotilasviranomaiset määräävät heille muun asuinpaikan, on heidän tälle alueelle siirryttävä ja sillä pysyttävä.

8. Vallatun alueen asukkaat ovat, samoin kuin Suomen kansalaiset, työvelvollisia. Viranomaisen määräyksestä on heidän tultava niihin maanviljelys-, korjaus- tai muihin töihin, joita heille määrätään, ja ahkerasti sekä tunnollisesti suoritettava heille määrätty tehtävät.

9. Vallatulla alueella käytäväl tuomiovaltaa Suomen puolustusvoimain kenttäoikeudet. Kaikki rikokset, joihin alueen asukkaat syyllistyvät, saatetaan näiden tuomioistuinten käsiteltäviksi, ja ne tulevat soveltamaan rikoksen tehneisiin Suomen sotalakien koko ankaruutta.

Päämajassa heinäkuun 8 pnä 1941.

Suomen Puolustusvoimain Ylipäällikkö
Sotamarsalkka MANNERHEIM.

*Фотокопия обращения
главнокомандующего оборонительными силами Финляндии
к населению Карелии 8 июля 1941 г.*

Что же есть в мемуарах Маннергейма относительно руководства им органами военного управления оккупированной частью Карелии? Содержится ли в них покаяние за беды, доставленные простым людям, которые ни в чем не повинны?

Обратимся к самим воспоминаниям маршала, чтобы представить по его словам, как обстояли дела с «устроенной» им жизнью на оккупированной территории Карелии. И начнем с данных им тогда указаний в этом отношении. «В инструкциях, — писал он, — обращали внимание на то, что управленческие мероприятия Восточной Карелии должны носить такой характер, чтобы они показывали и населению этих районов и иностранцам стремление Финляндии возродить благосостояние этой территории, вне зависимости от национальности или политических взглядов жителей. Необходимо, чтобы население по своей воле и желанию включилось в производительную работу... Ни с карельским, ни тем более со славянским населением не возникало никаких трений... Населению раздавали много одежды и обуви, для облегчения положения с одеждой организовали рабочие дома, курсы, в дополнение к чему всю трофейную одежду и обувь раздали населению восточной Карелии».¹⁹⁸

Приведя сведения из области «обеспечения» населения питанием, а также об «организации» образования и вероисповедания, маршал отметил наряду с этим как «много делалось» для правовой защиты жителей Карелии. «Основоплагающие правовые нормы, — указывал он, — утверждались приказами главнокомандующего или инструкциями начальника военной администрации от имени главнокомандующего».¹⁹⁹

Тщетно будет искать читатель в мемуарах даже упоминания о концентрационных лагерях и тем более о том, что происходило в них, или пытаться обнаружить сведения о гибели тысяч людей из числа гражданского населения. Между тем у Маннергейма имелось, что сказать об этом даже по личным впечатлениям от

Itä-Karjalan sota-ajan hallinnosta.

Muuttaen ja täydentäen Itä-Karjalan sota-ajan hallinnosta antamaani käskyä (PM:n kirj.n:o 332/Järj.2/15.7.1941) määrittän:

1. Itä-Karjalan miehitettyistä alueista alistetaan päivämäärällä 25.1.1942 Itä-Karjalan sotilashallintokomentajan alaiseksi Repolan, Porajärven, Munjärven, Sämmjärven ja Terun alueet, Äänislinnan kaupungin alue sekä linjan Tuulosjoensuu - Tuulos (pl.) - Säntämä (pl.) - Aunuksenrannan alueen itärajana ja entisen Karjalan Neuvostotasavallan etelärajan yhtymäkohta pohjoispuolella oleva osa Aunuksenrannan aluetta.

2. Aunuksen ja Maanselän piiripäälliköt alistetaan 1. kohdassa tarkoitettujen alueiden osalta Itä-Karjalan sotilashallintokomentajalle, mutta jättävät he muiden alueiden osalta edelleen Armeijan tai AK:ien (vastaavien) komentajien alaisiksi. Aluepäällikkö, jonka alueesta osa on sotilashallintokomentajalle alistetulla alueella ja osa sen ulkopuolella, on tätä ulkopuolista osaa koskevissa asioissa edelleenkin Armeijan tai AK:

- 2 -

taavien) komentajat ovat antaneet kuljetuksista, muonituksesta ja muusta huollosta sekä sotavankien työssä käyttämisestä.

6. Oikeudenhoitoa varten, mikäli se ei kuulu kenttäoikeuksille, Itä-Karjalan sotilashallintokomentaja tarpeen mukaan perustaa tuomioistuimia.

Puolustusvoimain Ylipäällikkö

Sotamarsalkka MANNERHEIM.

*Приказ маршала Маннергейма № 2
 об управлении Восточной Карелией в военное время*

поездок на оккупированную территорию Карелии. Только по сведениям из дневниковых записей генерала Туомпо, маршал посещал ее несколько раз: в 1941 г. – в сентябре, в 1942 г. – в июне, октябре и ноябре и в 1943 г. – в феврале и августе.²⁰⁰ Фотографы запечатлели его в Олонце, когда он принимал парад в одной из частей финской армии, а также в кругу членов женской организации «Лотта Свярд». Но среди карельского населения и, тем более, в расположении какого-либо концентрационного лагеря фотокамеры не зафиксировали его. 30 октября 1942 г. для инспектирования концлагеря № 5, где содержалось более 5 тыс. человек, главноком был направлен лишь генерал Туомпо с группой офицеров.

В книгах биографов Маннергейма и в официальной финской историографии обычно замалчивается все то, что могло характеризовать отношение его и к самому факту создания, и к существованию на территории оккупированной Карелии концентрационных лагерей. Ягершельд замечает, что, к удивлению, «Маннергейм основательно заботился о том, что касалось правил поддержания международных прав и обязанностей оккупировавшей властью...».²⁰¹

Такая «забота» заметно проявилась после произошедшего перелома в ходе Второй мировой войны и приближавшегося окончательного поражения германской армии. Тогда с одобрения Маннергейма решено было завуалировать само название «концентрационные лагеря» на территории Карелии. 12 ноября 1943 г. они стали именоваться «лагерями для перемещенных лиц» с расчетом на придание им видимости иного статуса. Вместе с тем прежние порядки в них не отменялись, а наказания людей, содержащихся в заключении, даже ужесточались. Применялось изощренное избивание «провинившихся» розгами и расстрелы. У Х. Сеппяля состоялась в конце 80-х годов обстоятельная беседа в Петрозаводске с бывшей заключенной Клавдией Ньюппиевой (во время нахождения в лагере ей было 9 лет),²⁰² которая рассказала финскому историку обо всех ужасах

*Маршал К. Г. Маннергейм в Олонце
26 июня 1942 г. в егерской бригаде*

*К. Г. Маннергейм беседует
в оккупированной Карелии с членами финской женской
военизированной организации «Лотта Свярд»*

*Дети, находившиеся в одном
из концентрационных лагерей Петрозаводска*

*Один из концентрационных лагерей в Карелии,
где содержались ее жители*

*Финский военный историк Хельге Септяля
беседует в Петрозаводске в 1986 г.
с бывшей заключенной-девочкой Клавдией Нюппиевой,
находившейся в концентрационном лагере в Петрозаводске*

пережитого. По ее словам, расстреливали заключенных прямо при детях, подвергали телесным наказаниям женщин, детей и стариков, не взирая на возраст. Перед уходом же финских войск из Петрозаводска была расстреляна группа молодых ребят. Не случайно после выхода Финляндии из войны бывшие руководители оккупационной военной администрации Карелии В. А. Котилайнен и А. В. Арагори покинули Финляндию, опасаясь привлечения к судебной ответственности за расстрелы жителей Карелии и другие преступления.

Стремление Маннергейма удержать в своих руках оккупированную Карелию сохранилось и весной 1944 г., вплоть до перехода в наступление советских войск на свирско-петрозаводском направлении. Он твердо не желал оставлять достигнутых рубежей и настоял на строительстве в конце 1943—начале 1944 г. сильной укрепленной линии обороны, известной под названием «ПСС», с целью предотвратить прорыв соединений и частей Карельского фронта через позиции, удерживавшиеся Олонецкой группой финских войск. Но под натиском Советской Армии летом 1944 г. пришлось покинуть почти полностью оккупированную территорию.

Маннергейм вынужден был похоронить свой замысел — присоединить Карелию к Финляндии в плане осуществления велико-финляндской идеи. Об этом он заявил в известном приказе от 10 июля 1941 г. Настало время, когда пришлось опасаться возможных последствий и ответственности за содеянное.

Как известно, вскоре после заключения Финляндией соглашения о перемирии, реально встал вопрос об ответственности за вовлечение страны во Вторую мировую войну.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Суда удалось избежать

Академик Мери писал: «...маршал страшно боялся быть втянутым в процесс над военными преступниками».²⁰³ В этом смысле показательно, что в 1945 г. Маннергейм сжег значительную часть своего архива,²⁰⁴ а также выехал в Португалию и находился за рубежом до начала нового, 1946 года, когда уже прояснилось дело с персональным привлечением к суду виновников войны. Но об отъезде за границу речь пойдет ниже.

При расследовании деяний виновников войны специально созданной для этого особой Следственной комиссией стал вопрос не только о представителях высшего государственного руководства, но и военного командования, прежде всего самого Маннергейма. Как отмечал профессор Маннинен, главнокомандующий «был центральным объектом "огня" за: а) подготовку к «Войне-продолжению»; б) поддержку пропагандистской кампании в пользу оккупации Восточной Карелии, в) и, прежде всего, заключение договора, по которому иностранные войска получили право использовать территорию страны при их переброске». И далее добавил: «К завоеванию Восточной Карелии относился известный боевой приказ Маннергейма, в котором войска призывались к освобождению Беломорья и Олонии, к продолжению наступления финляндских войск за пределы старой границы к Свири, Петрозаводску и Медвежьегорску, что, как думалось, заставило Англию объявить войну Финляндии в декабре 1941 года».²⁰⁵

В указанном перечислении обвинений Маннергейма отсутствовали весьма важные преступления, в том числе, такие как: осуществление под его руководством плана совместного с немецкими войсками захвата Ленинграда и жесточайшей его блокады; введение антигуманного расистского режима на оккупированной карельской территории и замысел

установить новую границу Финляндии с включением в ее пределы не только всей Карелии, но и значительной части Ленинградской области с выходом к Неве, а также захват Кольского полуострова.

В ходе следствия маршалу пришлось отвечать на ряд поставленных ему вопросов. Всего их было задано более двух десятков, и они относились к его деятельности как в месяцы, предшествовавшие вступлению Финляндии в войну летом 1941 г., так и в ходе последней. В ряде случаев, когда Маннергейму хотелось уйти от прямого ответа, он обычно говорил: «Я об этом ничего не знаю», «не помню» или «этот документ вижу впервые». В частности, когда спрашивалось у него по чьим приказам в 1941 г. финские офицеры направлялись в Германию для переговоров о координации действий с немецкой армией, то последовал такой ответ: «Я не слышал, что 20–21.5.41 г. происходили переговоры о какой-то координации военных действий».²⁰⁶

Председатель суда Онни Петяус в начале октября 1945 г. высказал мнение, что военным преступником № 1 является Рюти, а военным преступником № 1а – Маннергейм. Однако в правительственных кругах решили, чтобы президент выехал из страны за рубеж «для лечения». Вообще речь шла о том, что ему сложно будет оставаться на посту главы государства. Паасикиви, бывший в то время премьер-министром, писал в своем дневнике: «Кекконен считает, что Маннергейму трудно оставаться президентом, когда обвинения по делам виновников войны будут опубликованы. О. Петяус сказал, что, по его мнению, военным преступником № 1 является Рюти, а военным преступником № 1а Маннергейм».²⁰⁷

В конечном счете, именно министр юстиции Кекконен предложил Паасикиви, чтобы Маннергейм выехал за границу и оставался бы там до конца года, когда судебный процесс определится.²⁰⁸ Маршал воспользовался этим советом и решил отправиться за границу, чтобы «поправить свое здоровье». Про-

фессор Суоми считает, что желание Кекконена спасти президента от суда нельзя рассматривать с точки зрения проявления к нему «симпатий либо близких личных отношений», поскольку иллюзии о Маннергейме развеялись у него еще до того.²⁰⁹

Отъезд Маннергейма за границу должен был состояться 3 ноября 1945 г. Но он едва не был отменен в связи с позицией, которую занял тогда находившийся в Хельсинки председатель Союзной контрольной комиссии А. А. Жданов, возглавлявший работу по наблюдению за выполнением Финляндией соглашения о перемирии. В тот момент, вспоминал Маннергейм, перед отъездом, вечером в канун дня отъезда «едва я успел лечь в постель и погасил свет, как в 12 часов кто-то постучал в дверь. Это был премьер-министр Паасикиви, который прибыл прямо от председателя контрольной комиссии А. Жданова. Тот часом раньше принял его у себя и сказал, что заметил в печати о намерении президента отправиться за границу. Однако президент является все же политическим лицом, которое не может выезжать из страны, не поставив в известность об этом русских, а никакой информации ни в контрольную комиссию, ни советскому правительству не было сделано вовсе, также и высшему российскому командованию». На возражение Паасикиви, сделанное Жданову, что не существует никаких юридических положений, которые могли бы воспрепятствовать отъезду президента, тот повторил свое заявление и добавил, что «поездка пойдет во вред Финляндии».²¹⁰

Тем не менее, через некоторое время Жданов вновь принял Паасикиви и, как отметил в мемуарах Маннергейм, «сразу объяснил, что согласно полученному из Москвы сообщению, отъезду президента ничто не препятствует».²¹¹ Очевидно, такая установка была дана Сталиным.

В назначенный день Маннергейм уехал из Финляндии и находился в Португалии до конца 1945 г., а 2-го января нового года возвратился в Хельсинки, через день после истечения срока, установленного для заведения дел на лиц, подлежащих привлечению

к суду за военные преступления. Судебный же процесс, начавшийся 15 ноября 1945 г., длился до 21 февраля 1946 г. На скамье подсудимых находилось 8 бывших государственных и политических деятелей, среди которых были Рюти и два премьер-министра: Рангель и Линкомиес. Ни один из высших военных руководителей к этому суду не привлекался ни за вовлечение Финляндии в войну, ни за другие свои действия в ходе ее.

Маннергейм, возвратившись в Финляндию, всего лишь в течение одного дня исполнял функции главы государства. 4 марта 1946 г. посчитав, что не может продолжать выполнение своих обязанностей и дальше, он направил правительству письмо с уведомлением об уходе с поста президента по состоянию здоровья. Исполнять обязанности президента стал премьер-министр Паасикиви.

До настоящего времени в центре внимания историков и публицистов остается предметом продолжающегося обсуждения сам факт того, как случилось, что Маннергейм не был привлечен к судебной ответственности наряду с Рюти и другими бывшими государственными деятелями Финляндии по делу о главных виновниках войны. Прежде всего, аналитиков интересует позиция, которую заняло советское руководство, считая, что все зависело от решения Сталиным этого вопроса. В частности, в Финляндии у многих историков сложилось именно такое представление. Профессор Маннинен пишет: «Ясно, что Сталин не хотел привлечения Маннергейма к суду. Причины не известны».²¹²

Допуская указанный подход Сталина, надо иметь в виду все же, что в Советском Союзе сложилось устойчивое мнение в годы войны относительно Маннергейма. Оно совпадало с тем, как квалифицировал это председатель финского суда Петяус, прямо назвавший его «военным преступником № 1а». Из достоверных устных источников имеются сведения о том, что Жданов обратился к руководителю коммунистов Карелии Г. Н. Куприянову, чтобы выяснить его позицию в связи с привлечением к суду главных финских виновников войны. Г. Куприянов ответил на это,

А. А. Жданов и Ю. К. Паасикиви

*К. Г. Маннергейм возвращается
в Хельсинки из Португалии 2 января 1946 г.
Среди встречавших его Ю. Паасикиви и К. Энкель*

что виновником войны № 1 является Маннергейм, а суд над ним и другими лицами должен состояться в Петрозаводске. Именно тогда Жданов заметил, что Сталин не придерживается такой позиции.²¹³

Нет, однако, документальных подтверждений об отрицательном отношении Сталина к привлечению Маннергейма к суду и тем более, как правильно заметил Маннинен, не известно какие, возможно, причины могли быть побудительными к тому. Однако заместитель председателя Союзной контрольной комиссии генерал-лейтенант Г. М. Савоненков официально, по поручению советского правительства, заявил 27 января 1946 г. о позиции Москвы относительно президента Финляндии. В этом заявлении, сделанном в Хельсинки, было сказано, что, признавая заслуги Маннергейма в достижении мира, СССР не станет ни коим образом связывать имя маршала Финляндии с ведением судебного процесса. При этом такая позиция не увязывалась с тем, будет ли он президентом или нет, уйдя в отставку.²¹⁴ Содержание указанного заявления Г. Савоненков лично довел до сведения Маннергейма, который был в это время болен.

По данным известного и весьма осведомленного российского журналиста, аккредитованного в Финляндии, Р. М. Хилтунена, при встрече Савоненкова с Маннергеймом ему были переданы именно «слова Сталина о том, что у СССР нет намерения, привлечь маршала к суду».²¹⁵ При этом ссылки делались на Стефана Смирнова, который был переводчиком в Союзной контрольной комиссии в 1944–1947 гг. Он якобы получил такие сведения во время визита Савоненкова к Маннергейму.

Позднее в публикации «Почему Сталин не судил Маннергейма?» Р. Хилтунен, опираясь на сведения, поступившие от другого бывшего переводчика Союзной контрольной комиссии И. А. Петрова и опубликованные осенью 2000 г. журналом «Суомен Кувалехти», сообщает российским читателям новую версию. Из нее следует, что Маннергейм получил сведения о том, что его не привлекут к суду еще в канун отъезда в

Португалию. Согласно этим данным, И. Петров сопровождал для встречи с Маннергеймом специального «посланца Сталина» – полковника Рассальникова, который и сообщил маршалу, что его «не привлекут к суду над военными преступниками, и он может свободно уехать за границу».²¹⁶ Из этой версии следовало, что Жданов именно тогда узнал о поступивших сведениях «из Кремля».

Характерно, что в российской печати в ряде публикаций биографы Маннергейма без всяких оговорок указанные версии излагают уже как абсолютно достоверные. При этом авторы стараются подвести читателя к выводу, что даже сам Сталин не признал за маршалом ничего такого, что можно было бы рассматривать как военные преступления. Такое представление создается уже продолжительное время без документальной основы.

Но сторонникам насаждения мифологии и этого кажется мало – стали изыскиваться новые формы увековечения мнимых благодеяний маршала.

Внедрение апологии

Могли бы защитники Ленинграда предположить, что спустя более полувека, в их городе будет инициировано открытие памятника, а также мемориального музея Маннергейма, и станет действовать гостиница с претенциозным названием в его честь – «Маршал»? Также, мог ли представить коренной житель страдавшего в период оккупации Петрозаводска, что историки Петрозаводского университета откроют выставку хвалебного содержания, посвященную тому, кто осуществлял руководство установлением в городе жестокого режима с концентрационными лагерями и санкционировал дать республиканской столице новое название «Янислинна»?

Теперь, к сожалению, все это происходит. В самой же Финляндии к 300-летию города на Неве изготовлена особая монета с изображением на ней с одной стороны собора Петропавловской кре-

пости (эмблемы Санкт-Петербурга), а с другой – маршала Маннергейма. Выпущено 35 тыс. таких монет с уведомлением, что 92,5% их состава – серебро. К чему бы это? Ведь защитники Ленинграда помнят непосредственную роль Маннергейма в период битвы за город и 900-дневной его блокады в годы Второй мировой войны и вряд ли готовы «оценить» такие памятные «серебрянники».

Характерен и настрой, создаваемый отдельными известными печатными изданиями. Так, в частности, «Российская газета» вполне серьезно заявляла устами одного литератора, что Маннергейм сыграл значительно большую роль для Финляндии, чем Наполеон, Суворов и Кутузов для своих стран. В той же газете, к удивлению, утверждается, что в Ленинградской операции в 1941–1944 гг. финские войска не участвовали, то есть и не блокировали город совместно с немецкими войсками.²¹⁷ Вообще в некоторых российских изданиях, не проявляющих заботы о достоверности, с готовностью воспринимают миф, бытующий в финской исторической литературе о том, будто бы Ленинград устоял потому, что Маннергейм не отдал приказа о наступлении на город с севера.

Но весьма положительно, что в противовес таким утверждениям решительно выступают другие периодические печатные издания Москвы, Санкт-Петербурга, Петрозаводска.²¹⁸ В этом отношении можно сослаться на статью А. Ерофеева, опубликованную в «Парламентской газете» под заглавием «Пал миф о Маннергейме – «спасителе Ленинграда».²¹⁹

Масштабы неумеренного восхваления личности Маннергейма в биографиях и иных публикациях о нем уже неоднократно отмечались. Так, упоминавшийся прежде известный эстонский историк Х. Вайну писал: «Вышедшие во время жизни Маннергейма и непосредственно после его смерти эти книги носят апологетический характер и, как правило, неудовлетворительно документированы». К числу работ, изданных в Финляндии в апологетическом духе, Вайну справедливо относит и восьмитомную биографию маршала, написанную Ягершельдом

СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ ЭКСПОРТЕР

ВЕСТНИК РОССИЙСКО-ФИНСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

Специальный выпуск к 300-летию Санкт-Петербурга

Военному деятелю Финляндии и России

В этом юбилейном выпуске «Экспортера» посвящается почти 80 летнему героическому гавенителю. Это будет посвящение в первую очередь в честь выдающегося военачальника, чья жизнь и деятельность были тесно связаны с историей города на Неве. Санкт-Петербургу в период его расцвета принадлежали Финляндия, Эстония, Норвегия, многие другие страны Балтийского моря. Нося свой великий талант и общественные таланты, К. Г. Маннергейм оставил след в истории нашего города и в истории нашей страны.

Среди его великих заслуг — успехи в Англиканской войне на территории Финляндии, успехи в период борьбы за независимость этого государства. Это время принесло стране глубокие перемены и в разные годы завоевало империализму людей России — Полью, Литвой, Эстонией, Финляндией, Исландией. Сменил Тихомиров, командир М. Штурманов. Были на нем великие победы в войне за независимость Финляндии. Был в числе выигравших русских и финнов. Воевал Маннергейм, получивший за свои заслуги высшее военное звание — генерал. Маннергейм, русский К. Маннергейм основан в 1889 году, после чего много лет послужил служению России.

К. Г. Маннергейм — участник в армейском театре К. Г. Маннергейм проявил себя в армейском руководстве в Финляндии и в России.

История отмечает особую роль в жизни К. Г. Маннергейма столицей Петербурга, где проявил его талант, командирские и организаторские таланты. Петербург образовал его воле, несгибаемость, волевым и научным опытом, организаторскую культуру и военный талант. В городе на Неве Маннергейм решил образ мышления и стиль поведения волевым, общественным и государственными деятелем. Столицей в Петербурге контакты с международными силами, властью и дружбой с представителями ведущих держав мира.

Война была полным Маннергеймом и закончилась его смертью в Петербурге

Крупнейшие военные историки. До начала войны полковник Маннергейм перешел в армию, участвовал в войне с Карелией, перешел в армию Финляндии, командовал войсками в СФРС. Знал все, что год его командования армия достигла расцвета, но в начале войны Маннергейм стал руководить войсками на территории Финляндии. Маннергейм стал руководить войсками на территории Финляндии. Маннергейм стал руководить войсками на территории Финляндии.

Маннергейм руководил войсками на территории Финляндии. Маннергейм руководил войсками на территории Финляндии. Маннергейм руководил войсками на территории Финляндии. Маннергейм руководил войсками на территории Финляндии. Маннергейм руководил войсками на территории Финляндии.

Маннергейм руководил войсками на территории Финляндии. Маннергейм руководил войсками на территории Финляндии. Маннергейм руководил войсками на территории Финляндии. Маннергейм руководил войсками на территории Финляндии. Маннергейм руководил войсками на территории Финляндии.

Маннергейм руководил войсками на территории Финляндии. Маннергейм руководил войсками на территории Финляндии. Маннергейм руководил войсками на территории Финляндии. Маннергейм руководил войсками на территории Финляндии. Маннергейм руководил войсками на территории Финляндии.

Суomen ja Venäjän sotahenkilölle

Решая отметить заслуги Маннергейма, мы хотим отметить его роль в истории нашего города. Маннергейм был одним из величайших военачальников своего времени. Его жизнь и деятельность были тесно связаны с историей нашего города и с историей нашей страны.

Маннергейм руководил войсками на территории Финляндии. Маннергейм руководил войсками на территории Финляндии. Маннергейм руководил войсками на территории Финляндии. Маннергейм руководил войсками на территории Финляндии. Маннергейм руководил войсками на территории Финляндии.

Маннергейм руководил войсками на территории Финляндии. Маннергейм руководил войсками на территории Финляндии. Маннергейм руководил войсками на территории Финляндии. Маннергейм руководил войсками на территории Финляндии. Маннергейм руководил войсками на территории Финляндии.

Маннергейм руководил войсками на территории Финляндии. Маннергейм руководил войсками на территории Финляндии. Маннергейм руководил войсками на территории Финляндии. Маннергейм руководил войсками на территории Финляндии. Маннергейм руководил войсками на территории Финляндии.

Маннергейм руководил войсками на территории Финляндии

Маннергейм руководил войсками на территории Финляндии. Маннергейм руководил войсками на территории Финляндии. Маннергейм руководил войсками на территории Финляндии. Маннергейм руководил войсками на территории Финляндии. Маннергейм руководил войсками на территории Финляндии.

Маннергейм руководил войсками на территории Финляндии. Маннергейм руководил войсками на территории Финляндии. Маннергейм руководил войсками на территории Финляндии. Маннергейм руководил войсками на территории Финляндии. Маннергейм руководил войсками на территории Финляндии.

Маннергейм руководил войсками на территории Финляндии. Маннергейм руководил войсками на территории Финляндии. Маннергейм руководил войсками на территории Финляндии. Маннергейм руководил войсками на территории Финляндии. Маннергейм руководил войсками на территории Финляндии.

Маннергейм руководил войсками на территории Финляндии. Маннергейм руководил войсками на территории Финляндии. Маннергейм руководил войсками на территории Финляндии. Маннергейм руководил войсками на территории Финляндии. Маннергейм руководил войсками на территории Финляндии.

Вестник «Северо-Западный Экспортер»
о готовящемся открытии
памятника К. Г. Маннергейму в Санкт-Петербурге

RAHAPAJA
MONETA
 PL 770, 00101 HELSINKI

Aala: Ilmoitus merkintäoikeudesta	Ehdot: Tilaukset hyväksytään saapumisjärjestyksessä	Toimitusajankohta: Lokakuu 2003 (toimitusta ei voida taata kaikille)

RAHAPAJA OY

RAHAPAJA
MONETA

Uusi virallinen juhlaraha

MARSALKKA MANNERHEIM

Valtiovarainministeriö on päättänyt julkaista virallisen juhlarahan Suomen marsalkka Mannerheimin kunniaksi. Hopeinen juhlaraha on samalla kunnianosoitus 300-vuotisjuhliaan viettävälle Pietarin kaupungille. Anneli Sipiläisen suunnitteleman juhlarahan luo Rahapaja Oy. Uuden hopearahan enimmäislyöntimäärä on rajoitettu 35 000 kappaleeseen.

*Сообщение о выпуске в Финляндии
 монеты 10 евро «Маршал Маннергейм»
 к 300-летию Санкт-Петербурга*

и являющуюся наиболее полным повествованием такого рода.²²⁰

Тенденция превозношения личности Маннергейма в российской литературе и печати стала явно наблюдаться с конца 1980-х гг. минувшего столетия. По своему содержанию апологетический характер написанного относился главным образом к жизни и деятельности маршала в период до подготовки к вступлению Финляндии в 1941 г. во Вторую мировую войну и в ходе ее. Притом многие из авторов, не являясь профессиональными историками, с большой эмоциональностью выражают свои симпатии Маннергейму, пытаются опровергать негативную оценку, существовавшую в прошлом в советской литературе и печати, а также новые современные объективные сведения о нем, противоречащие их толкованиям. Сложнее, однако, пришлось давать положительную характеристику действиям маршала в 1941–1944 гг. в период, когда Финляндия вела агрессивную войну на стороне Германии. Сама же тенденция обелить Маннергейма, затушевать негативные действия финского главнокомандующего, ставит такого рода авторов, выступавших в роли его биографов, в положение фальсификаторов.

Личность Маннергейма при исследовательском подходе в оценке его деятельности настоятельно требует серьезного анализа конкретных его действий. Нарочито непомерное восхваление Маннергейма переходит всякие границы, что, прежде всего, заметно в публицистике, где авторы, обнаруживая слабое знакомство с документальными источниками, особенно грешат в изложении истины, создают о нем ошибочные представления.

Реалистичный исторический подход вызывает необходимость решительного противодействия апологии личности, поскольку исходит из стремления дать взвешенную, объективную оценку тем, кто сыграл в истории определенную роль. Историческая наука призвана противостоять всяческому приукраши-

ваниям отдельных деятелей, а также приписыванию им того, что не соответствовало действительности.

В годы минувшей войны Маннергейм предстает перед нами как человек многоликий. Он, несомненно, сыграл в истории Финляндии значительную роль, как искусный военачальник, осторожный и гибкий политик определенной социальной направленности, тонкий дипломат. Но попытки сделать из него мифологическую личность, представить чуть ли не «спасителем Ленинграда», а также «добрым другом – освободителем Карелии» являются бесполезным делом. Камуфляж такого рода не выдержит испытания временем. В конечном счете, история ставит все на свое место. Явно назрела необходимость ускорить этот процесс, освободив портрет маршала Финляндии от ретуши, искажающей реальное представление о нем.

В первой половине 1990-х гг. минувшего века исследователь в области внешней политики Ярмо Вирмавирта, излагая биографию Маннергейма, писал, что «его жизненный путь полон парадоксов». По мнению этого автора, высказанному по данному поводу, «потребность изучения жизненного пути Маннергейма сейчас бóльшая, чем когда-либо в послевоенный период».²²¹ Надеюсь, что предлагаемый читателю исторический очерк о маршале Маннергейме, является своеобразным ответом на такое пожелание разобраться в человеке, жизненный путь которого был «полон парадоксов».

ПРИМЕЧАНИЯ

К читателю и оппонентам

- ¹ Шапошников Б. М. Воспоминания. Военно-научные труды. М., 1974, с. 244.
- ² Рянжин В. Маршал Финляндии Маннергейм // Вестник ветерана, 2002, № 2, с. 10; Friman P. Lisätietoja Suomen marsalkasta // Helsingin Sanomat. Viikkoliite Nyt, 24.10–30.10.1997.
- ³ Вайну Х. Многоликий Маннергейм // Новая и новейшая история, 1997, № 5, с. 141.
- ⁴ Jägerskiöld S. Suomen marsalkka Gustaf Mannerheim 1941–1944. Hels., 1981.
- ⁵ Мери В. Карл Густав Маннергейм – маршал Финляндии. М., 1997.
- ⁶ Sota-arkisto (SA). Kommento-osasto, N 28/kom.2/12 sal. 6.1.1944.
- ⁷ Tervasmäki V. Mannerheim – valtiomies ja sotapäällikkö talvi- ja jatkosotien käännekohtassa. Hels., 1987, s. 80.
- ⁸ Mannerheim G. Muistelmat. Os. II. Hels., 1952; Маннергейм К. Г. Мемуары. М., 1999.
- ⁹ Lundin C. L. Finland in the Second World War. Broomington, 1957, p. 97.

I. В мировую войну

- ¹⁰ Jokipii M. Jatkosodan synty. Hels., 1987 (перевод на русский язык: Йокипии М. Финляндия на пути к войне. Исследование о военном сотрудничестве Германии и Финляндии в 1940–1941 гг. Петрозаводск, 1999); Барышников В. Н. Вступление Финляндии во Вторую мировую войну 1940–1941. СПб., 2003.
- ¹¹ Manninen O. Suomi toisessa maailmansodassa. // Suomen historia. 7. Espoo, 1988, s. 414.
- ¹² Мери В. Указ. соч., с. 146.
- ¹³ Jägerskiöld S. Mannerheim rauhan vuosina 1920–1939. Hels.-Keuruu, 1979, s. 253.
- ¹⁴ Ibid., s. 254; Selén K. C. G. Mannerheim ja hänen puolustusneuvostonsa 1931–1939. Hels., 1980, s. 148.
- ¹⁵ Цит. по: Барышников В. Н. От прохладного мира к Зимней войне. Восточная политика Финляндии в 1930-е годы. СПб., 1997, с. 129.

- ¹⁶ Jägerskiöld S. Mannerheim rauhan vuosina 1920–1939, s. 254.
- ¹⁷ Selén K. Op. cit., s. 148.
- ¹⁸ Documents on German Foreign Policy. Ser D. VI. London–Washington, 1954, p. 425; Ulkoasiainministeriön arkisto (UM) 5 C 5. Berliinin-lähetystön raportit, 26.3.1938; Wuorimaa A. Lähettiläänä Hitlerin Saksassa. Keuruu, 1967, s. 80.
- ¹⁹ Цит. по: Барышников В. Н. Эволюция во взглядах Советского Союза на финляндско-германские связи в 1920–1930-е гг. // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Сер. 2. Вып. 1 (№ 2). СПб., 2001, с. 197.
- ²⁰ Hartikainen P. Hugo Österman. Sotaväen päällikkö – rakentaja ja puolustaja. Hels.-Tampere, 2001, s. 197.
- ²¹ Родина, 1995, № 12, с. 39 (Дискуссия в редакции журнала).
- ²² Suomi J. Talvisodan tausta. Neuvostoliitto Suomen ulkopoliitikassa 1937–1939. Hels., 1973, s. 140.
- ²³ Jägerskiöld S. Mannerheim rauhan vuosina 1920–1939, s. 254.
- ²⁴ Documents on German Foreign Policy. Ser D. V. London–Washington, 1953, p. 537.
- ²⁵ Suomi J. Op. cit., s. 141.
- ²⁶ Menger M. Deutschland und Finnland im zweiten Weltkrieg. Berlin, 1988, s. 32.
- ²⁷ Wuorimaa A. Op. cit., s. 118–119.
- ²⁸ Kivimäki T. M. Suomalaisen politiikan muistelmat. Porvoo-Hels., 1965, s. 127–128; Peltovuori R. O. Saksa ja Suomen talvisota. Hels., 1975, s. 110; Menger M. Op. cit., s. 66–67.
- ²⁹ Mannerheim G. Op. cit., s. 289.
- ³⁰ Sotasyyllisyysoikeudenkäynnin asiakirjoja. 1. Hels., 1945, s. 19.
- ³¹ Jokipii M. Op. cit., s. 117.
- ³² Барышников В. Н. Вступление Финляндии во вторую мировую войну 1940–1941, с. 132. СПб., 2003.
- ³³ Мери В. Указ. соч., с. 158.
- ³⁴ Jalanti H. Suomi puristuksessa 1940–1941. Hels.-Lahti, 1966, s. 150.
- ³⁵ Talvela P. Sotilaan elämä. Muistelmat. Osa I. Jyväskylä, 1976, s. 150.
- ³⁶ Terä V. M. Tienhaarassa. Syksyn 1940 tapahtumat Barbarossa-suunnitelman tausta vasten. Hels.-Keuruu, 1962, s. 162.
- ³⁷ Jokipii M. Op. cit., s. 116.

- ³⁸ См. об этом подробнее: Барышников В. Н. Германно-финляндское военное сотрудничество во второй половине 1940 г. (к вопросу о значении тайных миссий П. Талвела в Берлин) // Скандинавские чтения 2000 г. СПб., 2002, с. 500–505.
- ³⁹ Talvela P. Op. cit., s. 247.
- ⁴⁰ Гальдер Ф. Военный дневник. Т. 2. М., 1969, с. 306.
- ⁴¹ Talvela P. Op. cit., s. 258, 262.
- ⁴² Ibid., s. 267.
- ⁴³ Manninen O. Suur-Suomen ääriäivät. Kysymys tulevaisuudesta ja turvallisuudesta Suomen Saksan-politiikassa. 1941. Hels., 1980, s. 33. Профессор О. Маннинен ссылается в данном случае на карту «наши возможности нападения», хранящуюся в Военном архиве Финляндии (SA, N 21621/3).
- ⁴⁴ Talvela P. Op. cit., s. 267.
- ⁴⁵ Reima M. Puun ja kuoren välissä. Hels.-Keuruu, 1979, s. 245.
- ⁴⁶ Гальдер Ф. Указ. соч., с. 343; Jokipii M. Op. cit., s. 159.
- ⁴⁷ Jokipii M. Op. cit., s. 179; Seppälä H. Suomi hyökkääjänä 1941. Porvoo-Hels.-Juva, 1984, s. 70.
- ⁴⁸ UM. 12 L Sähkösanoma Berliinistä Helsinkiin, 24.6.1941.
- ⁴⁹ Talvela P. Op. cit., s. 269.
- ⁵⁰ Mezger H. Poliittiset aseveljet. Hels., 1986, s. 24, 26.
- ⁵¹ Rusi A. Lehdistösensuuri jatkosodassa. Kokemäki, 1982, s. 133.
- ⁵² Halsti W. Suomen sota 1939–1945. II. Kesäsota 1941. Keuruu, 1956, s. 72.
- ⁵³ Seppälä H. Taistelu Leningradista ja Suomi. Porvoo-Hels., 1969, s. 136–137.
- ⁵⁴ Seppälä H. Leningradin saarto 1941–1944. Murhenäytelmän sävyttämä voitto. Hels.-Pietari, 2003, s. 32.

II. По плану «Барбаросса»

- ⁵⁵ См.: Барышников Н. И. Характерные черты современной финской историографии войны 1941–1944 годов. // Правда и вымыслы о войне: проблемы историографии Великой Отечественной войны 1941–1945 годов. СПб–Пушкин, 1997; Барышников Н. И. О мнимой агрессии СССР против Финляндии 25 июня 1941 г. // Великая Отечественная война: правда и вымысел. СПб, 2000; Барышников Н. И. Блокада Ленинграда и Финляндия 1941–1944. СПб.–Хельсинки, 2002.

- ⁵⁶ Puhtain ase. Suomen marsalkan päiväkäskyjä vuosilta 1918–1944. Helsingi, 1970, s. 116. По обе стороны Карельского фронта 1941–1944. Документы и материалы. Петрозаводск, 1995, с. 60.
- ⁵⁷ Puhtain ase. Suomen marsalkan päiväkäskyjä vuosilta 1918–1944, s. 120; По обе стороны Карельского фронта 1941–1944, с. 60.
- ⁵⁸ Tervasmäki V. Op. cit., s. 81.
- ⁵⁹ Manninen O. Suur-Suomen ääriviivat. Kysymys tulevaisuudesta ja turvallisuudesta Suomen Saksan-politiikassa. 1941, s. 162.
- ⁶⁰ Mikola K. J. Kenraali vaikuttajana takana ja komentajana edessä // Historiallinen Aikakauskirja, 1977, N 1, s. 65.
- ⁶¹ Tuompo W. E. Päiväkirjani päämajasta 1941–1944. Porvoo-Helsingi, 1969, s. 53.
- ⁶² Центральный архив Министерства обороны (ЦАМО). Ф. 148а, оп. 3763, д. 110, л. 6. Директива Ставки ВГК № 001029 Военному совету Северо-Западного направления.
- ⁶³ Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 2, М., 1976, с. 5.
- ⁶⁴ Palm T. Moskova, 1944. Jyväskylä, 1973, s. 21.
- ⁶⁵ Tuompo W. E. Op. cit., s. 56.
- ⁶⁶ Цит. по: Rusi A. Op. cit., s. 133.
- ⁶⁷ Polvinen T. Barbarossasta Teheraniin. Porvoo-Helsingi-Juva, 1979, s. 35; Seppälä H. Taistelu Leningradista ja Suomi, s. 148.
- ⁶⁸ Polvinen T. Op. cit., s. 25.
- ⁶⁹ Tuompo W. E. Op. cit., s. 59, 61.
- ⁷⁰ Цит. по: Kansan Tahto, 1977, 10.11.
- ⁷¹ Uusi Suomi, 1941, 11.9.
- ⁷² Kulomaa J. Rintamakarkuruus jatkosodan hyökkäysvaiheissa v. 1941 // Historiallinen Aikakauskirja, 1979, N 4, s. 65.
- ⁷³ Lehmus K. Tuntematon Mannerheim. Helsingi, 1967, s. 65.
- ⁷⁴ См.: Tuompo W. E. Op. cit., s. 56–72.
- ⁷⁵ Manninen O. Suur-Suomen ääriviivat. Kysymys tulevaisuudesta ja turvallisuudesta Suomen Saksan politiikassa. 1941, s. 198–203; SA. Kannaksen ryhmän esikunta, operatiivinen osasto, N 748/vol., ups./201/sal.
- ⁷⁶ Manninen O. Suur-Suomen ääriviivat. Kysymys tulevaisuudesta ja turvallisuudesta Suomen Saksan-politiikassa. 1941, s. 312.

- ⁷⁷ Jägerskiöld S. Suomen marsalkka Gustaf Mannerheim 1941–1944, s. 200.
- ⁷⁸ Seppälä H. Suomi hyökkääjänä 1941, s. 180.
- ⁷⁹ Mannerheim G. Op. cit., s. 324.
- ⁸⁰ Юссила О., Хентила С., Невакиви Ю. Политическая история Финляндии. 1808–1995. М., 1998, с. 206.
- ⁸¹ Ziemke E. F. The German Northern Theater of Operations 1940–1945. Washington, 1960, p. 201.
- ⁸² Sotilasaikakauslehti, 1975, N 5, s. 319–321.
- ⁸³ Viitala H. M. Rauhanoppositio. Pori, 1969; Kulomaa J. Op. cit., s. 315.
- ⁸⁴ Polvinen T. Op. cit., s. 25.
- ⁸⁵ UM. 12 L. Puhelinsanoma pääesikunnasta, 4.9.1941 UM:lle.
- ⁸⁶ Цит. по: Rusi A. Op. cit., s. 105.
- ⁸⁷ Polvinen T. Op. cit., s. 116.
- ⁸⁸ См.: Блокада рассекреченная. СПб., 1995, с. 150. Выступление О. Маннинена на международной научной конференции историков в Санкт-Петербурге.
- ⁸⁹ Seppälä H. Suomi hyökkääjänä 1941, s. 180.
- ⁹⁰ Polvinen T. Op. cit., s. 38.
- ⁹¹ Mannerheim G. Op. cit., s. 364.
- ⁹² Ibid., s. 336.
- ⁹³ Ibid., s. 337.
- ⁹⁴ Sotasyyllisyysoikeudenkäynnin asiakirjoja, s. 19.
- ⁹⁵ Seppälä H. Suomi hyökkääjänä 1941, s. 198.
- ⁹⁶ См. подробнее: Барышников Н. И. Блокада Ленинграда и Финляндия. СПб.–Хельсинки, 2002, с. 159.
- ⁹⁷ Manninen O. Suur-Suomen ääriäivät. Kysymys tulevaisuudesta ja turvallisuudesta Suomen Saksan-politiikassa. 1941, s. 259.
- ⁹⁸ UM. 12 L. Suomen hallituksen vastaus Yhdysvaltain hallitukselle, 11.11.1941.
- ⁹⁹ Mannerheim G. Op. cit., s. 369.
- ¹⁰⁰ Polvinen T. Op. cit., s. 25.
- ¹⁰¹ Seppälä H. Suomi hyökkääjänä 1941, s. 200.
- ¹⁰² Ibid., s. 204.
- ¹⁰³ Ibid., s. 226.
- ¹⁰⁴ Vehviläinen O. Odotuksen vuosi 1941 // Kansakunta sodassa. 2. Hels., 1990, s. 14.

III. В атмосфере ожидания

- ¹⁰⁵ Tuompo W. E. Op. cit., s. 103; Mannerheim G. Op. cit., s. 376.
- ¹⁰⁶ Lehmus K. Op. cit., s. 227.
- ¹⁰⁷ Mannerheim G. Op. cit., s. 377.
- ¹⁰⁸ SA. PK 1172/15. Henrichsin muistiinpanoja Saksan matkoilta 1941. Последующее цитирование этого документа и ссылки на него.
- ¹⁰⁹ Tervasmäki V. Op. cit., s. 100; Jägerskiöld S. Suomen marsalkka Gustaf Mannerheim 1941–1944, s. 318.
- ¹¹⁰ Tervasmäki V. Op. cit., s. 100; Jägerskiöld S. Suomen marsalkka Gustaf Mannerheim 1941–1944, s. 243.
- ¹¹¹ Tervasmäki V. Op. cit., s. 100.
- ¹¹² Mannerheim G. Op. cit., s. 377–378.
- ¹¹³ Ibid., s. 380–381.
- ¹¹⁴ Hölter H. Armee in der Arktis. Bad Nauheim, 1953, S. 18.
- ¹¹⁵ Войонмаа В. Дипломатическая почта. М., 1984, с. 76.
- ¹¹⁶ Там же, с. 161.
- ¹¹⁷ История Второй мировой войны 1939–1945. Т. 5. М., 1975, с. 119.
- ¹¹⁸ Из застольных бесед в ставке Гитлера // Новая и новейшая история, 1992, № 4, с. 178.
- ¹¹⁹ Mannerheim G. Op. cit., s. 402.
- ¹²⁰ Ibid., s. 407.
- ¹²¹ Ibidem.
- ¹²² Lehmus K. Op. cit., s. 89.
- ¹²³ Mannerheim G. Op. cit., s. 408, 409.
- ¹²⁴ Lehmus K. Op. cit., s. 101.
- ¹²⁵ Вайну Х. Указ. соч., с. 162.
- ¹²⁶ Jägerskiöld S. Suomen marsalkka Gustaf Mannerheim 1941–1944, s. 322.
- ¹²⁷ Tuompo W. E. Op. cit., s. 149.
- ¹²⁸ Ibid., s. 155.
- ¹²⁹ Ibidem.
- ¹³⁰ Jägerskiöld S. Suomen marsalkka Gustaf Mannerheim 1941–1944, s. 325.
- ¹³¹ Mannerheim G. Op. cit., s. 412.
- ¹³² Цит. по: Jägerskiöld S. Suomen marsalkka Gustaf Mannerheim 1941–1944, s. 325.
- ¹³³ Mannerheim G. Op. cit., s. 413.

- ¹³⁴ SA. Kannaksen ryhmän esikunta, operatiivinen osasto, N 748/vol., ups./201с. /sal., 24.5.1942.
- ¹³⁵ Erfurth W. Murmannin radan ongelma. Porvoo, 1952, s. 51–52.
- ¹³⁶ Ibid., s. 53–54; Polvinen T. Op. cit., s. 137.
- ¹³⁷ Erfurth W. Op. cit., s. 55–56; Polvinen T. Op. cit., s. 137.
- ¹³⁸ Вайну Х. Указ. соч., с. 97.
- ¹³⁹ Манштейн Э. Утерянные победы. М., 1957, с. 266, 267.
- ¹⁴⁰ Erfurth W. Op. cit., s. 57–58.
- ¹⁴¹ Polvinen T. Op. cit., s. 141.
- ¹⁴² Tuompo W. E. Op. cit., s. 162.
- ¹⁴³ Ibid., s. 170.
- ¹⁴⁴ Mannerheim G. Op. cit., s. 415.
- ¹⁴⁵ Ibid., s. 416.
- ¹⁴⁶ Ibid., s. 415.
- ¹⁴⁷ Ibid., s. 416.
- ¹⁴⁸ Ibid., s. 419.
- ¹⁴⁹ Linkomies E. Vaikea aika. Hels., 1970, s. 219.
- ¹⁵⁰ Tanner V. Suomen tie rauhaan 1943–1944. Hels., 1952, s. 66.
- ¹⁵¹ См. подробнее: Барышников Н. И. 1) Выход Финляндии из Второй мировой войны // Труды VIII советско-финляндского симпозиума историков. Петрозаводск 21–23 октября 1981 г. Л., 1985; 2) Блокада Ленинграда и Финляндия 1941–1944, СПб.–Хельсинки, 2002, с. 225–251.
- ¹⁵² Linkomies E. Op. cit., s. 266.
- ¹⁵³ Mannerheim G. Op. cit., s. 430.
- ¹⁵⁴ Карельский фронт в Великой отечественной войне 1941–1945 гг. Военно-исторический очерк. М., 1984, с. 186.
- ¹⁵⁵ Jägerskiöld S. Suomen marsalkka Gustaf Mannerheim 1941–1944, s. 421.
- ¹⁵⁶ Mannerheim G. Op. cit., s. 431.
- ¹⁵⁷ Вайну Х. указ. соч., с. 162; Heinrichs E. Mannerheim Suomen kohtaloissa. II. Hels., 1959, s. 384; Tanner V. The Winter War. Stanford, 1957.
- ¹⁵⁸ Mannerheim G. Op. cit., s. 435.
- ¹⁵⁹ Seppälä H. Itsenäisen Suomen puolustuspolitiikka ja strategia. Porvoo, 1974, s. 247.
- ¹⁶⁰ J. K. Paasikiven päiväkirjat 1944–1956. Os. 1–2. Juva, 1985, s. 29–30.

- ¹⁶¹ Tuompo W. E. Op. cit., s. 162.
- ¹⁶² Kansallisarkisto (KA). G. Mannerheimin kokoelma. Kansio 612. Потери финской армии за период с 9.6 по 31.7.1944 г.
- ¹⁶³ Lehmus K. Op. cit., s. 179, 180; Seppälä H. Taistelu Leningradista ja Suomi, s. 273.
- ¹⁶⁴ Mannerheim G. Op. cit., s. 449.
- ¹⁶⁵ Ibid., s. 449–450.
- ¹⁶⁶ Ibid., s. 470; Барышников В. Н. Возникновение и характер деятельности «мирной оппозиции» в Финляндии в период 1943–1944 гг. // Скандинавский сборник. Т. XXIX, Таллинн, 1985, с. 66.
- ¹⁶⁷ Барышников В. Н. Возникновение и характер деятельности «мирной оппозиции» в Финляндии в период 1943–1944 гг., с. 66.
- ¹⁶⁸ Tervasmäki V. Mannerheim rauhantekijänä ja presidenttinä // Tiede ja Ase, 1983, N 41, s. 9, 24.
- ¹⁶⁹ Maakansa, 1961, 28.01; Linkomies E. Op. cit., s. 137, 180.
- ¹⁷⁰ Linkomies E. Op. cit., s. 137, 180.
- ¹⁷¹ J. K. Paasikiven päiväkirjat 1944–1956, s. 24–25.
- ¹⁷² Blücher W. Suomen kohtalonaikojä. Porvoo, 1950, s. 409.
- ¹⁷³ Mannerheim G. Op. cit., s. 472.
- ¹⁷⁴ Ibid., s. 475.
- ¹⁷⁵ Рендулич Л. Управление войсками. М., 1974, с. 199.
- ¹⁷⁶ Mannerheim G. Op. cit., s. 478.
- ¹⁷⁷ Койвисто М. Вехи пути. Взгляды на внешнюю политику Финляндии. М., 1987, с. 34.
- ¹⁷⁸ Naataja L. Jälleerakentava Suomi // Suomen historian pikkujättiläinen. Porvoo-Hels-Juva, 1995, s. 740.
- ¹⁷⁹ Mannerheim G. Op. cit., s. 506–507.

IV. О «гуманности»

- ¹⁸⁰ Мери В. Указ. соч., с. 163.
- ¹⁸¹ Заметим, что Элина Сана, обстоятельно исследовавшая проблему передачи из Финляндии нескольких тысяч людей германской службе «Гестапо» в 1941–1944 гг., не касается непосредственного участия К. Г. Маннергейма в этом (Sana E. Luovutetut. Suomen ihmislouvutukset Gestapolle. Hels., 2003).

- ¹⁸² KA. G. Mannerheimin kokoelma. Kansio 612. В лагерь № 1. Ответ маршала К. Г. Маннергейма 28.12.1942 (?).
- ¹⁸³ Пиэтола Э. Военнопленные в Финляндии 1941–1944 // Север, 1990, № 12, с. 92 (перевод из книги: Pietola E. Sotavangit Suomessa 1941–1944. Jyväskylä, 1987).
- ¹⁸⁴ Rintala P. Leningradin kohtalonsinfonia. Hels., 1968 (пер. на рус. яз.: Ринтала П. Ленинградская симфония судьбы. Рассказ о городе и о жителях города, осажденного в 1941–1943 гг. немецкими и финскими войсками // Север, 1970, № 1, 2); Seppälä H. Leningradin saarto 1941–1944. Murhenäytelmän sävyttämä voitto.
- ¹⁸⁵ Цит. по: Ринтала П. Указ. соч., № 1, с. 78–79.
- ¹⁸⁶ Там же, № 2, с. 58.
- ¹⁸⁷ Tuompo W. E. Op. cit., s. 121, 122.
- ¹⁸⁸ Talvela P. Sotilaan elämä. Muistelmat. Osa II. Jyväskylä, 1977, s. 137.
- ¹⁸⁹ Seppälä H. Leningradin saarto 1941–1944. Murhenäytelmän sävyttämä voitto, s. 143.
- ¹⁹⁰ Ковальчук В. М. Магистрали мужества. Коммуникации блокадного Ленинграда 1941–1943. СПб., 2001, с. 268–269.
- ¹⁹¹ Там же, с. 271.
- ¹⁹² Seppälä H. Leningradin saarto 1941–1944. Murhenäytelmän sävyttämä voitto, s. 145.
- ¹⁹³ См.: Тимонен Э. Мрачные годы // Север, 1998, № 5, с. 69–91.
- ¹⁹⁴ SA. РМ, Т 20101/1. Kirje N 132/kom. 2/41, 8.7.1941.
- ¹⁹⁵ Макуров В. Г. Карелия в годы Второй мировой войны (1939–1945) // История Карелии с древнейших времен до наших дней. Петрозаводск, 2001, с. 634.
- ¹⁹⁶ Laine A. Suur-Suomen kahdet kasvot. Itä-Karjalan siviiliväestön asema suomalaisessa miehityshallinnossa 1941–1944. Keuruu, 1982; Seppälä H. Suomi miehittäjänä 1941–1944. Hels., 1989.
- ¹⁹⁷ Морозов К. А. Карелия в годы Великой Отечественной войны. Петрозаводск, 1983, с. 79.
- ¹⁹⁸ Mannerheim G. Op. cit., s. 392–393, 396.
- ¹⁹⁹ Ibid., s. 397.
- ²⁰⁰ Tuompo W. E. Op. cit., s. 80, 141, 161, 165, 199, 210.
- ²⁰¹ Jägerskiöld S. Suomen marsalkka Gustaf Mannerheim 1941–1944, s. 299.
- ²⁰² Metsälampi E. Mannerheim määräsi Itä-Karjalan venäläiset keskitysleireihin // Tiedonantaja, 1989, 30.6.

Послесловие

- ²⁰³ Мери В. Указ. соч., с. 187.
- ²⁰⁴ В 1948 г. перед заключением советско-финляндского договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи Маннергейм уничтожил еще часть своего архива. Jägerskiöld S. Viimeiset vuodet. Mannerheim 1944–1951. Keuruu, 1982, s. 323, 339–344; Virkkunen S. Marsalkka ja presidentti. Hels., 1989, s. 498.
- ²⁰⁵ Маннинен О. Маршал Маннергейм и причины войны // Север, 192, № 11–12, с. 136.
- ²⁰⁶ Sotasyllisyysoikeudenkäynnin asiakirjoja. 1. Hels., 1945, s. 19.
- ²⁰⁷ J. K. Paasikiven päiväkirjat 1944–1956. Os. 2. Juva, 1985, Pvk 29.9.1945, s. 128.
- ²⁰⁸ Suomi J. Vonkamies Urho Kekkonen 1944–1950. Keuruu, 1988, s. 223.
- ²⁰⁹ Ibid., s. 226.
- ²¹⁰ Mannerheim G. Op. cit., s. 501.
- ²¹¹ Ibid., s. 502.
- ²¹² Маннинен О. Указ. соч., с. 137.
- ²¹³ Manninen T. Mannerheim oli Stalinin suojatti // Iltä-Sanomat, 1992, 3.4.
- ²¹⁴ Pikkujättiläinen. Hels., 1995, s. 777.
- ²¹⁵ Хилтунен Р. Почему Сталин не потребовал суда над Маннергеймом? // Санкт-Петербургские ведомости, 1996, 28.2.
- ²¹⁶ Хилтунен Р. Почему Сталин не судил Маннергейма? // Санкт-Петербургские ведомости, 2000, 15.12.
- ²¹⁷ См.: Георгиев Ф. Путинская линия Маннергейма // Советская Россия, 2001, 8.9.
- ²¹⁸ Ерофеев А. Пал миф о Маннергейме – «спасители Ленинграда» // Парламентская газета, 2003, 22.3; Нересов Ю. Мечта имперского чухонца // Спецназ России, 2003, № 5; Лисочкин И. Легенды и мифы современной историографии. «Война-продолжение» или просто «война»? // Санкт-Петербургские ведомости, 2003, 29.1; Тушин В. В плену военной пропаганды // Карелия, 2003, 6.2.
- ²¹⁹ Ерофеев А. Указ. соч.
- ²²⁰ Вайну Х. Указ. соч., с. 141.
- ²²¹ Вирмавирта Я. Карл Густав Эмиль Маннергейм // Вопросы истории, 1994, № 1, с. 56, 57.

ПРИЛОЖЕНИЯ

№ 1

Приказ главнокомандующего финской армией Г. Маннергейма о начале военных действий вместе с германской армией против СССР

Июнь 1941 г.

Солдаты Финляндии!

Наша славная Зимняя война закончилась тяжелым миром. Несмотря на заключение мира, наша страна являлась для врага объектом беззащитных угроз и постоянного шантажа, что вместе с преступным подстрекательством, направленным на подрыв нашего единства, показывает, что враг с самого начала не считал мир постоянным. Заключенный мир был лишь перемирием, которое теперь закончилось.

Вы знаете врага. Вам известны его постоянные цели, направленные на уничтожение наших жилищ, нашей веры и нашего Отечества и на порабощение нашего народа. Этот же враг и эта же угроза сейчас у наших границ. Без причины он нагло напал на наш мирный народ и подверг бомбардировке различные части страны. Будущее Отечества требует от Вас новых подвигов.

Призываю Вас на священную войну с врагом нашей нации. Павшие герои войны встают из могил и становятся рядом с нами сегодня, когда мы вместе с мощными военными силами Германии как братья по оружию с решительностью отправляемся в крестовый поход против врага, чтобы обеспечить Финляндии надежное будущее.

Соратники! Следуйте за мной еще последний раз – теперь, когда снова поднимается народ Карелии и для Финляндии наступает новый рассвет.

Маннергейм

*(Publaint aseim. Suomen marsalkan päiväkäskyjä vuosilta 1918–1944. Helsinki, 1970, s. 116;
По обе стороны Карельского фронта 1941–1944. Документы и материалы.
Петрозаводск, 1995, с. 60–61)*

Обращение маршала Маннергейма к населению Карелии в связи с установлением оккупационного режима на территории, занимаемой финскими войсками *

8 июля 1941г.

1. Население, находящееся на территории, занятой финскими войсками, должно беспрекословно выполнять все распоряжения финских военных властей. Всякое невыполнение данных распоряжений или действия, направленные в ущерб финской армии или же в помощь ее врагам, будут наказываться согласно финским военным законам.

2. Население занятых местностей обязано при требовании военных властей давать необходимые сведения о себе, о членах своей семьи и о месте жительства.

3. Оружие, огневые припасы, взрывчатые вещества и оставленное неприятелем военное снаряжение, находящееся в руках населения, должно быть немедленно сдано властям, или доведено о них до сведения последних.

4. Те, кто будут давать неприятелю сведения о финских войсках и соединениях и об их передвижении, а также обо всем, что может помочь неприятелю, равно как и те, кто будут добывать, или пытаться добывать подобные сведения, — будут наказаны, как шпионы. Также подлежат строгому наказанию те, кто будут скрывать у себя неприятельских солдат или помогать последним.

5. Лицо, находящееся на занятой финскими войсками территории, не принадлежащее к армии противника и не носящее военной формы, пытающееся с оружием в руках сопротивляться финским войскам или наносить им ущерб, будет рассматриваться, в случае задержания, не как военнопленный, а как преступник, заслуживающий высшей меры наказания.

6. Всякое уничтожение имущества, продовольствия, скота, сена, повреждение и поджог построек и леса, независимо от того,

* Обращение распространялось также и на карельском языке.

принадлежат ли последние государственной или частной собственности – строго воспрещается.

7. Население занятой территории обязано оставаться на своих местах и добросовестно заботиться об обработке полей и об уходе за своим скотом. Передвижение с одного места жительства на другое без разрешения военных властей – запрещено. В случае распоряжения военных властей о новом месте жительства, население обязано переселиться на указанное им место и оставаться на нем.

8. Жители занятых местностей, так же как и финские граждане, подлежат трудовой повинности. По распоряжению властей они обязаны выполнять сельскохозяйственные и полевые работы, на которые будут назначены, и данные им задания выполнять усердно и добросовестно.

9. Судебная власть на занятой территории принадлежит военно-полевым судам финской армии. Все преступления, совершенные жителями занятой территории, будут рассматриваться вышеуказанными судами, которые будут судить преступников по всей строгости финских военных законов.

Главнокомандующий финской армией
маршал Маннергейм

*(Ulkoasiainministeriön arkisto, 110 D 5;
По обе стороны Карельского фронта 1941–1944.
Документы и материалы, с. 68–69)*

Приказ маршала Г. Маннергейма с призывом к финским солдатам освободить земли карелов

10 июля 1941 г.

Во время освободительной войны 1918 г. я обещал карелам Финляндии и Беломорья, что не вложу меч в ножны до тех пор, пока Финляндия и Восточная Карелия не будут свободными. Я поклялся в этом от имени финской крестьянской армии, надеясь на мужество ее солдат и на самоотверженность женщин Финляндии.

Двадцать три года Беломорье и Олония ждали выполнения этого обещания. Опустевшая после доблестной зимней войны финская Карелия полтора года ждала нового рассвета.

Бойцы освободительной войны, славные участники зимней войны, храбрые мои солдаты! Новый день наступил. Карелия поднимается, в ваших рядах маршируют и ее батальоны. Свободная Карелия и Великая Финляндия озаряются перед нами в огромном водовороте всемирно-исторических событий. Да позволит финской армии провидение, направляющее судьбы народов, выполнить данное мною карельскому племени обещание.

Солдаты! Та земля, на которую вы вступаете, святая земля. Она пропитана кровью и страданиями нашего племени. Ваши победы освободят Карелию, ваши дела принесут Финляндии великое, счастливое будущее.

Маннергейм

(Puhtain asein. Suomen marsalkan päiväkäskyjä vuosilta 1918–1944, s. 120;

По обе стороны Карельского фронта 1941–1944.

Документы и материалы, с. 69–70)

**Приказ главного командования
финскими вооруженными силами
об управлении оккупированной территорией
восточной Карелии в военное время**

17 января 1942 г.

Секретно

Изменяя и дополняя ранее изданный приказ об управлении на территории Восточной Карелии (от 15.07.41), приказываю:

1. С 25.01.42 г. командиру Военного управления Восточной Карелии на завоеванной территории подчиняются: районы населенных пунктов Реболы, Поросозеро, Мунозеро, Сямозеро и Пряжа, район г. Петрозаводска, а также часть территории Олонецкого района, расположенная к северу от линии Устье Тулоксы—Тулокса—Сяндеба—точка соединения восточной границы Олонецкого района и южной границы бывшей советской республики Карелия.

2. Начальники Олонецкого и Масельгского округов подчиняются по части названных в п. 1 территорий командиру Военного управления Восточной Карелии, а по части других территорий по-прежнему подчиняются командирам соответствующих армий или армейских корпусов. Районные начальники, часть территории которых находится на подчиненной командиру ВУВК, а часть вне ее, по делам последних по-прежнему подчиняются командирам соответствующих армий или армейских корпусов.

3. Должностные лица, подчиненные командиру ВУВК, обязаны выполнять приказы командиров армий или армейских корпусов в особых случаях в целях сохранения общей организованности и безопасности или по другим причинам, необходимым для защиты страны.

4. На территориях, оставшихся в подчинении воинских соединений, хозяйственные и другие касающиеся гражданского населения задачи остаются в ведении ВУВК, как и до сих пор.

5. Этот приказ не отменяет тех приказов, которые были изданы начальником отдела снабжения Ставки, гл. интендантом и командирами соответствующих армий и армейских корпусов по вопросам перевозок, доставки продуктов и другого снабжения, а также использования на работе военнопленных.

6. Для судопроизводства, если дела не относятся к военно-полевым судам, командир ВУВК создает суд.

Главкомандующий Вооруженными Силами
маршал Маннергейм

Начальник генштаба генерал-лейтенант

Э. Ханель

Заверяю: И. о. начальника административного отдела
капитан П. Кекомьяки

*(Ulkoasiainministeriön arkisto, 110; По обе стороны Карельского фронта 1941–1944.
Документы и материалы, с. 183–184)*

Из воспоминаний бывших советских узников финских концлагерей

1941–1944 гг.

Т. И. Попова (Минина):

До войны мы жили в Кижях в деревне Подбельники. Отца на фронт не взяли – ему уже 60 лет было. Однажды в ноябре к нам в дом пришли партизаны, один был нашим родственником, а другой – его товарищ. Отец дал им еды с собой и лыжи. На лыжах они и ушли в лес. Видеть их никто не мог, кроме двух женщин, матери с дочкой, живших неподалеку. Они оказались предательницами, сообщили об этом финнам, которые были в Сенной Губе. К нам пришел целый отряд, вывели всю семью – маму, папу и нас, четверых детей – на улицу и хотели расстрелять. Кое-как через переводчика удалось отказаться от связи с партизанами, да и следов никаких не нашли: их завалил снег. Поэтому нас не расстреляли, но отправили в Петрозаводск, на Перевалку, в концлагерь № 6. Поселили в крохотной комнатке.

Поначалу из еды давали только муку – с огромными жирными червями. Мама плакала, когда просеивала ее. Помню, привезли как-то финны большую партию колбасы, а людям ее запретили давать – тухлая, мышинные хвосты в ней попадают. Вырыли тут же, на территории лагеря, яму и закопали ее. А люди выкопали и растащили по баракам. Мама тоже принесла кусок и хотела сварить, но отец не дал, сказал, чем отраву есть, лучше уж голодать. А многие ели и умирали.

Финны очень боялись всякой заразы. Постоянно проверяли чистоту в комнатах, вещи все нужно было отдавать в прожарку, а людям – ходить в баню. Там не столько мылись – давали по горсточке жидкого мыла и по шайке воды, – сколько парились в страшном жару. Многие женщины, особенно пожилые, умирали в парилке. Мне приходилось ходить туда по 2 раза – за себя и за сестру, она бы не выдержала. Придешь домой, отлежишься немного – и снова в парилку. У меня после этого и волосы не растут. Мать говорила: «Железная ты, Тамара». Наверное. В 10 лет

брата сама хоронила. Ему год с небольшим был. Леня умер от голода. Отец на работе был, мама в больнице. Пришлось мне ехать с похоронным обозом в Пески. Хоронили человек по 40 в одной братской могиле. Хотела место запомнить, да какое там... Могил там этих много.

А. В. Новиков:

До войны наш дом был в Гакручье Вознесенского района Ленинградской области. Когда мы оказались в прифронтовой полосе, финны решили нас вывезти в Петрозаводск. Везли нас из Вознесенья в открытых машинах, морозы стояли сильные. У женщины в нашей машине замерз на руках грудной ребенок. 25 ноября (дата точная, из отцовской записной книжки) нас привезли в лагерь № 5. Сами себя огородили колючей проволокой, выбрали старост, полицаев. Так эти полицаи потом по ночам мародерничали, обыски устраивали, отбирали у людей вещи, которые поценнее. Особенно «усердствовал» такой Орлов, наш же, Вознесенский, в райисполкоме работал, он и в лагере не простым полицаем был, а каким-то начальником.

Взрослых сразу же отправили на работу. Отец работал ветфельдшером на конюшне – лошадей 20 было, на них умерших возили. Дети бегали сами по себе. Школы у нас не было. Ребята моего возраста (мне 13 лет было) ходили за проволоку еду добывать. Опасно было, наши палачи за это плеткой резиновой поролы, а часовые стреляли. Им ведь все равно было, что по воробьям, что по пацанам. Меня однажды в ногу ранили, когда под проволокой лез, рана долго не заживала. А что было делать? Паек нам давали из лежалых солдатских продуктов, две с половиной галеты – так их сначала надо было в кипяток опустить, чтобы плесень сошла. Иногда давали по кусочку сыра – коричневого, несвежего.

Люди болели цингой, тифом, дизентерией. Я в марте 1943 года заболел дизентерией, попал в больничный барак. Лежишь на койке, а в щели видно, как снег на улице идет. Лекарств не было. Родители уже и не надеялись, что я выживу. Спасла меня одна старушка, отец ей еще до войны корову вылечил. Она где-то достала полстакана овса и меня отваром поила. Тем и выжил. В 1943 году летом и осенью стали отпускать людей в лес за грибами и ягодами, в театр стали водить, колонной, правда, под конвоем. В 1944 году, после того как

приезжал Международный Красный Крест, паек прибавили, муки стали давать по 430 граммов.

Годы жизни в лагере не прошли бесследно. Здоровье было подорвано. Умер через год после освобождения отец, а младший братишка (он в лагерь попал трехлетним) в 13 лет тяжело заболел туберкулезом и стал инвалидом.

В. В. Михайлова (Андрианова):

Нас в лагерь № 5 привезли из Шустручья Вознесенского района. Сказали, на 2 недели, а оказалось – на всю жизнь. Мне тогда 11 лет было. Поселили нас – бабушку, меня, брата и тетю с двумя детьми – в одной комнате, 9 метров. Одежды никакой, одно платье. Спали на голых досках. С убитых обмотки снимали, мастерили себе одежду. Давали по 100 граммов галет в день на человека, выдавали сразу на неделю. А ведь ребята терпеть не могут – лежишь ночью голодный, раз куснешь, два – и все галеты съешь. А потом неделю голодный ходишь. Мы ходили просить еду за проволоку, к солдатским кухням, к поездам. Финны, у которых дети были свои, добрее были, давали хлеба, каши. В поездах песни пели, «Катюшу», просили по-фински: «Милые дяденьки, дайте кусочек хлеба». Язык тогда быстро запоминался.

Но в поездах опасно было, прыгать с них на ходу нужно было, да и проводники звери попадались. Однажды нас с подругой – ее Ритой звали – проводник заметил и погнался за нами. Я маленькая была, в туалете закрылась, меня он не заметил, а Риту поймал, косу на руку намотал и головой об рельс ударил, мозги так и вылетели... Да и наши палачи не лучше были, если не хуже. После освобождения я одна осталась. Спасибо Клавдии Васильевне Смирновой, заведующей 25-м садиком на Первомайском, она меня к себе в садик взяла, там меня одели, подкормили и работу дали. Но первый год я только картошку могла чистить – такая слабая была.

И. В. Мореходов:

Мы жили в Заонежье, в деревне Леликово. Когда встало озеро, к нам на лыжах пришел отряд финнов. Нет, они не зверствовали, действовали все больше хитростью. Сказали нам, что вывезут в Петрозаводск на карантин, на две недели – и обратно. Разрешили брать с собой по 30 килограммов вещей на человека. Собирали нас в Сен-

ной Губе. Съехались туда на лошадях. Лошади были, считай, в каждом дворе. Из колхоза всех взрослых лошадей забирали в армию, а когда колхоз ликвидировали, жеребят раздали по дворам. Когда нас погрузили на машины, лошадей велели выпрячь и отпустить на волю. Что с ними стало, я не знаю.

По льду на открытых машинах с прицепами нас привезли в Петрозаводск. Высадили на Перевалке, был сильный мороз. Все вещи свалили в кучу, кто нашел, а кто нет. Завели всех людей в большую комнату, несколько дней в ней провели стоя на ногах: негде было сесть, теснота страшная. Особенно тяжело было женщинам с маленькими детьми. Потом уже стали расселять по баракам и домам.

Нашей семье – маме, брату, сестре и мне, я младший был, 11 лет, – досталась комната в доме по Олонечкой улице, он и сейчас стоит. Дома щитовые, холодные, дров нет, жгли что попало. Старики и дети умирали очень быстро. Всех обстригли: женщин, детей. В домах очень быстро развелись вши, тараканы, крысы. Люди болели, умирали от холода, голода, болезней. Финны пытались бороться с эпидемиями: в квартирах жгли серу, а людей гоняли в парилку, в раскладные бани.

Я работал в мастерской, летом нас водили в лес – метлы рубить. Платили за это, правда, не помню сколько. Но на эти марки у солдат можно было купить еду.

В городе местное население к нам по-разному относилось. Карельские ребятишки прибежали, дразнили нас, сидящих за «колючкой». Но взрослые многие помогали перебираться через проволоку, предупреждали о патрулях. В лагерях ведь сидели русские, украинцы, белорусы. Были случаи, когда карелы своих родственников могли «выхлопотать» из лагеря. За несколько дней до освобождения над лагерем пролетали самолеты, разбрасывали листовки: держитесь, наши наступают. Когда же наши пришли, мы все выбежали из лагеря, бежали по городу и плакали от радости. Лагерь у меня отнял маму, сестра умерла сразу же после освобождения, она еще в лагере заболела туберкулезом, брата забрали в армию. Я остался сиротой.

(По обе стороны Карельского фронта 1941–1944. Документы и материалы, с. 500–503)

**Указание из ставки главнокомандующего 6 января 1944 г.
о распоряжении, отданном маршалом К. Г. Маннергеймом**

В некоторых соединениях прошлым летом были составлены и направлены войскам дополнительные материалы о проводимой в отношении Восточной Карелии политике и был разослан экземпляр относительно ее значения, где к тому же указывалось на необходимость учитывать, что если этот материал попадет в руки противника, то даст ему хорошую пищу для политической пропаганды в качестве оружия зарубежных стран и тем самым принесет вред нашей стране.

Верховный главнокомандующий приказывает безотлагательно проконтролировать, где указанные материалы размножены в подчиненных частях, а также изъять их и сжечь. Донести об этом командному отделу ставки.

Начальник командного штаба
генерал-лейтенант В. Э. Туомпо
Начальник командного отдела
полковник К. Ваала

(Sota-arkisto. Päämaja. Kommento-osasto, N 28 /kom.2/12 sal., 6.1.1944)

Письмо маршала Г. Маннергейма А. Гитлеру

2 сентября 1944 г.

В момент, когда мне предстоит принять трудное решение, чувствую необходимость сообщить Вам, что я пришел к убеждению, что спасение моего народа обязывает меня найти путь быстрого выхода из войны.

Общее неблагоприятное развитие военной обстановки все более ограничивает возможности Германии предоставлять нам в нужный момент своевременную и достаточную помощь, в которой мы, безусловно, нуждаемся и которую, по-моему, Германия искренне хотела бы нам предоставить. Уже перемещение одной единственной дивизии в Финляндию займет столько времени, что наше сопротивление не сможет выдержать под натиском сверхмощного врага. Хорошо понимаю, что обстановка не позволяет держать для этой цели здесь в Финляндии достаточное количество немецких дивизий. Опыт прошлого лета подтверждает это суждение. Высказанную здесь оценку обстановки поддерживает большинство финляндского парламента. Я не имею права – даже если бы придерживался другого мнения – в рамках нашей конституции не принимать во внимание все более проявляющейся воли большинства народа. Когда недавно маршал Кейтель, по Вашему поручению, был у меня, он указал на то, что Великая Германия без затруднений может вести войну хоть еще 10 лет, если судьбе так угодно. На что я заметил, что если это даже и возможно для 90-миллионного народа, то в любом случае ясно, что мы, финны, уже даже физически не способны продолжать войну. Предпринятое русскими в июне большое наступление опустошило все наши резервы. Мы не можем больше позволить себе такого кровопролития, которое подвергло бы опасности дальнейшее существование маленькой Финляндии.

Хотел бы особо подчеркнуть, что даже если судьба не принесет Вашему оружию удачи, Германия будет, тем не менее, продолжать существовать. Того же нельзя сказать о судьбе Финляндии. Если этот 4-миллионный народ будет сломлен в войне, не

вызывает сомнения, он обречен на вымирание. Не могу подвергнуть свой народ такой угрозе.

Не осмеливаясь надеяться, что Вы одобрите или хотя бы признаете правильным изложенные мною обстоятельства и мотивировки, хотел все-таки перед принятием решения отправить Вам эти строки.

Наши пути, очевидно, разойдутся очень скоро. Но память о немецких братьях по оружию останется. Ведь немцы в Финляндии не были представителями чужой насильственной власти, а только помощниками и соратниками по оружию. Но положение даже таких иностранцев бывает всегда трудным и многообязывающим. Могу заверить Вас, что за все эти годы в Финляндии не случилось ничего, что могло бы заставить нас относиться к немецким войскам, как к захватчикам и угнетателям. Верю, что отношение расположенной в Северной Финляндии немецкой армии к местному населению и к внутренним органам власти останется в нашей истории возможно единственным встречающимся в подобной ситуации примером корректных и сердечных отношений.

Считаю своим долгом вывести мой народ из войны. По своей воле не могу и не хочу поворачивать оружие, которое нам так щедро доставлялось, против немцев. Надеюсь, что Вы, даже если и не сможете одобрить мое письмо, все же так же, как я и все финны, захотите и попытаетесь действовать так, чтобы разрыв наших отношений смог произойти без ненужных обострений.

С уважением и благодарностью барон Маннергейм,
фельдмаршал Финляндии,
президент Республики Финляндии

(Mannerheim G. Muistelmat. Os. II. Hels., 1952, s. 474—475;

По обе стороны Карельского фронта 1941—1944.

Документы и материалы, с. 525—526)

**Протокол опроса
президента Финляндии маршала К. Г. Маннергейма
в связи с судом над военными преступниками Финляндии
(1945 г.)**

Вопрос 1. Не возникало ли после заключения Московского мира 12.3.40 г. вопроса о том, чтобы возвратить обратно президенту верховное командование, переданное им в начале войны господину маршалу?

Ответ: – Я беседовал по этому поводу с министром обороны Вальдемом и изъявил ему свое желание оставить пост главнокомандующего, но Вальден просил меня и впредь оставаться главнокомандующим. В начале новой войны я заявил президенту Рюти о своем желании уйти в отставку, но он энергично настаивал, чтобы я не сделал этого.

Вопрос 2. Так как в стране не было ни войны, ни восстания, ни серьезных угроз подобному, то не поднимался ли вопрос о прекращении военного положения?

– Я не помню, чтобы при мне разбирался вопрос о прекращении военного положения. К тому же подобные вопросы, по моему, касаются непосредственно правительства, а не главнокомандующего.

Вопрос 3. Когда прибывший в Финляндию в августе 1940 г. представитель германских вооруженных сил Вельтъенс просил согласия на транзит немецких войск через Финляндию, то сказал ли он, какие именно войска Германия думает перевозить?

– Полковник Вельтъенс, прибывший в Хельсинки в один из воскресных вечеров августа, представился мне и сказал, что он уполномочен рейхсмаршалом Герингом сообщить разрешение на покупку оружия Финляндией из Германии и выяснить, даю ли я согласие на переброску немецких демобилизованных и больных солдат через Финляндию в Норвегию. Я ответил, что не в силах разрешить этот вопрос, так как он не входит в мою компетенцию. Вельтъенс пожелал вновь встретиться со мной, подчеркнув при этом, что указанный вопрос необходимо обсудить в строго секретном порядке и что на просьбу о переброске немец-

ких войск нужно ставить лишь двумя словами – да или нет. После его ухода я позвонил премьер-министру Рюти и доложил ему о визите Вельтенса. Я не помню подробного ответа Рюти на вопрос о переброске немецких войск, но он просил меня ответить на это «да». Об этом деле я также доложил генералу Вальдену. Насколько помню, я не имел личной беседы по этому вопросу с президентом Каллио. Так же не помню, чтобы Рюти и Вальден имели беседу с ним. Впрочем, чувствовалось, что Рюти услышал об этом деле впервые от меня. По сведениям, переданным мне послом Финляндии в Берлине Кивимяки, министр иностранных дел Виттинг телеграфировал последнему, что на вопрос о переброске немецких войск был дан положительный ответ «да». С президентом Каллио я не имел бесед в течение августа и встретился с ним лишь в конце месяца, когда нанес ему визит по случаю того, что с ним случился удар.

Вопрос 4. Беседовал ли господин маршал по этому вопросу непосредственно с президентом Каллио или это проходило посредством генерала Вальдена? Каково было содержание ответа президента?

– Я не беседовал об этом деле ни с кем, кроме премьер-министра Рюти и генерала Вальдена. Впоследствии об этом говорили в ставке.

Вопрос 5. Кем было уполномочено заключение 12.9.1940 г. соглашения между финской и германской ставками о переброске немецких войск через Финляндию?

– По моему, министерство обороны выделило специальный орган – из одного или двух офицеров – для организации технической стороны переброски, и этот орган затем составил соглашение от 12.9.40 г., которое сейчас представлено мне и которое я, кажется, вижу впервые. Больше я об этом ничего не знаю.

Вопрос 6. Были ли даны господином маршалом распоряжения о контроле за переброской немецких войск и получал ли он какие-нибудь сведения о ходе этой переброски?

– Значительно позже, при виде угрозы войны, я, кажется, дал Оперативному отделу распоряжение информировать меня о ходе переброски немецких войск. В связи с показаниями по делу генерала Хейнрикса, не мог вспомнить, чтобы я ставил в известность пре-

зидента Каллио о деле Вельтгенса. Положительный ответ «да» премьер-министра Рюти я рассматривал как факт, дающий мне право сообщить этот же ответ Вальдену.

Вопрос 7. Интересовало ли господина маршала увеличение перебрасываемых войск и их дислокация в некоторых узловых пунктах на пути их следования?

– Вопрос о масштабах переброски начал интересовать меня только при явной угрозе новой войны. Я тогда получил сведения о количестве перебрасываемых войск. Судя по ним, через Финляндию было переброшено несколько тысяч немецких солдат.

Вопрос 8–10. Имели ли место до переговоров президента Рюти с министром Шнурре 20.5.1941 г. беседы с его офицером связи Рессингом или с другим немецким офицером о координации военных действий на тот случай, если бы при возникновении войны между Германией и СССР Советский Союз предпринял наступление на Финляндию?

На каком основании, или по каким приказам, в 1941 г. финские офицеры направлялись в Германию для переговоров по этому вопросу?

Какой доклад представляли офицеры о содержании происходивших переговоров?

– Я не слышал, что 20–21.5.41 г. происходили переговоры о какой-то координации военных действий. По моим сведениям, обсуждался только вопрос об отправке финских офицеров в Германию в целях обмена опытом и ознакомления с нем. армией. Своим офицерам я указывал, что нашей целью является не давать втянуть нашу страну в войну, но в случае нападения СССР – обороняться. После возвращения группы офицеров, генерал Хейнрикс доложил, что офицеры выполнили мои указания, и подробно рассказал о происходивших переговорах. Немецкие офицеры заявили, что обстановка может привести к тому, что между Германией и Советским Союзом вспыхнет война.

Вопрос 11. 26.6.1941 г. президент Финляндии получил от Гитлера послание, в котором он санкционировал то, что было согласовано между военными руководителями обеих стран. Что преследовал этим Гитлер?

– Наступательная война может приблизиться к границам Финляндии, – заявил немецкий генерал Йодль, – и очень возможно, что Финляндия вынуждена будет начать действовать. И если финская армия будет в боеготовности, то дивизии русских будут скованы. Мы, немцы, сами позаботимся о себе, так утверждал другой генерал – Гальдер в своем выступлении. Слова и послания Гитлера президенту Рюти о том, что «он санкционирует то, что согласовано между военными руководителями», могут относиться к этим заявлениям, но только не к соглашениям между военными руководителями, так как таковых не было заключено.

Вопрос 12. Думало ли военное руководство или правительство начать наступление против Советского Союза, если бы Советский Союз не начал наступления?

– У военного руководства не было такой установки, и я не слышал, чтобы и правительство высказывалось в подобном духе.

Вопрос 13. 25.6.41 г. в парламенте узнали о начале войны. Было ли господину маршалу известно какое-либо решение правительства начать военные действия против Советского Союза до или после указанного дня?

– Насколько мне не изменяет память, я держал ежедневную телефонную связь с Рюти и Вальденом. После трехдневных вражеских действий со стороны Советского Союза, я, с согласия Рюти, начал такие же действия со стороны Финляндии.

Вопрос 14. Повлияло ли военное руководство на удаление из Финляндии дипломатического представительства Великобритании? Что может господин маршал сказать в отношении послания министра Виттинга маршалу 21.2.1942 г.?

– В связи с этим вопросом прошу дать мне возможность завтра представить некоторые письменные объяснения.

Вопрос 15. Предлагал ли президент Рюти какие-нибудь добавления к письму господина маршала премьер-министру Черчиллю от 2.12.1941 г.? Было ли тогда известно маршалу содержание ноты Великобритании от 28.11.1941 г.?

– Президент Рюти не предлагал никаких добавлений к моему ответному письму Черчиллю. Если бы он это сделал, я бы согласился с добавлением. Я не знал, что нота Великобритании носит характер ультиматума. Я хотел выразить в своем письме, что на-

хожусь на грани достижения своих военных целей и поэтому не могу раньше времени прекратить военных действий. Я верил, что Черчилль, как солдат, которым он некогда был, правильно поймет содержание моего письма, но предполагал, что из-за союзнического долга он не мог ни на один день отложить объявления войны. Письмо мое было составлено в г. Миккели, где тогда не было Рюти, а по телефону он не предлагал никаких добавлений.

Вопрос 16. Как оценивало военное руководство в начале войны возможности Германии одержать победу над Советским Союзом?

– Общее мнение в начале войны было таким, что Германия располагает огромными возможностями, чтобы победить в войне против Советского Союза.

Вопрос 17. Какие общие цели преследовали военное руководство и правительство в войне по части: а) возврата старых границ Финляндии и б) захвата советских территорий вне этих границ?

Вопрос 18. Имелось ли согласие правительства на переход границ 1939 г., когда этот переход совершился?

– На основе переговоров, происходивших между правительством Рюти и мной, было ясно, что, во-первых, необходимо достигнуть старых границ и, во-вторых, захватить столько территории Восточной Карелии, чтобы не было опасности, что Выборгская губерния еще раз превратится в арену военных действий. Рюти прекрасно знал, что преследуют военные операции, и он не высказывался против продвижения войск вперед. Я понял, что, и правительство полностью разделяет стратегические планы военного командования. Народ был бы в недоумении задержкой войск на старых границах, да и невозможно было остановить продвигавшуюся вперед армию.

Вопрос 19. Имелось ли предварительное согласие правительства на проведение операции больших масштабов, и каких операций это согласие касалось?

– Я предварительно докладывал президенту Рюти о наиболее важных операциях, и они были утверждены. Что касается операции на Сороку, о которой говорится в письме Рюти от 25.3.43 г.,

то я сам, в конце концов, пришел к выводу, что провести ее нецелесообразно.

Вопрос 20. Знает ли господин маршал, почему в конце войны, до посещения Риббентропом Финляндии, попытка создать правительство во главе с Рамсаем потерпела неудачу? Господин маршал заявил тогда, что смена правительства нецелесообразна?

– У меня существовало такое мнение, что новое правительство Рамсаея явилось тогда лишь сменой декорации, так как Рамсай был в плохих отношениях с фон Риббентропом, и к тому же он потерпел неудачу в переговорах о мире с Советским Союзом. Правительство Рамсаея не стало бы более уж признанным, чем было правительство Линкомиеса.

Вопрос 21. Поднимался ли в 1941 г. вопрос о заключении сепаратного соглашения, обязывавшего Финляндию участвовать в войне на стороне Германии, и как господин маршал относился к подобному соглашению?

– В 1943 г. я был против заключения соглашения, которого требовала Германия, и которое на деле было тем же «соглашением Риббентропа», заключенным в 1944 г. Я понимал дело так, что не столько Гитлер, сколько фон Риббентроп требовал заключения соглашения в 1943 г., чтобы поднять свой упавший престиж дипломата. Этого же требовал в своих личных интересах бывший посол Германии в Хельсинки фон Блюхер. Финское правительство уже было начавшее уступать, прервало переговоры, и договор в 1943 г. не был заключен. Посол оказался озабоченным тем, что Финляндия не хочет согласиться с заключением соглашения.

Вопрос 22. А был ли господин маршал сторонником заключения соглашения о военных поставках?

– Пользуясь тяжелым положением нашей страны, фон Риббентроп без предупреждения, как я думаю, прибыл в Финляндию и в течение нескольких дней настойчиво требовал у президента и министра иностранных дел заключения соглашения. В существующей обстановке – при наличии тяжелого военного и продовольственного положения – по моему мнению, было правильно, чтобы президент, как частное лицо, без уполномочия правительства, дал бы обязательство фон Риббентропу. Таким образом, каждый должен

был оценивать этот поступок Рюти, как выполнение им гражданского долга, не обязывающего ни к чему, ни правительство, ни парламент. Так и предлагал Рюти в Хельсинки, но он дал все же обязательство от имени правительства. Но заключение соглашения даже в том виде, являлось со стороны Рюти выполнением гражданского долга, открывшем стране новые возможности.

Вопрос 23. Защищал ли господин маршал и впоследствии действия Рюти?

– Я защищал, и буду защищать действия президента Рюти при заключении соглашения с Риббентропом.

Вопрос 24. Руководило ли военное командование деятельностью цензуры во время войны?

– Иногда я делал замечания по поводу того, что опубликовывались военные сведения, которые надо было держать в секрете от противника, а также политическую информацию, о которой следовало бы молчать.

Вопрос 25. Почему требование Советского Союза от 23.6.1944 г. истолковывалось, как требование о безоговорочной капитуляции Финляндии?

– Так как Советский Союз требовал, чтобы Финляндия объявила о своей готовности капитулировать, я считал, что это равносильно требованию о безоговорочной капитуляции.

(Sotasyyllisyysoikeudenkäynnin asiakirjoja. Os. 1. Hels., 1945, s.19–21)

БИБЛИОГРАФИЯ

Неопубликованные документы

Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации, Подольск

ф. 148 а, оп. 3763.

Российский государственный архив социально-политической истории, Москва

Коллекция документов А. А. Жданова. Ф. 77.

Kansallisarkisto (Национальный архив), Хельсинки

Mannerheimin G. kokoelma.

Sota-arkisto (Военный архив), Хельсинки

Päämaja. 1941, 1944.

Kannaksen ryhmän esikunta, operatiivinen osasto.

Henrichsin muistiinpanoja.

Ulkoasiainministeriön arkisto (Архив Министерства иностранных дел), Хельсинки

Berliinin-lähetystön raportit, 5 C 5.

Suomen ulkopolitiikka maittäin, 12 L.

Опубликованные документы

Документы внешней политики. 22 июня 1941–1 января 1942. Т. XXIV. М., 2000.

Карелия в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945: Документы. Материалы. Петрозаводск, 1975.

Ленинград в осаде. Сборник документов о героической обороне Ленинграда в годы Великой Отечественной войны 1941–1944. СПб., 1995.

Нюрнбергский процесс. Сборник материалов. Т. 1–2. М., 1955.

Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой

Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 1–2. М., 1986.

По обе стороны Карельского фронта. Документы и материалы. Петрозаводск, 1995.

Пограничные войска СССР. 1941–1945. Сборник документов. М., 1968.

Секреты Гитлера на столе у Сталина. Разведка и контрразведка о подготовке германской агрессии против СССР. М., 1995.

Совершенно секретно! Только для командования! М., 1967.

Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945: Документы и материалы. Т. 1–2. М., 1984.

Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945: Документы и материалы. Т. 1–2. М., 1983. Documents on German Foreign Policy. Ser D. V–VII. London–Washington, 1953, 1954.

Puhtain aseinen Suomen marsalkan päiväkirja vuosilta 1918–1944. Helsingi, 1970.

Sotasyllisyysoikeudenkäynnin asiakirjoja. Os. 1. Helsingi, 1945.

Воспоминания, дневники, переписка

Василевский А. М. Дело всей жизни. М., 1975.

Гальдер Ф. Военный дневник. Т. 2, 3, кн. 1–2. М., 1969, 1971.

Дьяков Н. Под чужим небом. Записки о финском плене 1941–1944 // Север, 1991, № 3.

Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. Т. 1. М., 1975.

Куприянов Г. Н. От Баренцева моря до Ладоги. Л., 1972.

Куприянов Г. Н. За линией Карельского фронта. Петрозаводск, 1975.

Манштейн Э. Утерянные победы. М., 1957.

Мерецков К. А. На службе народу. М., 1968.

Новиков А. А. В небе Ленинграда. Записки командующего авиацией. М., 1970.

Оборона Ленинграда, 1941–1944. Воспоминания и дневники участников. Л., 1968.

«Редуты» на защите Ленинграда. Сборник воспоминаний. Л., 1990.

Рендулич Л. Управление войсками. М., 1974.

Тимонен Э. Мрачные годы // Север, 1998, № 5.

Черепанов А. И. Поле ратное мое. М., 1984.

Шапашников Б. М. Воспоминания. Военно-научные труды. М., 1974.

Штеменко С. М. Генеральный штаб в годы войны. Кн. 2, М., 1973.

Blücher W. Suomen kohtalonaikojen Porvoo, 1950.

Churchill W. S. The Second World War. Vol. 3–4. London–Toronto, 1950 (перевод на рус. язык: **Черчилль У.** Вторая мировая война. Кн. 2. Т. 3–4. М., 1991).

Erfurth W. Der Finnische Krieg 1941–1944. Wiesbaden, 1950.

Erfurth W. Muurmännin radan ongelma. Porvoo, 1952.

Hölter H. Armee in der Arktis. Bad Nauheim, 1953.

J.K. Paasikiven päiväkirjat 1944–1956. Os. 1–2. Juva, 1985.

Kivimäki T. M. Suomalaisen politiikan muistelmät. Porvoo–Helsingi, 1965.

Lehmus K. Tuntematon Mannerheim. Helsingi, 1967.

Linkomies E. Vaikkea aika. Helsingi, 1970.

Mannerheim G. Muistelmät. Os. II. Helsingi, 1952 (перевод на рус. язык:

Маннергейм К. Г. Мемуары. М., 1999).

Mezger H. Poliittiset aseveljet. Helsingi, 1986.

Oesch K. L. Suomen kohtalon ratkaisu Kannaksella v. 1944. Helsingi, 1956.

Raasonen A. Marsalkan tiedustelupäällikkönä ja hallituksen asiamiehenä. Helsingi, 1974.

Raavolainen O. Synkkä yksinpuhelu. Päiväkirjan lehtiä vuosilta 1941–1944. Helsingi, 1960.

Pietola E. Sotavangit Suomessa 1941–1944. Jyväskylä, 1987 (сокращенный перевод на русский язык: **Пиэтола Э.** Военнопленные в Финляндии 1941–1944 // Север, 1990, № 12).

Talvela P. Sotilaan elämä. Muistelmät. Osa I,II. Jyväskylä, 1976, 1977.

Tanner V. Suomen tie rauhaan 1943–1944. Helsingi, 1952.

Tanner V. The Winter War. Stanford, 1957 (перевод на рус. язык: **Таннер В.** Зимняя война. Дипломатическое противостояние Советского Союза и Финляндии 1939–1940. М., 2003).

Tuompo W. E. Päiväkirjani päämajasta 1941–1944. Porvoo-Helsingi, 1969.

Voionmaa V. Kurjiripostiä 1941–1946. Helsingi, 1971 (перевод на рус. язык:

Войонмаа В. Дипломатическая почта. М., 1984).

Wuorimaa A. Lähettiläänä Hitlerin Saksassa. Keuruu, 1967.

Österman H. Neljännesvuosisata elämästäni. Porvoo, 1966.

Речи, выступления, публицистика

Власов А. В. Маннергейм и Жданов. Встречи и переписка. 1944–1945 гг. // Stop in Finland, 2003, № 2.

Власов А. В. Маршал Маннергейм: великий сын Финляндии // Голос Финляндии, 1997, № 3.

Григорьев Ф. Путинская линия Маннергейма // Советская Россия, 2001, 8.9.

Ерофеев А. Пал миф о Маннергейме – «спасителе Ленинграда» // Парламентская газета, 2003, 22.3.

Кекконен У. К. Финляндия и Советский Союз: Речи, интервью 1952–1975 гг. М., 1975.

Койвисто М. Веки пути: взгляды на внешнего политику Финляндии. М., 1987.

Куприянов Г. Народ Карело-Финской ССР поднялся на Великую Отечественную войну. Петрозаводск, 1941.

Куусинен О. Избранные произведения (1918–1964). М., 1966.

Лисочкин И. Легенды и мифы современной историографии. «Война-продолжение» или просто «война»? // Санкт-Петербургские ведомости, 2003, 29.1.

Найбойциков Г. Барон Маннергейм: Каким он был на самом деле? // Новое время, 2003, 14.10.

Нерсесов Ю. Мечта имперского чухонца // Спецназ России, 2003, № 5.

Ряжин В. Маршал Финляндии Маннергейм // Вестник ветерана, 2002, № 2.

Тушин В. В плену военной пропаганды // Карелия, 2003, 6.2.

Хилтунен Р. Почему Сталин не судил Маннергейма? // Санкт-Петербургские ведомости, 2000, 15.12.

Юркин А. Петербург – граница Финляндии? // Новый Петербург, 2003, 23.1.

Fjodorov V. Jatkosota ja Leningradin turvallisuus // Tiedonantaja, 2003, 14.2.

Fjodorov V. 60 vuotta Leningradin saarron päättymisestä // Tiedonantaja, 2003, 23.1.

Friman P. Lisätietoja Suomen marsalkasta // Helsingin Sanomat. Viikkoliite Nyt, 24.10–30.10.1997.

Лукжойден миелипиде: Ei ole mitään syytä juhliä Mannerheimia // Kansan Uutiset, 1967, 21.5.

Manninen T. Mannerheim oli Stalinin suojatti // Ilta-Sanomat, 1992, 3.4.

Metsälampi E. Mannerheim määräsi Itä-Karjalan venäläiset keskitysleireihin // Tiedonantaja, 1989, 30.6.

Rintala P. Leningradin kohtalon-sinfonia. Hels., 1968 (перевод на рус. яз.: **Рингала П.** Ленинградская симфония судьбы. Рассказ о городе и о жителях города, осажденного в 1941–1943 гг. немецкими и финскими войсками // Север, 1970, № 1, 2).

Susi E. Tavoitteena Suur-Suomi ja etninen puhdistus // Tiedonantaja, 2001, 17.8.

Vihavainen T. Leningradin saarto // Kanava, 2003, N 3.

Vihavainen T. Leningradin turvaaminen stalinismin näkökulmasta // Kanava, 1989, N 6.

Äikiä A. Mannerheim Pietaria piirittä-mässä // Kansan Uutiset, 1964, 26, 28.5.1.

Историко-исследовательские работы

Книги

Барбашин И. П., Кузнецов А. И., Морозов В. П., Харитонов А. Д., Яковлев Б. Н. Битва за Ленинград 1941–1944. М., 1964.

Барышников В. Н. Вступление Финляндии во Вторую мировую войну. СПб., 2003.

Барышников В. Н. От прохладного мира к Зимней войне: Восточная политика Финляндии в 1930-е годы. СПб., 1997.

Барышников Н. И. Блокада Ленинграда и Финляндия 1941–1944. СПб.–Хельсинки, 2002. (Перевод на фин. яз.: **Varyšnikov N. I.** Leningradin piiritys ja Suomi 1941–1944. Hels.-Pietari, 2003).

Барышников Н. И. На защите Ленинграда. Обеспечение безопасности и оборона города с севера в годы Второй мировой войны. Л., 1978.

- Барьшников Н. И., Барьшников В. Н., Федоров В. Г.** Финляндия во Второй мировой войне. Л., 1989.
- Блокада рассекреченная. СПб., 1995.
- Борисов А. Д.** Освобождение Советской Карелии (1944 г.). М., 1956.
- Война и блокада. К 60-летию начала Великой Отечественной войны. СПб., 2001.
- Вторая мировая война и Карелия 1939–1945. Петрозаводск, 2001.
- Горьков Ю. А.** Кремль. Ставка. Генштаб. Тверь, 1995.
- Дворянский Е., Ярошенко А.** В огненном кольце. Таллинн, 1977.
- Дзенискевич А. Р.** Блокада и политика. Оборона Ленинграда в политической конъюнктуре. СПб., 1998.
- Жизнь и смерть в блокированном Ленинграде. Историко-медицинский аспект. СПб., 2001.
- История Великой Отечественной войны 1941–1945. Т. I–6. М., 1963–1965.
- История Второй мировой войны 1939–1945. Т. 1–12. М., 1973–1982.
- История Карелии с древнейших времен до наших дней. Петрозаводск, 2001.
- История ордена Ленина Ленинградского военного округа. М., 1974.
- Карельский фронт в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. М., 1984.
- Кислицын Н.** Ленинград не сдаётся. М., 1991.
- Князев С. П., Стрешинский М. П., Франтишев И. М., Шевердалкин П. Р., Яблочкин Ю. Н.** На защите невиской твердыни. Л., 1955.
- Ковальчук В. М.** Магистрали мужества. Коммуникации блокадного Ленинграда 1941–1943. СПб., 2001.
- Козлов Г. К.** В лесах Карелии. М., 1963.
- Краснознаменный Балтийский флот в Великой Отечественной войне 1941–1945. М., 1981.
- Краснознаменный Северо-Западный пограничный округ. Л., 1973.
- Ленинград в борьбе месяц за месяцем 1941–1944. СПб., 1994.
- Ломагин Н. Н.** Неизвестная блокада. Кн. 1–2. СПб.–М., 2002.
- Манкевич А. И.** Бой у острова Сухо. М., 1958.
- Мери В.** Карл Густав Маннергейм – маршал Финляндии. М., 1997.
- Морозов К. А.** Карелия в годы Великой Отечественной войны. Петрозаводск, 1983.
- Мушников А. Н.** В боях за Выборг и Петрозаводск. М., 1957.
- На страже границ отечества. Пограничные войска России в войнах и вооруженных конфликтах XX в. Т. 3. М., 2000.
- Непокоренный Ленинград. Краткий очерк истории города в период Великой Отечественной войны. Л., 1985.
- Носков А. М.** Скандинавский плацдарм во Второй мировой войне. М., 1977.

- Олейников Г. А.** Героические стра-
ницы битвы за Ленинград. Исследо-
вание хода и анализа некоторых опе-
раций и сражений на Северном (Ле-
нинградском) и Волховском фронтах
1941–1942 годов. СПб., 2000.
- Правда и вымысел о войне. Пробле-
мы историографии Великой Отече-
ственной войны 1941–1945. СПб.–
Пушкин, 1997.
- Расила В.** История Финляндии.
Петрозаводск, 1996.
- Фролов М. И.** «Салют и реквием».
Героизм и трагизм ленинградцев
1941–1944 гг. СПб., 2003.
- Широкорад А. Б.** Северные вой-
ны России. М.–Минск, 2001.
- Юссила О., Хентила С., Нева-
киви Ю.** Политическая история
Финляндии. 1808–1995. М., 1998.
- Alanen P.** Kun hyökkääjän tie
suljettiin. Hels., 1988.
- Antila O.** Suomi suursodassa. Jyväskylä,
1984.
- Arimo R.** Suomen linnoittamisen
historia 1918–1944. Keuruu, 1984.
- Halsti W.** Suomen sota 1939–1945.
II. Kesäsota, 1941. Keuruu, 1956.
- Hartikainen P.** Hugo Österman.
Sotavaen päällikkö – rakentaja ja puo-
lustaja. Hels.-Tampere, 2001.
- Haupt W.** Heeresgruppe Nord. 1941–
1945. Bad Nauheim, 1966.
- Heinrichs E.** Mannerheim Suomen
kohtaloissa. II. Hels., 1959.
- Hirvikallio P.** Tasavallan presidentin
vaalit Suomessa 1919–1950. Porvoo,
1958.
- Jalanti H.** Suomi puristuksessa 1940–
1941. Hels.-Lahti, 1966.
- Jatkosodan kujanjuoksu. Porvoo-Hels.-
Juva, 1982.
- Jokipii M.** Jatkosodan synty. Hels.,
1987 (перевод на рус. язык: **Йоки-
пии М.** Финляндия на пути к войне.
Исследование о военном сотрудни-
честве Германии и Финляндии в
1940–1941 гг. Петрозаводск, 1999).
- Jägerskiöld S.** Mannerheim 1867–
1951. Keuruu, 1984.
- Jägerskiöld S.** Mannerheim rauhan
vuosina 1920–1939. Hels.-Keuruu,
1979.
- Jägerskiöld S.** Suomen marsalkka
Gustaf Mannerheim 1941–1944.
Hels., 1981.
- Jägerskiöld S.** Viimeiset vuodet. Manner-
heim 1944–1951. Keuruu, 1982.
Kansakunta sodassa. Os. 1–3. Hels.,
1989–1992.
- Klinge M.** Mannerheim. Hels., 1968.
- Komissarov J.** Suomi löytää linjansa.
Keuruu, 1974.
- Korhonen A.** Barbarossa-suunnitelma
ja Suomi. Porvoo–Hels., 1961.
- Korhonen A.** Viisi sodan vuotta.
Porvoo, 1959.
- Kuussaari E., Niitemaa V.** Suomen
sota vv. 1941–1945. Hels., 1948.
- Käkönen U. A.** Miehityksen varalta.
Päämajan tiedustelua 1943–1945. Hels.,
1970.
- Laine A.** Suur-Suomen kahdet kasvot.
Itä-Karjalan siviiliväestön asema
suomalaisessa miehityshallinnossa
1941–1944. Keuruu, 1982.
- Lundin C. L.** Finland in the Second
World War. Broomington, 1957 (пер.
на финский яз.: **Lundin C. L.** Suomi
toisessa maailmansodassa. Jyväskylä,
1961).

- Manninen O.** Suomi toisessa maailmansodassa. // Suomen historia. 7. Espoo, 1988.
- Manninen O.** Suur-Suomen ääriviivat. Kysymys tulevaisuudesta ja turvallisuudesta Suomen Saksanpolitiikassa. 1941. Hels., 1980.
- Menger M.** Deutschland und Finnland im zweiten Weltkrieg. Berlin, 1988.
- Mylyniemi S.** Suomi sodassa 1939–1945. Keuruu, 1982.
- Palm T.** Moskova, 1944. Jyväskylä, 1973.
- Peltovuori R. O.** Saksa ja Suomen talvisota. Hels., 1975.
- Pohjola 2. Maailmansodan aikana. Mänttä, 1987.
- Poliittinen historia. Suomi ja muut. Oulu, 1991.
- Polvinen T.** Suomi kansainvälisessä politiikassa 1941–1947. I: 1941–1943, Barbarossasta Teheraniin. II: 1944, Teheranista Jaltaan. III: 1945–1947, Jaltasta Pariisiin rauhaan. Porvoo–Hels.–Juva, 1979, 1980, 1981.
- Reimaa M.** Puun ja kuoren välissä. Hels.-Keuruu. 1979.
- Rusi A.** Lehdistöensuuri jatkosodassa. Kokemäki, 1982.
- Salminen E.** Propaganda rintamajoukoissa 1941–1944. Suomen armeijan valistus toiminta ja mielialojen ohjaus jatkosodan aikana. Hels., 1976.
- Sana E.** Luovutetut Suomen ihmisluovutukset Gestapolle. Hels., 2003.
- Selén K.** C. G. E. Mannerheim ja hänen puolustusneuvostonsa 1931–1939. Hels., 1980.
- Seppälä H.** Itsenäisen Suomen puolustuspolitiikka ja strategia. Porvoo, 1974.
- Seppälä H.** Leningradin saarto 1941–1944. Murhenäytelmän sävyttämä voitto. Hels.-Pietari, 2003.
- Seppälä H.** Suomi hyökkääjänä 1941. Porvoo-Hels.-Juva, 1984.
- Seppälä H.** Suomi miehittäjänä 1941–1944. Hels., 1989.
- Seppälä H.** Taistelu Leningradista ja Suomi. Porvoo-Hels., 1969.
- Seppälä H.** Vuosisatainen taistelu Karjalasta. Pieksämäki, 1994. Suomen historian pikkujättiläinen. Porvoo-Hels.-Juva, 1995.
- Suomi J.** Talvisodan tausta. Neuvostoliitto Suomen ulkopoliitikassa 1937–1939. Hels., 1973.
- Suomi J.** Urho Kekkonen 1936–1944. Myrrysmies. Keuruu, 1986.
- Suomi J.** Vonkamies Urho Kekkonen 1944–1950. Keuruu, 1988. Suomi 1941. Hels., 1985. Suomi 1944. Sodasta rauhaan. Hels., 1984.
- Tervasmäki V.** Mannerheim – valtiomies ja sotapäällikkö talvi- ja jatkosotien käännekohtissa. Hels., 1987.
- Terä V. M.** Tienhaarassa. Syksyn 1940 tapahtumat Barbarossa-suunnitelman taustaa vasten. Hels.–Keuruu, 1962.
- Turtola M.** Aksel Fredrik Airo. Taipumaton kenraali. Hels., 1997.
- Vainu H.** Jääraku põhja. Soome välispolitiika Teise maailmasõja aastatel. Tallinn, 1983 (перевод на финский язык: **Vainu H.** Kuin syvä rotko. Suomen ulkopoliittikka toisen maailmansodan aikana. Hels.–Rauma, 1983).

Статьи

- Барышников В. Н.** Возникновение и характер деятельности «мирной оппозиции» в Финляндии в период 1943–1944 гг. // Скандинавский сборник. Т. XXIX. Таллинн, 1985.
- Барышников В. Н.** Германо-финляндское военное сотрудничество во второй половине 1940 г. (к вопросу о значении тайных миссий П. Талвела в Берлине) // Скандинавские чтения 2000 года. СПб., 2002.
- Барышников В. Н.** Эволюция во взглядах Советского Союза на финляндско-германские связи в 1920–1930-е гг. // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Сер. 2. Вып. 1 (№ 2). СПб., 2001.
- Барышников Н. И.** Выход Финляндии из Второй мировой войны // Труды VIII советско-финляндского симпозиума историков. Петрозаводск 21–23 октября 1981 г. Л., 1985.
- Барышников Н. И.** К вопросу о «стратегических границах» Финляндии // Россия и Финляндия в XVIII–XX вв. Специфика границы. СПб., 1999.
- Барышников Н. И.** Маннергейм и блокада Ленинграда // Петербургские чтения 98–99. Материалы Энциклопедической библиотеки «Санкт-Петербург – 2003». СПб, 1999.
- Барышников Н. И.** Маннергейм – каким он был летом и осенью 1941 г. // Север, 2001, № 1.
- Барышников Н. И.** О мнимой агрессии СССР против Финляндии 25 июня 1941 г. // Великая Отечественная война: правда и вымысел. СПб, 2000.
- Барышников Н. И.** Подход в Финляндии к вопросу о судьбе Ленинграда (1941 г.) // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2003.
- Барышников Н. И.** Характерные черты современной финской историографии войны 1941–1944 годов. // Правда и вымыслы о войне: проблемы историографии Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. СПб. – Пушкин, 1997.
- Вайну Х.** Блокада Ленинграда и Финляндия // Скандинавский сборник. XVII. Таллинн, 1972.
- Вайну Х.** Из истории «большой стратегии» правителей Финляндии в первой половине 1941 г. // Скандинавский сборник. XV. Таллинн, 1970.
- Вайну Х.** Многоликий Маннергейм // Новая и новейшая история, 1997, № 5.
- Вайну Х. М.** О выходе Финляндии из Второй мировой войны // Вопросы истории, 1987, № 6.
- Вирмавирта Я.** Карл Густав Маннергейм // Вопросы истории, 1994, № 1.
- Ильин А.** Фортификационное оборудование финнами Карельского перешейка // Военно-инженерный журнал, 1944, № 10.
- Комаров А. А.** Выход Финляндии из Второй мировой войны (По материалам Архива внешней политики России МИД России)

- // Северная Европа. Проблемы истории: Сборник научных трудов. М., 1995.
- Маннинен О.** Маршал Маннергейм и причины войны // Север, 1992, № 11–12.
- Невакиви Ю.** Финляндия и план «Барбаросса» // Война и политика 1939–1941. М., 1999.
- Суни Л. В.** Начало германо-финского сближения // Вопросы истории. Петрозаводск, 1970.
- Aho S.** Mannerheim sodan johtajana. // Historiallinen Arkisto, 1986, N 88.
- Baryshnikov N. I.** Halusiko Mannerheim Leningradin hävittämistä? // Tiedonantaja, 2001, 7.9.
- Baryshnikov N. I.** Was There Any Threat to Leningrad from the North in 1941? // The Journal of Slavic Military Studies, 2001, vol. 14, N 3.
- Jakobson M.** Mannerheim ja Suomen tie sotaan // Kanava, 1976, N 2.
- Kuittinen K.** Suomi miehittäjänä Petroskoissa // Tiedonantaja, 2003, 22, 29. 8.
- Kulomaa J.** Rintamakarkuruus jatkosodan hyökkäysvaiheissa v. 1941 // Historiallinen Aikakauskirja, 1979, N 4.
- Kulomaa J.** Sotilaskarkuruus Suomen armeijassa jatkosodan aikana // Historiallinen Arkisto, 1986, N 88.
- Manninen O.** Barbarossa – hyökkäys alkoi Kannakselta // Sotilasaikakauslehti, 1991, N 6–7.
- Manninen O.** Syväri vai Kannas. Suomen hyökkäyssuunnan ratkaisu kesäkuussa 1941 // Sotahistoriallinen vuosikirja X. Hels., 1978.
- Manninen O.** Suomi oli miehittävä // Sotilasaikakauslehti, 1990, N 4.
- Manninen T.** Mannerheim oli Stalinin suojahti // Ilta-Sanomat, 1992, 3.4.
- Mikola K. J.** Kenraali vaikuttajana takana ja komentajana edessä // Historiallinen Aikakauskirja, 1977, N 1.
- Mikola K. J.** Kesäkuun kriisi // Historiallinen Aikakauskirja, 1968, N 1.
- Mikola K. J.** Vuosien 1940–1941 suomalais-saksalaisen yhteistoiminnan tarkoituksien ja muotojen tarkastelua // Taide ja Ase, 1976, N 25.
- Tervasmäki V.** Mannerheim rauhan tekijänä ja presidenttinä // Taide ja Ase, 1983, N 41.
- Tervasmäki V.** Miten linnoitusrakennusjoukkojen ryhmitys ja käyttö vastasi jatkosodan aikana sotilaallisia toiminta-ajatuksia ja suunnitelmia // Turun Historiallinen Arkisto, 1976, N 31.
- Torjuntavoitto 1944 // Sotahistoriallinen Aikakauskirja, 1994, N 3.
- Vehviläinen O.** Suomen irtautuminen toisesta maailmansodasta // Historiallinen Arkisto, 1983, N 80.
- Viitala H. M.** Kirjeenvaihto Hertta Kuusisen kanssa osoittaa: O. W. Kuusinen halusi myös Mannerheimin sotasyllisyystuomiolle // Tiedonantaja, 1989, 23. 2.
- Viljanen T. V.** Suomen kriisi 1940–1941 // Historiallinen Aikakauskirja, 1965, N 1.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Айро А. 41, 47, 89
Араюри А. В. 117
Армфельт К. 16
Бартхольд 38
Блюхер В. 56
Боденшантц К. 24
Вайну Х. М. 6, 63, 76, 88, 126
Вальден Р. 17, 18, 23, 25, 28, 40, 73, 84, 86
Вельтъенс Й. 17–19, 21, 22, 24, 97
Вехвиляйнен О. 58
Вирмавирта Я. 130
Виттинг Р. 17, 23
Войонмаа В. 63, 82
Вольф К. 77
Гальдер Ф. 24–26, 59, 60
Гендерсон Н. Т. 11
Геринг Г. 10–17, 19, 21–26, 73, 75, 97
Гиммлер Г. 76–78
Гитлер А. 10, 13–15, 23, 24, 56, 58–61, 63, 64, 67–74, 76, 77, 80–82, 91, 95, 96
Грипенберг Г. А. 62
Дитль Э. М. 62, 64, 65, 70
Ерофеев А. 126
Ёкипии М. 18, 22, 26
Жданов А. А. 120–122, 124, 125
Зейдель Х. Г. 26
Зибель 105
Йодль А. 26, 43–45, 50, 59, 64, 71, 74, 77, 81, 82
Каллио К. 18
Кейтель В. 26, 43, 44, 52, 59–61, 64, 70, 77, 95, 152

- Кекконен У. К. 92, 119, 120
Кивимяки Т. 16
Кинцель Э. 24
Кирпичников В. Н. 99
Киянен К. 105
Койвисто М. 97
Коллонтай А. М. 88
Котилайнен В. А. 117
Куприянов Г. Н. 121
Кутузов М. И. 126
Лайне А. 107
Лееб В. 33, 60
Лехмус К. 47, 59, 71, 73
Линкомиес Э. 85, 87, 93, 94, 121
Лундин Ч. 9
Маннергейм К. Г. 5–18, 20–35, 38–41, 43–97, 99, 101, 104–106,
109–113, 117–121, 123–130
Маннинен О. 48, 53, 118, 121, 124
Манштейн Э. 81, 83
Мерецков К. А. 54
Мери В. 6, 10, 21, 38, 99, 118
Метцгер Х. 30
Микола К. 38
Молотов В. М. 23
Мольтке Х. И. 5
Морозов К. А. 107
Наполеон Б. 126
Невакиви Ю. 49
Нейрат К. 15
Ненонен В. П. 35
Нюппиева К. 111, 116
Паасикиви Ю. К. 88, 89, 93, 119, 120–123
Паасонен А. 7, 84–86

Петров И. А. 124, 125
Петяус О. 119, 121
Пиэтола Э. 9
Полвинен Т. 54, 83
Рамсай Х. 85, 87
Рангель Ю. 84, 86, 121
Рассальников 125
Рендулич Л. 96
Рессинг Х. 30
Риббентроп И. 91, 93
Рингала П. 101
Рузвельт Ф. 40, 52, 56, 79
Русен А. 10, 11
Руси А. 30
Рууту И. 38
Рюти Р. 17, 18, 21, 23, 28, 40, 50, 56, 58, 61–63, 67, 70, 79, 84–86,
89, 91–93, 95, 119, 121
Савоненков Г. М. 124
Свинхувуд П. Э. 15
Селён К. 13
Сешпяля Х. 30, 31, 48, 53, 55, 57, 89, 101, 106, 107, 111, 116
Смирнов С. 124
Сталин И. В. 14, 39, 40, 48, 90, 96, 120, 121, 124, 125
Суворов А. В. 126
Суоми Ю. 14, 15, 120
Талвела П. 20–25, 28, 30, 35, 38, 44, 71, 77, 81, 83, 101, 104
Таннер В. 84, 86, 88
Тервасмяки В. 7, 33, 93
Типпельскирх К. 24
Туомпо В. Э. 31, 40, 44, 47, 59, 71, 76, 77, 83, 84, 89, 101, 104, 111
Фалькенхорст Н. 51, 64
Хакцель А. 93
Ханель Э. 50

Халсти В. 30
Хартикайнен П. 14, 132
Хейден С. 16
Хейнрикс А. Э. 7, 17, 23, 25–28, 35, 46, 58–61, 64, 70, 77, 79, 82 88,
94
Хельтер Х. 62
Хентиля С. 49
Хилтунен Р. М. 124
Холсти Р. 14, 15
Хорн В. 26
Хэлл К. 53, 67
Черчилль У. 54, 55, 79
Шапошников Б. М. 5, 39
Шернер Х. 95
Шниевинд О. 23
Шнурре К. 62
Шоенфельд Г. Ф. 40, 55
Эквист Х. 80
Энкель К. 89, 96, 123
Эркко Э. 16
Эрфурт В. 24, 50, 51, 58, 61, 62, 79, 80, 81, 82, 96
Эстерман Х. 13, 14
Юссила О. 49
Ягершельд С. 6, 11, 14, 76, 77, 111, 126
Яланти Х. 21
Ярвинен Э. 104, 105